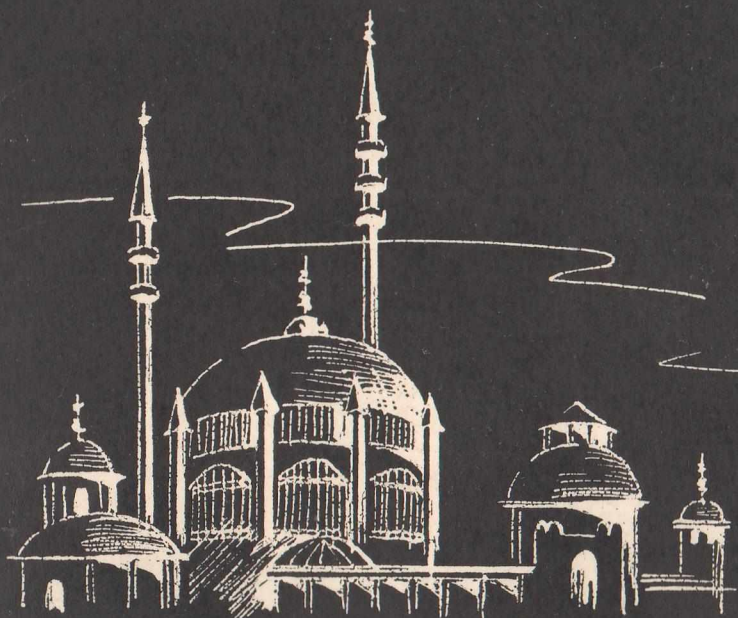

И. Е. Петросян, Ю. А. Петросян

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

реформы
и реформаторы

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт востоковедения

И. Е. Петросян, Ю. А. Петросян

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

**реформы
и реформаторы**

(конец XVIII – начало XX в.)

Москва
"НАУКА"

Издательская фирма "Восточная литература"
1993

РЕДАКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА

И.М.Дижур

Петросян И.Е., Петросян Ю.А.

- ПЗ1 Османская империя: реформы и реформаторы (конец XVIII—начало XX в.) — М.: Наука. Издательская фирма "Восточная литература". 1993. — 186 с.

ISBN 5-02-017698

В монографии на основе широкого круга и литературы освещаются основные этапы политической борьбы реформаторов в эпоху Нового времени — от реформ султана Селима III до младотурецкой революции 1908 г. Особое внимание уделено выявлению характера движущих сил реформаторского движения, анализу процесса борьбы за первую турецкую конституцию, деятельности младотурок на рубеже столетий: подробно освещаются идейные воззрения лидеров реформаторского движения, различные идейные течения в этом важном для исторических судеб Османской империи общественно — политическом движении.

П 0506000000-031 144-93
013(02)-93

ББК 63.3(5Ту)

ISBN 5-02-017698

© Издательская фирма
"Восточная литература"
ВО "Наука", 1993

ПРЕДИСЛОВИЕ

Борьба за реформы в Османской империи в XIX – XX вв. представляет собой одну из интереснейших страниц истории этого государства. В последние три десятилетия ее изучением стали заниматься историки-османисты как в Турции, так и в ряде европейских и американских исследовательских востоковедных центров. С середины 50-х годов к изучению реформаторских движений в османском государстве приступили и советские ученые. В этой деятельности участвовали своими работами и авторы настоящей книги. В разное время в книгах и статьях нам довелось анализировать различные аспекты политической борьбы и идейные воззрения реформаторов. Наши изыскания и их результаты и легли в основу данной книги.

Готовя ее к печати, мы исходили из того, что история реформаторских движений плохо изучена, а между тем их роль в современном мире весьма значительна. Для многих держав Востока – Османской империи и Ирана, Китая и Японии – XIX век прошел под знаком реформ. Изучение опыта этих реформ представляется сегодня крайне важным. Такой опыт мог бы стать инструментом для анализа реформаторских устремлений современного человечества, что особенно ценно в ситуациях, характеризующихся тенденцией обеспечить быстрый экономический и научно-технический прогресс при сохранении в целом базисных институтов, без принципиальных перемен в структуре власти. Опыт реформ в Османской империи может считаться поистине классическим примером подобного рода.

ВВЕДЕНИЕ

В мировой истории было немало империй, правители которых обладали неограниченной властью. Складывались эти империи по-разному, но в конечном счете превращались в огромные державы, в состав которых входили многие покоренные силой оружия земли и населявшие их народы. Так сложились Римская и Византийская империи, государства китайских императоров, Великих Моголов, Российская империя.

В ряду таких держав стоит и Османская империя, ядро которой возникло на крайнем западе Малой Азии к середине XIV в. Ей суждено было стать одним из самых крупных государств средневековья, превратиться в мощнейшую военную державу. Ее правители – султаны из династии Османа – в короткий срок подчинили себе многие народы Европы и Азии, овладели в 1453 г. бастионом восточного христианства Константинополем, превратив его в свою столицу – Стамбул. В XIV–XVI вв. османские султаны вели многочисленные и по преимуществу успешные войны к западу и востоку от своих границ. В результате этих войн на рубеже XVI–XVII вв. их владения занимали огромную территорию в трех частях света – Европе, Азии и Африке. Под властью султанов были Сербия и Греция, Молдова и Валахия, значительная часть венгерских, албанских и черногорских земель, вся Малая Азия, часть Армении и Грузии, Египет, Ирак и Йемен, Судан, Тунис и Триполитания.

Естественно, что управление таким огромным государством с разноплеменным населением, разнообразными природными и климатическими условиями, разными хозяйственно-бытовыми и культурно-религиозными традициями было весьма непростым делом. Решали турецкие султаны эту трудную задачу путем максимальной централизации системы административного управления и военной организации империи, теснейшим образом связанной с военно-ленной (стирарной) системой землевладения. В XV–XVI вв. османские султаны обладали всей полнотой власти, причем не только светской, но и духовной, поскольку султан имел еще и титул халифа – духовного главы мусульман-суннитов.

XVI век стал эпохой наивысшего могущества

Османской империи. На рубеже XVI-XVII вв. начали проявляться слабости в ее социально-экономическом и политическом развитии. В XVII в. упадок продолжался, что привело к затяжному социально-политическому кризису. Главной причиной этого явления был начавшийся в конце XVI в. процесс разложения тимарной системы, представлявшей собой краеугольный камень социальной структуры османского общества, его государственности. Этот процесс был тесно связан с менявшимся характером войн, которые вели султаны со своими соседями на западе и на востоке. Они утрачивали характер успешных военных походов, обогащавших не только султанов и государственную казну, но и конное ополчение - главную силу войска, которая комплектовалась из воинов, выставлявшихся ленниками-тимариотами. Поскольку походы переставали быть источником обогащения, тимариоты все чаще пренебрегали своими военными обязанностями.

Постепенная утрата большинством тимарных земельных владений характера условного держания, связанного с обязательствами по военной службе, стала уже в XVII в. опасным для судеб Османской империи явлением, ибо угрожала разрушением стержня государства - военно-феодальной системы. Но распад тимарной системы объяснялся не только утратой наступательного порыва государства османов. В не меньшей степени этот процесс был порожден все возрастающими внутренними противоречиями самой тимарной системы. Возникнув в результате успешных завоевательных войн, она была призвана обеспечить не только военную силу империи, но и феодальную эксплуатацию крестьянских масс на огромных территориях, подвластных султанам. Последнее же было возможно в том случае, если податное население обладало должными возможностями для развития сельскохозяйственного производства. Между тем в реальной жизни дела обстояли так, что в результате многочисленных войн, основное бремя которых ложилось на крестьян, все более сокращались их возможности осуществлять расширенное воспроизводство. Все попытки султанских властей остановить распад тимарной системы не дали в XVII-XVIII вв. сколько-нибудь ощутимых результатов.

XVIII век стал порой резкого ослабления некогда могущественной империи, временем тяжких военных поражений и экономических неурядиц, неуклонного падения международного престижа государства. Правящие круги страны впервые стали размышлять о путях выхода из кризиса. К этому их подталкивала и национально-освободительная борьба покоренных в прошлом силой оружия нетурецких народов Османской империи. Именно эта борьба породила «Восточный

вопрос», на протяжении многих десятилетий XIX в. находившийся в центре европейской политики, и резко обострила социально-экономический кризис страны, что вызвало эпоху реформ. Эта эпоха отмечена целой серией государственных актов, направленных к одной цели — спасти от гибели и вдохнуть новую жизнь в дряхлеющий организм государства, которое в XIV–XVI вв. устрало свои соседи, но к XIX в. пришло в упадок.

О поисках пути выхода из кризиса, о борьбе старого и нового в жизни неуклонно шедшей к своему историческому концу империи османов, о реформах и реформаторах, которые оставили заметный след в истории Турции, и пойдет речь в этой книге.

* * *

«Эпохой реформ» мы называем весь тот исторический период, на протяжении которого правящие круги Османской империи делали попытки перестроить государственную машину, изменить нормы социально-политической жизни турецкого общества и условия развития культуры в соответствии с требованиями времени, имея в качестве образца буржуазные государства Западной Европы. Нельзя забывать при этом, что стремление к «модернизации», или «европеизации», во многом порождалось задачей сохранения власти султана над нетурецкими народами, борьба которых за национальное освобождение все более грозила распадом империи.

Важное значение имеет вопрос о хронологических рамках «эпохи реформ», поскольку его решение зависит от толкования самого характера реформ и их движущих сил. Одни считают, что реформы в Османской империи начались в период правления Селима III (1789–1807), другие называют конкретную дату — 1826 год, когда был уничтожен янычарский корпус. Концом эпохи реформ большинство исследователей считают 1876 год, год провозглашения первой турецкой конституции.

На наш взгляд, такой разнотой объясняется отсутствием четкого понимания характера тех государственных преобразований, которые осуществлялись в период реформ. По существу, нет принципиальной разницы между той военной реформой, которую проводил Селим III, и той, автором которой был Махмуд II. Оба султана и их окружение ставили своей задачей создание новой, боеспособной армии, которая сможет противостоять технически и организационно более сильным европейским армиям. Сам по себе неуспех реформы ничего не значит при оценке всего реформаторского движения и лишь характеризует чрезвычайную слабость социальных сил, выступавших за прогрессивное развитие. Более того, именно неудача военной реформы Селима III указала султану Махмуду II

тот единственный путь, который мог привести к успеху, — полную ликвидацию янычарского пехотного войска, всеми корнями и традициями связанного со старой, феодальной Османской империей. После военных реформ Селима III, а затем Махмуда II были сделаны шаги, расширившие область государственных преобразований. Кроме уничтожения янычарского корпуса и создания армии нового типа следует упомянуть и ликвидацию тинарной системы.

Реформы Селима III и Махмуда II составляют первый этап преобразований в Османской империи, когда реформы осуществлялись представителями верховной власти, олицетворявшими в своем лице в тот период политическую силу, не связанную напрямую с социально-политическими интересами какой-то определенной части господствующего класса. Военная реформа в Османской империи, предусматривавшая создание новой армии, являлась тем государственным меропрятием, в котором остро нуждался старый господствующий класс в целом в интересах сохранения саних условий своего господства.

Вторым этапом были реформы 40-60-х годов XIX в. Сих завершающими актами являются закон о вилайетах 1864 г. и ряд незначительных экономических законодательных инициатив), авторами и проводниками которых были государственные деятели из высшей бюрократии, связанные своими корнями с традиционными феодальными институтами Османской империи. С помощью реформ они отстаивали свои пошатнувшиеся (по разным причинам) экономические и политические позиции. Для этого периода было характерно тесное взаимодействие султана с представителями основной массы господствующего класса, еще вполне феодального.

На данном этапе переустройству подверглись многие звенья структуры управления, были осуществлены культурные преобразования, значительно изменилось и законодательство. Для этого периода характерно постепенное расширение социальной базы реформаторов, которые к концу его обретают активную поддержку молодой турецкой интеллигенции. Возникают предпосылки общественного движения за реформы.

Третий этап (60-е годы XIX в. — 1908 г.) — это затянувшийся по времени период проведения в жизнь самой радикальной политической реформы — ограничения власти султана с помощью конституции, реформы, успешно осуществленной лишь в результате младотурецкой революции 1908 г.

Провозглашение в 1876 г. конституции и учреждение парламента, борьба за которые началась в 60-е годы, внесли в политическую жизнь страны элемент радикализма, который в конечном счете оказался чужд даже воспитанной в духе реформ новой бюрократии. Самую радикальную политическую реформу в Османской

империи удалось осуществить с помощью интеллигенции, по-новому взглянувшей на цели социальных преобразований и конкретные пути их осуществления. Конституция и парламент, явившиеся главным результатом этого этапа реформ, затронули, пусть весьма слабо, казавшийся неизменным институт власти султанов, которые до той поры санкционировали лишь частичные государственные преобразования. У султана была вырвана политическая уступка, превратившая турецкую деспотическую монархию в конституционную. Был сделан политически несколько преждевременный, как оказалось, но важный шаг на пути развития буржуазной революции в Османской империи.

Провозглашение в 1876 г. конституции, это «забегание вперед» (в данный период развития османского государства) оказало неожиданно тормозящее влияние на процесс проведения реформ. Султанская власть, прерогативы которой оказались нарушены, вновь проявила свой авторитарный характер, встав «над классами» общества, стремившимися к освобождению от экономических и политических норм жизни старой восточной деспотии. Так на свет появился режим «зулюма».

Младотурецкая революция 1908 г. создала условия не только для восстановления и прочного закрепления политического успеха 1876 г., но и для продолжения процесса буржуазных преобразований. Она явилась тем инструментом, с помощью которого была доведена до конца конституционная реформа 1876 г.

Последующий период буржуазной революции в Османской империи, связанный с правлением младотурок, протекал уже на фоне качественно иной социально-политической ситуации. Реальная власть в стране (через парламент) перешла к буржуазным, в той или иной степени, элементам османского общества, искавшим политического соглашения уже не с султанской властью, а со старым господствующим классом (также постепенно обуржуазивавшимся).

Часть I

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА РЕФОРМАТОРОВ

Глава I

СУЛТАНЫ-РЕФОРМАТОРЫ И НОВАЯ БЮРОКРАТИЯ ИМПЕРИИ

28 марта 1789 г. в столице Османской империи царил оживление. Множество горожан заполнило дворы многочисленных мечетей, переполнены были и кофейни — традиционное место встреч и бесед жителей Стамбула. У всех на устах была одна новость. Сегодня в султанском дворце появился новый хозяин — Селим III. Многим стамбульцам довелось увидеть кортеж нового султана, когда он проследовал по столичным улицам к расположенной на склоне одного из холмов в устье залива Золотой Рог мечети Эйюба — традиционному месту коронации.

Это была первая мечеть, сооруженная турками после взятия Константинополя в 1453 г. и превращения византийской столицы в престольный город империи османов — Стамбул. Мечеть Эйюба всегда высоко чтилась мусульманами, среди ее реликвий был и камень из мечети Кааба в Мекке, который хранил, согласно преданию, следы ступни пророка Мухаммеда. Другой почитаемой турками-османями реликвией мечети Эйюба был меч основателя турецкого государства — Османа. Именно опоясание этим легендарным оружием и составляло центральную деталь церемонии, сопровождавшей восшествие нового султана на престол. Совершив этот обряд, Селим III покинул мечеть, приветствуемый тысячами подданных. Султанский кортеж направился ко дворцу Топкапы, расположенному на другом конце города, на острон мысу между Золотым Рогом и Мраморным морем. Его путь традиционно проходил мимо казарн, где квартировали янычары, когда-то бывшие опорой трона османских султанов, а к описываемой нами поре превратившиеся в своего рода преторианскую гвардию, чье недовольство уже не раз стоило султанам не только трона, но и жизни. У этих казарн Селим III сделал, как и все его предшественники, остановку. Он выпил традиционную чашу шербета, поднесенную ему одним из янычарских военачальников, и также по

традиции наполнил опустевшую чашу золотыми монетами. Так султаны обычно подтверждали свое расположение к янычарам.

Конечно, никто не может знать, какие мысли одолевали 28-летнего Селима III в эти минуты. Но, как вполне можно предположить, он сознавал, что стоявшие перед ним янычары в скором времени станут для него весьма опасны. Предположение это не лишено оснований, так как историкам известно, что молодой султан имел репутацию человека, вынашивавшего планы реформ в находившемся уже длительное время в кризисном состоянии государстве. Репутацию сторонника реформ, в том числе военных, новый султан приобрел еще будучи принцем. Был даже момент в 1785 г., когда группа сторонников реформ в военной области во главе с великим везиром Халилем Хамид-пашой вынашивала план дворцового переворота, с тем чтобы заменить шестидесятилетнего султана Абдул Хамида I (1774-1789) его молодым племянником Селимом. Заговор был раскрыт. Его участникам он стоил жизни, а принцу пришлось еще четыре года ждать своего часа. И вот он наступил.

Селиму III была уготована судьба открыть целую эпоху реформ в истории империи османов. И он не мог не понимать в момент церемонии у янычарских казарм, что заверяет в своем благорасположении тех, кто станет его лютыми врагами, как только он попытается осуществить свои замыслы. Ведь именно янычарский корпус был бастионом реакции, главным очагом смут и орудием в борьбе дворцовых группировок. Именно янычары противились любым новшествам в делах государственных и чисто военных. Именно они считали себя, и не без оснований, хранителями традиций и нравов османского средневековья. А новое время настойчиво требовало перемен.

Селим III вступил на престол 28 марта 1789 г., а уже в апреле начались бурные события Великой французской революции. В наши дни многие усматривают в этом совпадении исторических событий нечто символическое, свидетельство некой связи французской буржуазной революции и реформаторского движения в Османской империи. Действительно, последующее развитие борьбы за реформы в дряхлеющей империи османов выявило немалое воздействие идей Французской революции на турецких реформаторов. Но это влияние относится ко второй половине XIX в. Селим III, напротив, был напуган революционной бурей во Франции, а получив известие о казни Людовика XVI, с которым он в бытность свою наследником престола был в личной переписке, долгое время пребывал в состоянии поистине ужасном.

Что же касается реформаторских замыслов Селима III, то продиктованы они были прежде всего чередой поражений османской армии в русско-турецких войнах.

В начале 60-х годов XVIII в. отношения Османской империи с Россией резко обострились. Причин было несколько: постоянные разорительные набеги крымских и ногайских татар, находившихся в зависимости от османских султанов; желание России обеспечить интересы русской морской торговли в Черном море, где русским судам было запрещено плавать в соответствии с Прутским договором 1711 г., завершившим неудачную для России войну с Турцией 1710-1711 гг.; наконец, стремление многих подвластных султану народов Балкан и Кавказа заручиться поддержкой царского правительства в начавшейся борьбе за освобождение от османского владычества.

Осенью 1768 г. началась новая русско-турецкая война. Военные действия обнаружили крайне низкую боеспособность султанских войск, низкий уровень их вооружения и оснащения, явную беспомощность военачальников всех рангов. Кампаний на Балканах и на Кавказе принесли в 1769-1771 гг. русскому оружию целую серию побед на суше и на море. 26 июня 1770 г. в Чесменском сражении русские флотоводцы почти полностью уничтожили турецкую эскадру, а затем организовали блокаду Дарданелл. В 1771 г. русские войска заняли Крым. Наконец, блестящие победы русских войск на Балканах весной и летом 1774 г. завершились 9 июня 1774 г. разгромом 40-тысячной турецкой армии русским корпусом под командованием А.В.Суворова в сражении при Козлудже.

10 июля 1774 г. в деревне Кючук-Кайнарджа был подписан мирный договор. Он отразил экономическое и военное превосходство Российского государства над Османской империей, зафиксировал принципиальные перемены в русско-турецких отношениях, в международном положении Турции. По мирному договору Крымское ханство было объявлено независимым. Россия признала лишь духовную власть султана над крымскими татарами в качестве халифа всех мусульман. Кючук-Кайнарджийский мир зафиксировал и другую важнейшую для России победу: русские торговые суда получили право свободного плавания во всех морях, омывающих берега владений султана. Для исторических судеб ряда славянских народов, изнывавших под турецким игом, был важен тот пункт договора, который признавал за Россией право защищать интересы православной церкви в Османской империи.

Кючук-Кайнарджийский договор свидетельствовал не только об усилении России. Он продемонстрировал перед всем миром слабость некогда могущественной империи османов, выявил ее экономическое и военно-техническое отставание от европейских стран. Тем не менее в окружении султана и в Высокой Порте нашлась влиятельная группа сановников, которая попыталась

добиться ревизии положений мирного договора 1774 г., в первую очередь восстановления контроля султана над Крымом. Под влиянием этих сил в 1775 г. турецкий ставленник завладел ханским престолом.

19 апреля 1783 г. Екатерина II издала манифест о присоединении Крыма, Таманского полуострова и земель до реки Кубань к Российскому государству. Султан был вынужден дать официальное согласие на включение всех перечисленных территорий в состав России, но воинственность антирусской партии в Стамбуле после этого еще более усилилась.

24 августа 1787 г. Османская империя объявила России войну. В 1788 г. русские войска одержали ряд значительных побед, захватив Хотин и Очаков. Русский флот в сражениях у Очакова и у Синопа вновь продемонстрировал свои высокие боевые качества, разгромив турецкие эскадры. В сражении при Рымнике 22 сентября 1789 г. А.В.Суворов разгромил 100-тысячную армию турок, которая потеряла в бою 20 тыс. убитыми и ранеными. 22 декабря 1790 г. крепость Измаил, укрепленная под руководством французских и прусских фортификаторов и имевшая гарнизон в 35 тыс. солдат, была штурмом взята войсками А.В.Суворова. В 1791 г. русская армия и флот одержали ряд новых побед на суше и на море. Порте вновь пришлось просить мира. Мирный договор был подписан в Яссах в январе 1792 г. Он не только подтвердил в основном положения Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г., но и принес России новые территориальные выгоды и политические преимущества.

Не будет слишком рискованным предположение, что описанные выше события определяли ход размышлений Селима III даже в часы коронационных торжеств, когда он мысленно намечал ближайший план действий. Ведь рушилось убеждение в превосходстве турок-османов и их оружия над «неверными», исчезала традиционная уверенность в незыблемости власти султана над покоренными народами, росли сомнения в жизнеспособности государственного организма империи.

В те годы многим сановникам империи, а может быть, и самому Селиму III не раз вспомнились размышления известного дипломата Гиритли Ахмеда Ресни-эфенди, чей политический памфлет «Сок достопримечательного» ходил в списках по рукам после русско-турецкой войны 1768-1774 гг. Автор памфлета резко критиковал турецких государственных деятелей за то, что они втянули империю в войну, не оценив толком ее последствия для своей страны, явно к такой войне не готовой. Ахмед Ресни всем ходом своих рассуждений о вопиющей безответственности, головотяпстве и казнокрадстве сановников, отвратительной подготовке армии к боевым действиям, ужасающей некомпетентности военачальников демонстрировал серьезнейшее

расстройство всей военно-административной системы страны. Высших сановников страны Ахмед Ресни рисовал так: «То ли дело наши государственные мудрецы! Не дал им Аллах ни ума, ни опытности — чтение историй не их занятие...». Он называл их людьми невежественными, «не умеющими соображать никаких последствий»¹. Панфлет был пронизан духом критики порядков, царивших в государственном управлении, особенно в армии.

Итак, неудачные войны породили среди правящей верхушки империи османов мысли о новой политике, в особенности о политике внутренней. Впрочем, мысли эти были, если соблюдать точность, не совсем новыми. Еще в 1732 г. турецкий первопечатник Ибрагим Мутеферрика опубликовал трактат под названием «Основы мудрости в устройстве народов», в котором содержался страстный призыв к осознанию недостатков в управлении государством. Убежденный сторонник просвещенной монархии, Ибрагим Мутеферрика описывал сатирическим пером беспорядки и несправедливость, присущие абсолютистским режимам, обличал зло кровопролитных войн, высоко оценивал роль научных знаний в жизни общества. Он ратовал за изучение и использование европейского опыта при осуществлении необходимых, с его точки зрения, реформ государственного управления, военного дела, науки и культуры. Главная цель автора состояла в том, чтобы доказать крайнюю необходимость осуществления военной реформы на основе опыта европейских держав².

Сознание необходимости серьезных перемен в государственных делах все шире распространялось в правящих кругах Османской империи, но именно Селиму III суждено было стать первым султаном-реформатором.

Юношеские годы Селима прошли в особых покоях дворца Топкапы, где обычно содержались либо смещенные с трона султаны, либо принцы. Здесь они жили в строгой изоляции, ибо царствующие монархи опасались, что в результате очередного дворцового заговора кто-либо из них станет покушаться на престол. Селиму повезло, его жизнь во дворце оказалась мало стеснена. Юный принц имел широкий круг общения, получил неплохое образование. От остальных членов династии он отличался образованностью и интеллектуальностью. К сожалению, он не обладал твердым характером, решительностью и смелостью, которые нужны были человеку, замыслившему крупные перемены.

Желание сделать нечто серьезное для блага государства было у молодого султана не случайной прихотью. Еще будучи принцем, Селим старался узнать о том, как ведутся государственные дела в европейских странах. Врач его отца итальянец Лоренцо вместе с французским послом в Стамбуле содействовал налаживанию личной переписки наследника с королем Франции Людовиком XVI. В письмах к французскому

монарху Селим проявил понимание опасного положения дел в империи османов и обсуждал с Людовиком способы его улучшения. Именно в этой переписке возникла ставшая стержнем будущих реформ Селима III тема модернизации османской армии.

Первый же хатт (указ) нового султана отразил его серьезную озабоченность положением страны. В указе говорилось о неполадках и злоупотреблениях в административной и судебной системе, произволе в сборе налогов. Султан призывал свое правительство – Высокую Порту – доложить ему всю правду о состоянии дел в государстве и изыскать путь к его спасению.

Конечно, благопожелания монарха, даже еще и не очень волевого, так и остались бы на бумаге, если бы в его окружении не оказались представители светской и духовной знати, которые не только сознавали нависшую над империей опасность, но и обладали способностью к действию. Именно они, сделав Селима III своим знаменем, попытались на рубеже XVIII–XIX вв. переломить ход событий, неуклонно подталкивавших некогда могущественную империю к краю гибели.

В конце 1791 г., когда поражение Османской империи в войне с Россией стало очевидным, Селим повелел группе высших светских и духовных сановников империи представить записки, содержащие анализ положения дел в государстве и предложения о мерах, необходимых для его улучшения. Более 20 человек представили такие записки (ляиха). Как и следовало ожидать, большинство авторов записок не шли дальше традиционных рецептов – навести порядок в работе чиновников, упорядочить финансы, восстановить боевой дух армии, в первую очередь корпуса янычар. Но в записках проскальзывало и понимание необходимости искать новые пути и способы укрепления государства. Так, Татарджик Абдулла, занимавший пост кадиаскера Румелии – один из двух высших постов в основанной на мусульманском праве судебной системе империи, отмечал, что откупная система взимания налогов разоряет крестьян и препятствует прогрессу сельского хозяйства. Он предлагал такие нетрадиционные методы подъема сельского хозяйства и горнодобывающей промышленности, как, например, устройство мануфактур по переработке табака и организация горнорудных предприятий на арендных началах. Одновременно Татарджик Абдулла обращал внимание султана на необходимость укрепления центральной власти и усиления контроля над деятельностью провинциальных властей, ограждения населения от их произвола, в особенности при сборе налогов. О необходимости ликвидировать злоупотребления при сборе налогов писал и тогдашний дефтердар, министр финансов, Шериф-эфенди.

Важнейшее место в поданных султану записках занимал, естественно, вопрос о повышении

боеспособности армии. Среди авторов нашлись люди, осознавшие необходимость коренной реформы военного дела. Дефтердар Шериф-эфенди предлагал путем рекрутского набора создать контингент новых войск и организовать их специальное обучение. Еще дальше пошел в своей записке великий везир Коджа Юсуф-паша, который предложил неслыханное новшество — создать корпус новых войск, обученных и организованных по-европейски.

Но наибольшее воздействие на формирование реформаторских планов Селима III оказали результаты чрезвычайного посольства, направленного султаном в Вену в августе 1791 г., вскоре после подписания мира с Австрией. Его глава Ратиб-эфенди получил задание детально ознакомиться с государственной системой Австрии и постановкой там военного дела. Надо заметить, что глава султанского посольства был человек с прогрессивными для своей среды и времени взглядами. Длительное пребывание на дипломатической службе позволило ему много общаться с западными дипломатами, дало возможность составить определенное представление о государственном устройстве европейских стран и образе жизни их населения. Ратиб-эфенди был знаком даже с сочинениями Руссо, Вольтера и Монтескье.

Посольство находилось в Австрии более семи месяцев. Свои впечатления Ратиб-эфенди изложил в форме традиционного сефаретнаме (записка о посольстве). Но содержание этого объемистого, в 500 страниц, доклада было совершенно новым по своему характеру. Подробно описав все стороны жизни Австрии, автор доказывал, что превосходство европейских стран над Османской империей объясняется прежде всего тем, что их подданные, если они соблюдают законы и исправно платят налоги, имеют право устраивать личную жизнь по своему усмотрению. Государство в этих странах проявляет заботу о благополучии своих подданных, защищает их от притеснений. Вместе с тем автор доклада, опираясь на высказывания известных европейских ученых и политиков, утверждал, что сила государства основывается в первую очередь на хорошо организованной, должным образом обученной и дисциплинированной армии.

Военные реформы и составили ядро политики Селима III. Однако сразу стать на путь создания совершенно новых как по способу комплектования, так и по системе организации войсковых контингентов султан и его окружение не решились, ибо османская знать воспринимала любые попытки что-либо изменить в делах государственного устройства и управления как посягательство на законы веры и предков. Тем более остро реагировали они на новшества, шедшие с «неверного» Запада. В таких условиях вполне понятны

первые шаги Селима III на поприще военных реформ. Он начал с традиционных мер по укреплению янычарского пехотного войска и феодального конного ополчения, сформировавшегося из ленников-тимариотов и веками бывшего основной боевой силой турецкой армии.

Предшественники Селима не раз пытались в XVIII в. повысить организованность и боеспособность конного ополчения. Последнюю из таких попыток, в очередной раз не принесшую сколько-нибудь заметного улучшения в состоянии конного войска, предпринял в 1777 г. султан Абдул Ханид I. Его указ предусматривал осуществление строгих мер, направленных на неукоснительное выполнение тимариотами своих воинских обязанностей, повышение среди тимариотов и снаряжаемых ими конников-сипахи дисциплины. Положения этого указа практически остались на бумаге.

Селим попробовал достичь реального результата, следуя дорогой своих предшественников. В сентябре 1792 г. он издал указ, в котором прямо говорилось, что некогда «прекрасное и надежное» войско буквально разложилось из-за того, что тимариоты пренебрегают своими обязанностями, уклоняясь от участия в войнах. Особое внимание в указе обращалось на участвовавшие факты передачи тимаров за взятки лицам, не участвующим в военных походах. Указ предусматривал строгие наказания (вплоть до смертной казни) за нарушение порядка распределения тимаров и за несоблюдение тимариотами их воинских обязанностей. У тимариотов, уклонявшихся от этих обязанностей, земельные владения были конфискованы в пользу казны.

Этот указ оказался последней попыткой султанов законодательными актами вдохнуть новую жизнь в явно одряхлевшую османскую военно-ленную систему. Уже через несколько месяцев после его опубликования началось создание первых формированиях новой регулярной армии. И здесь султана-реформатора ждало едва ли не самое главное испытание — противодействие могущественного корпуса янычар.

Янычары были решительно настроены против каких-либо новшеств в армии, особенно в их войске. Когда после неудачной для Османской империи русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Высокая Порта пригласила иностранных военных специалистов для модернизации артиллерии и саперных частей, янычары встретили этот шаг с явным неодобрением. Враждебное отношение к новшествам и советам, исходящим от «неверных», было доминантой настроений в корпусе янычар. Если же дело доходило до попыток повысить дисциплину в янычарском войске и заставить янычар больше времени уделять военной подготовке, то они не останавливались ни перед чем, ограждая свои привилегии и привычный образ жизни.

Так случилось и в 1793 г., когда, приступая к военным реформам, Селим III попытался принять меры для повышения боеспособности янычар. Он повелел несколько раз в неделю проводить в частях корпуса занятия по различным видам военного дела. Одновременно он назначил нескольких уполномоченных, которые должны были проверить, кто из янычар (большинство их давно больше занималось торговыми лавками или ремесленными мастерскими, которыми они обзавелись) все же действительно проходит службу в корпусе. Опасная для янычар проверка была сорвана, уполномоченные были убиты.

И все же Селим III, поддерживаемый группой высших сановников империи, решился встать на путь коренного реформирования армии. Чтобы оценить настроения, царившие в кругу реформаторов — единомышленников Селима, обратится к дошедшим до наших дней их собственным публицистическим произведениям.

В 1798 г., в разгар реформаторских начинаний Селима III, в Стамбуле было опубликовано на французском языке сочинение одного из приближенных султана, Махнуда Раифа, «Картина нового устройства Оттоманской империи». Автор этого трактата был, несомненно, человеком, европейски образованным, проявлявшим большой интерес к различным сторонам жизни европейских государств; в частности к организации их армии и финансов. В отличие от подавляющего большинства османских сановников той поры Махнуд Раиф демонстрировал в своем произведении определенное понимание зависимости уровня военного дела от состояния экономики. Не случайно рассказ о реформах Селима III он начал с упорядочения тимарной системы, отмены твердых цен на зерно и решения о закупке его государственными органами по рыночным ценам, наконец, с мер, направленных на увеличение доходов казны для проведения военных реформ. Большая часть труда Махнуда Раифа была посвящена самим военным реформам, в центре которых было создание новых, по-европейски организованных и обученных армейских контингентов. Именно в них автор видел реальное воплощение реформаторских планов Селима III, верой в мудрость которого была пронизана его книга.

Реформам, задуманным Селимом III, служило публицистическое перо еще одного его сподвижника, Сеида Мустафы. В 1803 г. он опубликовал в Стамбуле на французском языке «Памфлет инженера Сеида Мустафы о современном состоянии военного искусства, инженерного дела и науки в Константинополе». Примечательно, что этот автор начал свое произведение с рассуждений о значимости трудов европейцев в области математики и прочих точных наук, с рассказа об успехах

математической школы, созданной Селимом III в Стамбуле по европейскому образцу. Все это, очевидно, понадобилось ему для того, чтобы внушить турку-мусульманину столь непривычную для него мысль о закономерности и целесообразности использования европейского опыта. Сеид Мустафа сетовал в своем памфлете на пренебрежение в османской армии военной наукой, когда турки больше уповают на храбрость и многочисленность своих войск, нежели на изучение и применение современной военной тактики. Он с нескрываемой горечью писал о «глупцах и суеверных людях», восстаивающих людей против реформ, о многочисленных препятствиях на пути реформаторов, которые порождает неблагоприятная критика со стороны их противников. Значительную часть памфлета автор посвятил конкретным мерам Селима по созданию нового регулярного войска⁶.

Мы предварили рассказ о военных реформах султана Селима III изложением взглядов двух его наиболее известных единомышленников, чтобы понять и оценить взгляды тех, кто вступал вместе с ним на тернистый путь преобразований. Конечно, пропаганда этих взглядов, изложенных в книгах, написанных на французском языке, не могла обеспечить реформаторам широкой поддержки. Но и те немногие турки, которые читали и одобряли сочинения Махмуда Раифа и Сеида Мустафы, становились важным каналом пропаганды идей реформаторов. Ведь среди читателей этих книг, несомненно, были сановники и представители высшей бюрократии, дипломаты, образованное офицерство. Само собой разумеется, что далеко не все по прочтении этих совершенно новых по духу книг становились сторонниками реформ, но распространение идей реформаторов в относительно широком слое турецкой образованной публики становилось фактом общественной жизни.

Как мы уже отмечали, начатые Селимом в 1793 г. реформы в армии открыли целую эпоху реформ в Османской империи. Конечно, современникам Селима трудно было оценить историческую перспективу начатого им дела, но неординарность происходящего была очевидна для многих. Не случайно первые же шаги султана на поприще военных реформ привлекли пристальное внимание не только аккредитованных в столице империи европейских дипломатов, но и подданных султана. Весть о том, что султан решил обзавестись новым войском и воспользоваться для этого помощью иностранных советников и инструкторов, горячо обсуждалась жителями Стамбула летом и осенью 1793 г. Как и следовало ожидать, мусульманское духовенство в целом отрицательно отнеслось к планам султана, обвинив его в подражании «гяурам». Сторонникам реформ пришлось прибегнуть к цитате из Корана, в

которой говорилось: «Одерживайте победы над неверными тем же оружием, при помощи которого они побеждают вас».

Когда Селим III решил приступить к осуществлению своих планов реорганизации армии, в его окружении оказались люди, которые советовали ему еще раз попытаться организационно укрепить и поднять боеспособность янычарского корпуса. Но Селим III пошел по иному пути, поддержав тех, кто считал необходимым создать новое, по-европейски организованное войско. Именно эти люди (в их числе были великий везир и глава ведомства внешних сношений — реис-эфенди) предложили султану пригласить для организации нового войска 50-100 европейских офицеров, а также направить группу молодых турок для обучения в армиях стран Европы.

В своей реформаторской деятельности Селим III опирался на техническую помощь Франции, несмотря на то что с крайним неодобрением воспринял происшедшую там в 1789 г. революцию. В октябре 1792 г. ее правительство направило в Стамбул по просьбе Порты инженера и группу ремесленников. В 1796 г. в столицу империи из Франции прибыло около 100 мастеров-ремесленников, а также отряд артиллеристов.

В первой половине 1793 г. Селим III издал указ о сформировании пехотного корпуса, организованного и обученного по европейскому образцу. Были также изданы указы об учреждении специальной военной кассы — «казны новых доходов», — в которую должны были поступать средства, идущие на финансирование вновь создаваемых воинских контингентов. Поскольку было очевидно, что сразу невозможно заменить всю старую военную организацию, реформаторы приложили немало сил и для того, чтобы улучшить постановку службы в традиционных военных формированиях. Были приняты меры для повышения боеспособности янычарского корпуса. Но главной целью реформы было, бесспорно, создание нового войска. Новый корпус, несмотря на все старания султана, создавался довольно медленно. К 1798 г. в его составе было не более 4 тыс. солдат, и лишь к 1804 г. его численность была доведена до намеченной цифры — 12 тыс. Новые методы военного обучения, новое вооружение и строгая дисциплина дали некоторые результаты. Уже во время франко-турецкой войны 1798-1802 гг. новые военные формирования показали неплохие боевые качества.

В ряду других военных реформ Селима III были мероприятия по усилению боеспособности и технической оснащенности артиллерии и флота. Султан издал специальный указ о проведении необходимых мер для улучшения дела в артиллерийских частях. Им поставили пушки нового образца. В артиллерийский арсенал Топхане были приглашены европейские инженеры, мастера

и инструкторы, по большей части французы. Султану-реформатору удалось создать за сравнительно короткий срок значительный по силам флот. Среди капитанов кораблей было к тому времени немало молодых людей, получивших специальное образование и подготовку. Современники считали созданный при Селиме III военно-морской флот одним из лучших в Европе.

Военные реформы Селима III⁷ влекли за собой контакт с европейской наукой. Это, в свою очередь, дало себя знать и в других областях жизни страны, в частности привело к дальнейшему развитию светского образования через военные учебные заведения. В 1793 г. Селим III открыл сухопутное инженерное училище для подготовки армейских инженеров и артиллеристов. В этом училище под руководством французов и турок, получивших европейское образование, прошли военную и общеобразовательную подготовку по европейскому образцу сотни юношей. Стремление улучшить подготовку военных специалистов, в частности инженеров для армии и флота, естественно, заставило перевести на турецкий язык ряд европейских, в первую очередь французских, трудов по военному делу, математике и некоторым другим дисциплинам.

Военные реформы и связанные с ними мероприятия отразились и на состоянии промышленности. В связи с возрождением флота увеличилась добыча медной руды и угля, а также селитры, необходимой для производства пороха; были построены новые мануфактуры и оружейный завод. Делались попытки поощрить развитие местного производства тканей, прежде всего на текстильных фабриках Анкары и Стамбула. Хотя эти разрозненные и далеко не первостепенные мероприятия Селима III в экономической сфере не могли существенно повлиять на состояние сельского хозяйства, ремесла и торговли, они свидетельствовали о том, что в правящих кругах империи постепенно зрело понимание важности решения хозяйственных проблем.

Реформы, особенно создание новой армии, стоили больших денег. Средств не хватало, их начали получать путен введения новых налогов. Все новые налоговые поступления и ряд других специально определенных видов доходов поступали в «казну новых доходов». Из ее средств финансировались все военные реформы, в ней же накапливался денежный фонд на случай войны. Новые налоги были введены на ряд продуктов сельского хозяйства — шелк, хлопок, табак и др. Они вызвали бурное недовольство населения, вылившееся иногда в восстания против правительства. Фанатичное духовенство и крупные феодалы в провинциях Османской империи, не желавшие усиления центральной власти, возбуждали крестьянство и горожан против реформ и их инициаторов. Селим III и его правительство стремились установить действенный контроль над

провинциальными властями. Султан издал специальный указ, определявший порядок управления провинциями, назначение и обязанности губернаторов. В указе подчеркивалось, что эти чиновники назначались центральными властями и были подотчетны султану и великому везиру.

Реформы, однако, не смогли дать реального результата. В частности, в самый разгар военных реформ Селима III ареной действий отрядов кырджалиев стала вся Румелия. Их поддерживали и заодно с ними действовали некоторые феодалы-сепаратисты, в том числе видинский аян Осман Пазванд-оглу. Много хлопот приносили правительству и анатолийские феодалы-сепаратисты, не поддерживавшие реформы.

После франко-турецкой войны 1798-1802 гг. внешнеполитическое положение Османской империи некоторое время оставалось стабильным, но резко пошло на подъем национально-освободительное движение в ее балканских провинциях. Усилилась освободительная борьба против турецкого владычества в Греции, Болгарии и Черногории. Черногорцам удалось столь успешно противостоять турецким войскам, что Селим III вынужден был признать Черногорию независимой. В Сербии в феврале 1804 г. вспыхнуло продолжавшееся более десяти лет антитурецкое восстание.

Тяжелое внутривластное положение Османской империи и осложнение международной обстановки активизировали противников реформ Селима III. Они организовали выступления против властей, в частности бунт янычар в Эдирне. Султан пошел на уступки реакционерам и отозвал в столицу из Румелии новый воинский контингент. Враги султана использовали проявленную им слабость. Улемы стали открыто доказывать, что реформы идут вразрез с установлениями Корана и шариата. Наконец, позиции султана и его сторонников резко ослабила начавшаяся в 1806 г. русско-турецкая война. Группа сановников составила заговор против Селима III. 25 мая 1807 г. заговорщики подняли бунт против султана. 29 мая Селим III отрекся от престола, на трон был возведен султан Мустафа IV (1807-1808).

Между тем сторонники реформ, которым удалось уцелеть во время бунта, не потеряли надежды вернуть Селиму III трон. Эту группу сановников возглавил крупный государственный деятель Мустафа-паша Байрактар*. После совершившегося в Стамбуле переворота Байрактар выступил против попытки янычар расправиться со сторонниками реформ в Силистре. Вскоре ставка Байракта в Русе стала центром всех уцелевших сторонников Селима III.

Заговорщикам благоприятствовало положение на русско-турецком фронте, где летом 1807 г. наступило затишье. В июле 1808 г. Байрактару удалось, объединив

самые разные политические группировки из числа сторонников Селина, подготовить военный поход на Стамбул. Большая армия, собранная Байрактаром, 18 июля подошла к столице и стала лагерем около города. 21 июля войска Байракта появились на улицах столицы. Султану Мустафе IV пришлось сместить ряд неугодных повстанцев сановников. Наконец, 28 июля 15-тысячное войско Байракта вступило в Стамбул. В тот же день Байрактар двинулся ко дворцу султана, намереваясь восстановить Селина III на троне. Однако, когда войска Байракта ворвались во дворец, Селим был мертв: по приказу Мустафы IV он был задушен. Байрактару оставалось лишь одно - возвести на престол принца Махнуда (1808-1839), которому суждено было не только продолжить дело Селина III, но и войти в историю своей страны в качестве крупного преобразователя.

Силы феодальной реакции были очень значительны, они довольно быстро оправились от поражения. В ночь с 14 на 15 ноября 1808 г. в столице вспыхнул бунт янычар против Байракта и его сторонников. Байрактар не сумел организовать сопротивление, проявив лишь личное мужество при осаде янычарями его дома. Более 12 часов Байрактар героически сопротивлялся янычарам, забаррикадировавшись в каменной башне. Когда же сопротивление стало бессмысленным, он сам взорвал башню, выстрелив в бочку с порохом.

Султан Махмуд II и его приближенные проявили решительность в борьбе с взбунтовавшимися янычарями и нанесли им несколько внушительных ударов. Тем не менее через день бунт вспыхнул с новой силой, янычары передали султану список подлежащих немедленной казни лиц из числа сторонников реформ. Султану пришлось пойти на уступки, он лишь осмелился помочь бежать сановникам, вызвавшим ненависть янычар.

Реформы султана Селина III оказались безуспешными прежде всего из-за крайней узости социальной базы реформаторов, которым постоянно противостоял мощный блок феодальной реакции и фанатичных клерикалов. Реформы не получили поддержки масс. Все народы Османской империи страдали от растущего налогового бремени, а у нетурецких народов к этому добавлялось недовольство Селимом III и его правительством, жестоко подавлявшим любое проявление национально-освободительных устремлений. И все же Селим III заложил первые камни в фундамент последующих реформ государственного устройства и быта.

Весной 1821 г. против турецкого владычества восстали греки. Первоначально ареной восстания была Морья, но в короткий срок оно распространилось на всю континентальную Грецию и острова Эгейского и Адриатического морей. Порта ответила жестоки

репрессиями. По многим городам Османской империи прокатилась волна греческих погромов, сопровождавшихся грабежами и убийствами. Гонениям подверглись в те месяцы и другие христианские народы империи. Однако, несмотря на репрессии, восстание продолжалось. В январе 1822 г. повстанцы законодательно оформили свою борьбу за независимость. В Эпидавре было создано Национальное собрание Греции, которое приняло конституцию, провозгласившую независимость страны. В июле 1822 г. Махмуд II попытался подавить главный очаг восстания и базу повстанцев — Морею. Но турецкая армия в Морее была наголову разгромлена.

Махмуд II обратился за военной помощью к своему вассалу, правителю Египта Мухаммеду Али. Согласившись предоставить турецкому султану для борьбы с греческими повстанцами армию и флот, Мухаммед Али обусловил эту военную помощь передачей Морей в управление своему сыну Ибрагим-паше, который был назначен командующим египетскими вооруженными силами, направленными в Грецию. Несмотря на героическое сопротивление греческих повстанцев, в ноябре 1824 г. войска Ибрагим-паши разгромили их на Крите, а в феврале 1825 г. захватили Наварин. В летние месяцы того же года войскам Ибрагим-паши удалось подавить сопротивление повстанцев в большей части Морей.

Султан и его ближайшее окружение сознавали необходимость проведения военно-административных реформ, способных укрепить Османскую империю перед натиском освободительных движений нетурецких народов и постоянной угрозой вмешательства великих держав во внутренние дела империи. Военные действия в Греции продемонстрировали крайне низкие боевые качества турецких войск на фоне современной, по-европейски обученной армии египтян. Махмуд II решил ускорить проведение военной реформы. Весной 1826 г. султан и Порты стали обсуждать проект создания новых пехотных частей. Эти части (до 8 тыс. солдат) должны были быть организованы и обучены по европейской системе. Проект был обсужден, одобрен положенной в таких случаях фетвой шейх-уль-ислама, оформлен указом султана. В короткий срок в корпус было зачислено около 5 тыс. новобранцев.

Действия султана-реформатора⁹ вызвали возмущение янычар, увидевших в создании нового войска посягательство на свои традиционные привилегии. 15 июня 1826 г. начался бунт янычар. Бунтовщики напали на дома тех сановников, которых считали инициаторами проведения военной реформы. Они грабили и жгли дома ненавистных им лиц, призывая население Стамбула присоединиться к ним. Но на этот раз горожане не поддерживали янычар, в которых видели источник смуты и военных поражений в Греции.

Махмуд II проявил решительность в отпоре бунтовщикам. Около 14 тыс. солдат из новых военных формирований и верных султану артиллерийских частей было брошено на подавление бунта. Часть горожан получила оружие и встала на сторону верных Махмуду II войск. Стамбульская площадь Этмейдан, на которой собрались бунтовщики, была окружена султанскими войсками. Бунтовщики отказались сложить оружие и повиниться. Тогда пушки султанской артиллерии буквально в упор расстреляли непокорных янычар. Люди гибли тысячами на площади и в казармах, где попытались укрыться. По приказу султана эти казармы были преданы огню вместе с оставшимися там непокорными янычарами. По всему Стамбулу шла охота за бунтовщиками. Всего во время бунта погибло или было казнено по решению специальных судов не менее 7 тыс. янычар, а около 20 тыс. было выслано из столицы. 17 июня 1826 г. собрание высших сановников приняло историческое для Османской империи решение об упразднении янычарского корпуса и предании анафеме этого традиционного государственного института, о чем был издан специальный указ султана. Во всех провинциях империи предавали казни янычар, выражавших непокорность. Были уничтожены десятки тысяч людей.

Историческое значение ликвидации янычарского корпуса — традиционной опоры феодально-клерикальной реакции — состояло в том, что отныне не только в военно-административной, но и в общественно-политической и культурной жизни страны складывались более благоприятные условия для осуществления прогрессивных преобразований.

Уничтожив янычарский корпус, Махмуд II упразднил подразделения ямаков и регулярную сипахийскую конницу. Оба эти формирования, подобно корпусу янычар, были постоянным источником смут. Ямаки и сипахи не сделали даже попытки воспротивиться султанскому указу, памятуя о трагической судьбе янычар.

Ликвидация янычар позволила султану-реформатору пойти на уничтожение могущественного мусульманского дервишского ордена бекташи, с которым янычарский корпус был связан вековыми узами. Решение это было принято высшими светскими и духовными сановниками империи во главе с шейх-уль-исланом. В июле-августе 1826 г. руководители ордена бекташи были публично казнены, дервишские обители разрушены, имущество ордена конфисковано.

Устранив основные военные и социально-религиозные институты, препятствовавшие военной реформе, Махмуд II издал указ о создании новых пехотных соединений, которые надлежало организовать, вооружить и обучить по европейскому образцу. Он распорядился сформировать восемь полков

нового войска. В короткий срок их численность была доведена до 12 тыс. человек. Для обучения нового войска использовались иностранные военные инструкторы, главным образом французские офицеры. Махмуд II направил большую группу турецкой молодежи для обучения в военных инженерных и медицинских учебных заведениях Франции. Несмотря на первые успехи военной реформы Махмуда II, в столице и в провинциях комплектование нового войска и рекрутирование солдат оказалось делом весьма нелегким. Понадобилось еще три десятилетия, прежде чем Османская империя стала располагать сравнительно современной армией.

Несмотря на сложные внешнеполитические обстоятельства (неудачная для Османской империи война с Россией 1827-1829 гг. и острый конфликт с вассалом султана - наместником Египта Мухаммедом Али), Махмуд II довольно энергично проводил в 30-е годы реформы. Новые регулярные воинские части, части султанской гвардии, редифные подразделения (территориальная милиция) составили основу пехотных войск Османской империи. В середине 30-х годов постепенно стала формироваться и регулярная конница. В 1836 г. общая численность турецкой регулярной армии достигла 60-70 тыс. человек. Махмуд II принимал также меры по созданию нового флота, но они не дали больших результатов.

Военные реформы Махмуда II стали еще одной вехой в процессе ломки старых социальных устоев государства; они ослабили те слои, которые боролись за консервацию средневековых феодальных институтов, сохранение феодальной раздробленности страны. Вместе с тем реформы носили верхушечный характер и оказались не слишком эффективными, поскольку основные социальные и государственные институты Османской империи продолжали функционировать без изменений. И все же некоторые реформы Махмуда II создавали предпосылки для строительства нового фундамента государственной и социальной жизни Османской империи. Речь идет об упомянутой выше ликвидации тимарной системы, которая в конце XVIII - начале XIX в. находилась в состоянии полного упадка и тормозила прогрессивное развитие страны. Тимарная система землевладения была ликвидирована постепенно, в течение нескольких лет. По указу султана реформу системы землевладения, лишившую феодалов их наделов - тимаров и зеаметов, начали осуществлять в 1831 г. Реформа была проведена в несколько этапов и в основном завершена в конце 30-х годов XIX в. Во всех провинциях Османской империи у прежних владельцев было изъято около 2500 ленных наделов. Право на управление бывшими ленами и на сбор налогов в этих владениях по откупной системе перешло в руки государства.

Махмуд II осуществил ряд преобразований и в административном управлении как в столице Османской империи, так и в провинциях. Он провел с этой целью в 1834 г. специальную реформу, которая установила новое административное деление империи. Были созданы новые провинциальные административные единицы, несколько упорядочены взаимоотношения центральных и провинциальных властей. Султан-реформатор обратил внимание и на такую проблему, как злоупотребления при сборе податей и налогов. В 1834 г. был даже издан специальный указ, требовавший, чтобы чиновники — сборщики налогов и другие должностные лица оберегали население империи от притеснений и произвола. Однако Махмуду II не удалось ликвидировать произвол провинциальных властей, практику покупки государственных должностей.

Стремясь укрепить систему управления страной, Махмуд II провел в 1834–1839 гг. ряд мероприятий, направленных на создание новой, более близкой к европейской структуры органов центральной государственной власти. Впервые были созданы министерства — внутренних и иностранных дел, финансов. В 1837 г. Махмуд II создал совет министров. Для подготовки дальнейших реформ на основе изучения нужд страны и европейского опыта султан создал специальный орган — Высший совет юридических решений. Были проведены упорядочение и регламентация деятельности чиновников — традиционная система османских органов государственной власти была несколько видоизменена на европейский манер; в частности, был упразднен прежний феодальный порядок предоставления земельных владений крупным чиновникам в виде платы за их службу султану. Реформы 20–30-х годов несколько ограничили влияние мусульманского духовенства на бюрократию.

Султан уменьшил даже число придворных и сократил сунны, расходовавшиеся на содержание двора. Он стремился ограничить влияние дворцовой канарильи на государственные дела, но не добился больших результатов. И в последующие десятилетия дворцовые интриги сплошь и рядом определяли решения султанского правительства, а судьбы многих сановников решались в кругу придворных.

Махмуд II немало сделал для реформ в области культуры и быта. Новые веяния проявились в создании с помощью европейских специалистов ряда новых военных учебных заведений. При Махмуде II стали издаваться первые турецкие правительственные газеты, вначале на французском, а затем и на турецком языке. Европеизация коснулась и некоторых черт городского быта; в частности, появились первые больницы европейского типа, была создана почтовая служба.

Хотя реформы 20-30-х годов XIX в. носили ограниченный характер, в условиях страны, жившей по канонам средневековья, они были предвестниками более глубоких социальных и культурных сдвигов. Реформы Махмуда II стали важным этапом в процессе европеизации Османской империи, ее экономического и культурного прогресса. Их логическим и естественным продолжением стали начавшиеся на рубеже 30-40-х годов XIX в. реформы, вошедшие в историю Турции под названием «танзимат» (слово «танзимат», собственно, и означает «реформы»).

Необходимость реформ эпохи танзимата обуславливалась в основном тем же комплексом социальных и экономических проблем, которые вызвали к жизни реформы султанов Селима III и Махмуда II. Положение государства продолжало настоятельно требовать дальнейшего изменения земельных отношений, гарантии жизни и имущества собственников всех видов, развития ремесла и торговли, уничтожения сепаратизма, упорядочения финансов, создания современной регулярной армии. В решении этих задач сокнулись интересы новой прослойки османской бюрократии, заинтересованной в укреплении государства и центральной власти, и нарождавшейся буржуазии¹⁰.

Отправной точкой реформ 40-50-х годов стал Гюльханейский хатт-и шериф (султанский указ) 1839 г. С его подготовкой и провозглашением связано имя крупнейшего турецкого государственного деятеля эпохи реформ Мустафы Решид-паши. Он был представителем той новой прослойки османской бюрократии, которая все более осознавала, что проведение реформ европейского типа — путь к спасению и упрочению империи. В формировании его личности и взглядов важную роль сыграло то обстоятельство, что он много лет провел в Европе. В 1834 г. был назначен посланником в Париже, в 1836 г. стал послом в Лондоне. Во время пребывания во Франции и в Англии он внимательно изучал государственное устройство и политическую жизнь этих стран. В 1837 г. Мустафа Решид-паша был назначен на пост министра иностранных дел. К тому времени он был убежденным сторонником серьезных реформ. В 1838 г. Мустафа Решид-паша возглавил Совет общепользных работ для выработки проекта реформ¹¹.

Подготовка новой серии реформ имела и важный внешнеполитический аспект. После тяжелого поражения в конфликте с Египтом Османская империя зависела от позиции европейских держав. Решид-паша и его сторонники считали, что нужно предпринять такие реформаторские шаги, которые бы показали Европе, что в стране может быть установлен либеральный режим. Решиду удалось добиться санкции нового султана, Абдул Меджида, на подготовку указа о реформах, текст которого и начал разрабатывать Совет общепользных работ.

Ставший в истории Турции знаменитым, Гюльханейский Сназван так по месту провозглашения на площади перед султанским дворцом Гюльхане) хатт-и шериф был обнародован 3 ноября 1839 г. Основные его положения сводились к провозглашению гарантий безопасности жизни, чести и имущества всех подданных империи, обеспечения справедливого способа взимания налогов, ликвидации откупной системы, наведения порядка в рекрутском наборе и сокращения срока солдатской службы. Указ устанавливал гласность судебных процессов, гарантировал прекращение практики конфискации имущества осужденных, провозглашал равенство подданных империи в правах и обязанностях независимо от вероисповедания. Достоинство внимания и то обстоятельство, что указ содержал обязательство султана не совершать действий, противоречащих его положениям. «В залог верности нашего обещания, — говорилось в нем, — мы желаем, поместив эти уставы (сречь идет о Гюльханейском хатте. — Авт.) в зале, где хранится славный плащ пророка, в присутствии всех улемов и сановников империи принести /уставам/ присягу именем божьим и затем принять такую же присягу от улемов и сановников империи»¹².

Таким образом, Гюльханейский хатт-и шериф был первой попыткой регламентировать власть султана нормами светской законности, что позволяет некоторым историкам считать его по форме «высочайше утвержденной конституционной хартией Турции»¹³. Если в этих словах и есть небольшая доля преувеличения, то очевидно, что идеи конституционной монархии в эту пору уже не были абсолютно чужды турецким реформаторам, в том числе и санону Решид-паше. Последний даже пытался внушить мысль о необходимости конституционного управления будущему султану Абдул Азизу¹⁴.

После провозглашения хатт-и шерифа реформаторы приступили к практическим действиям. В 1840 г. был принят новый уголовный кодекс, направленный на укрепление гарантий прав личности, обеспечение законности и ликвидацию административного и судебного произвола. Для ликвидации самоуправства провинциальных властей в центрах вилайетов и санджаков были созданы совещательные советы с участием немусульман. Было объявлено об отмене откупной системы взимания налогов. Все эти новшества вызвали активное сопротивление реакционных сил, прежде всего мусульманского духовенства. Борьба между сторонниками и противниками реформы была настолько острой, что весной 1841 г. дело дошло даже до отставки Решид-паши.

Англия и Франция по дипломатическим каналам сообщили султану о своем желании видеть продолженной политику реформ. В октябре 1845 г. Решид-паша вновь

стал министром иностранных дел, а в сентябре 1846 г. занял пост великого везира. Политика реформ была возобновлена. В 1845–1849 гг. был издан ряд законов, регулировавших вопросы землевладения, в 1847 г. создан уголовный суд, действовавший на основе нового уголовного законодательства. В 1850 г. был принят коммерческий кодекс, подготовленный на основе аналогичного французского кодекса. В 1854 г. правительство создало смешанные суды для разбора уголовных дел между мусульманами и немусульманами.

Реформаторы постоянно ощущали ожесточенное сопротивление феодально-клерикальной реакции. В 1848 г. Решид-паша даже был вынужден на несколько месяцев покинуть пост великого везира. Реальный результат реформ этого периода оказался ограниченным¹⁶. Меры, направленные против лихоимства и коррупции чиновничьего аппарата, не улучшили положение. Реформаторы не смогли и отменить откупную систему. Они лишь приняли ряд постановлений, которые должны были обеспечить ликвидацию произвола местной администрации при сборе налогов.

Реформы коснулись и экономической жизни страны. Они обеспечили некоторый прогресс в обеспечении прав владения землей, расширили права арендаторов государственных земель. Реформаторы стремились стимулировать промышленное предпринимательство, но в условиях господства полуфеодальных и местами даже феодальных производственных отношений сдвиги в экономической жизни были крайне незначительны.

В сфере образования и просвещения в эти годы были предприняты важные шаги. В 1846 г. был издан закон о начальном и среднем светском образовании, принято решение о создании университета. Однако реформа системы образования осуществлялась очень недолго: не было ни кадров учителей для светской школы, ни учебников¹⁶.

Развитие реформаторского движения приостановила Крымская война 1853–1856 гг. Ее итоги для Османской империи были крайне неутешительны¹⁷. Турция потеряла почти всю свою армию. Ей был нанесен огромный экономический ущерб, в полном расстройстве оказались финансы. В 1854 г. Порта сделала первый заем у Англии и Франции. Средств этих хватило ненадолго, и уже в августе 1855 г. банкирский дом Ротшильда предоставил ей новый заем. Условия займов были для Османской империи крайне невыгодны.

После окончания Крымской войны, обнажившей социальные пороки и национальные проблемы империи османов, ее правящие круги сделали еще одну попытку обеспечить прогресс экономики и культуры с помощью реформ. Отправным пунктом этого нового этапа танзиматских реформ стал хатт-и хумаюн 1856 г., который вновь гарантировал равные права османских

подданных всех вероисповеданий, а также провозгласил намерение Порты провести ряд экономических реформ, в частности ликвидировать злоупотребления при сборе налогов.

Реформы 50-60-х годов¹⁸ осуществлялись под руководством двух видных представителей новой османской бюрократии — Али-паши и Фуад-паши. Они были сподвижниками Решид-паши, а после его кончины неоднократно занимали посты великого везира и министра иностранных дел. Али и Фуад были сторонниками умеренных реформ в сфере администрации, юстиции и просвещения. В них они видели средство сохранения и укрепления Османской империи, господствующего положения турок в этом государстве, ослабления национально-освободительных движений и ликвидации иностранного вмешательства во внутренние дела страны.

В 1858 г. был издан закон о земле, положения которого закрепляли результаты ликвидации тимарной системы землевладения, содействовали становлению буржуазного правопорядка в землевладении и землепользовании. Этому, в частности, служили и меры Порты по расширению права наследования земельных владений, которые были осуществлены в 60-х годах в развитие закона 1858 г.

В этот период Порта осуществила и некоторые меры, помешавшие развитию турецкой промышленности. В 1861-1862 гг. были подписаны торговые договоры с рядом европейских держав, предусматривавшие право свободного ввоза и вывоза товаров европейскими партнерами Османской империи, подтверждавшие все их капитуляционные привилегии и устанавливавшие такие низкие таможенные пошлины, которые делали турецкую промышленность совершенно беззащитной перед лицом конкуренции европейских товаров.

Реформаторы серьезно затронули сферу законодательства. В августе 1858 г. вступил в действие новый уголовный кодекс, в основу которого легли принципы французского уголовного права; 3 августа 1861 г. стал действовать первый в истории Османской империи коммерческий процессуальный кодекс. В 1860 г. было объявлено о создании в столице империи и в некоторых провинциальных центрах специальных коммерческих судов, находившихся вне юрисдикции мусульманского духовенства.

Порта провела и реформы в сфере судопроизводства. Судебная власть была отделена от административной. Было предусмотрено увеличение числа светских судов. Вместе с тем сохранялось преобладающее положение шариатских судов.

В 60-х годах реформаторы осуществили ряд мероприятий, направленных на централизацию власти. Закон о вилайетах, принятый в ноябре 1864 г.,

предусматривал строгое обеспечение принципа централизации власти, выполнение норм бюрократической иерархии, контроль Порты над деятельностью провинциальных властей. В практику административной жизни провинций были введены совещательные органы при губернаторах — меджлисы, в состав которых входили не только должностные лица, но и выборные представители мусульманского и немусульманского населения. В 60–70-х годах в городах появились муниципалитеты.

Указом султана были утверждены специальные регламенты, определившие статус немусульманских религиозных общин — греко-православной, армяно-григорианской и еврейско-эспаньольской. Отныне светскими делами общин руководили гражданские советы при их главах. Но советы практически ставились под контроль султанской администрации, которая стремилась превратить эти органы в свое орудие в борьбе за подавление национально-освободительных устремлений нетурецких народов.

Танзиматские преобразования затронули и центральные органы власти. В 1868 г. был создан Государственный совет, на который была возложена задача подготовки государственных законов и важнейших правительственных постановлений. В состав совета были включены и немусульманские подданные империи. В 60-х годах были образованы новые министерства — юстиции, просвещения, общественных работ, по делам вакуфов. После Крымской войны начались новые военные реформы, которые завершились законом 1869 г. о реорганизации армии по французскому образцу.

Реформы распространились также на сферу просвещения. Органический закон о всеобщем образовании, изданный в 1869 г., отразил сдвиги в развитии светского образования — рост числа средних светских школ (решение), открытие ряда гражданских специальных средних учебных заведений, в том числе первого в стране лицея (осень 1868 г.). И все же перемены в этой области были сравнительно невелики. Не хватало бюджетных средств, не доставало учителей и учебников. Танзиматские преобразования коснулись и некоторых других сторон культурной жизни страны. Результативной оказалась деятельность Османского научного общества, которое создал в 1861 г. турецкий просветитель Мюниф-эфенди. Общество издавало свой журнал. Вскоре возникли и другие научные общества, в частности любителей изящной словесности (1861 г.) и медицинское (1865 г.), также имевшие свои журналы. В 60–70-х годах резко возросло количество издававшихся в стране книг. Но особенно большую роль в культурной жизни сыграли первые органы турецкой частной прессы, которые содействовали распространению в образованной части общества идей борьбы за политический, экономический и культурный прогресс Османской империи.

В целом реформы эпохи танзимата привели к некоторым сдвигам в политико-административной, экономической и культурной жизни страны. Но достигнутые результаты никак не соответствовали потребностям развития огромного многонационального государства. Некогда могущественная империя представляла собой в середине XIX в. экономически крайне отсталую сельскохозяйственную страну с чрезвычайно низким уровнем развития производительных сил. Реформы не смогли остановить и политический распад империи.

Зарождавшаяся турецкая буржуазия быстро ощутила свое полное социальное и политическое бесправие перед лицом султанской бюрократии и иностранного капитала. В результате в среде буржуазии возникло недовольство режимом, стало крепнуть стремление добиться условий, благоприятных для укрепления ее экономических позиций, для экономического и культурного прогресса страны. Выразителем новых, либерально-конституционных идей стала молодая турецкая интеллигенция, ряды которой относительно быстро пополнялись после проведения реформ в сфере просвещения и культуры:

Глава II

ОТ ТАЙНОГО ОБЩЕСТВА К РЕФОРМАТОРСКОМУ ДВИЖЕНИЮ

В сентябре 1859 г. Порте стало известно о подготовке выступления против султана Абдул Меджида (1839–1861). Его участники были тут же схвачены. В казармах Кулели в Ченгелькёе (один из районов Стамбула) было проведено следствие. Руководители заговора были приговорены к смертной казни (позже замененной султаном пожизненной каторгой), рядовые участники осуждены на различные сроки ссылки¹.

Четкой политической программы у заговорщиков, очевидно, не было. Впрочем, некоторые факты позволяют высказать предположение, что у части заговорщиков существовали конституционные проекты. Косвенно это подтверждается тем, что в числе участников заговора было много армейских офицеров, а в среду офицерства конституционные идеи проникли уже в период Крымской войны, когда на театре военных действий турецкие офицеры долгое время общались с офицерами союзных армий – французами и англичанами. Е. А. Рагозина, жившая в Турции в середине 70-х годов XIX в., отмечала, что в результате этого общения среди турок появились «вевия парламентаризма»². Однако

конституционные проекты не имели четкого характера, и вряд ли приверженцами этих проектов были все участники заговора.

Определяя место «кулелийского инцидента» 1859 г. в истории Турции, необходимо учитывать ее политическое и экономическое положение в середине XIX в. После Крымской войны Османская империя, экономически ослабленная, все более запутывавшаяся в сетях финансовой зависимости от иностранного капитала, уже находилась на пути к превращению в полуколонию.

В этой обстановке и на фоне быстро ухудшавшегося финансового положения страны недовольство безудержным произволом и непомерной расточительностью султана Абдул Азиза (1861-1876) и дворцовой клики распространилось буквально во всех слоях населения. «Все народы Турции, — писал современник, — без различия расы и веры, потеряли терпение, стремятся освободиться от ига власти, которую они признали неспособной управлять ими.. Несомненно, что даже мусульмане в Анатолии были готовы восстать...»³ Российский военный агент в Стамбуле капитан Франкини сообщал в июне 1860 г., что финансы страны находятся в полном расстройстве, главные доходы уже израсходованы, войско не получало жалованья в течение семи месяцев, а офицеры — четырнадцати. Франкини отмечал, что две трети мусульманского населения столицы публично проклинают султана и его министров⁴. Другой наблюдатель писал, что в начале 60-х годов в Стамбуле вспыхнули вызванные ростом дороговизны волнения, грозившие перейти в восстание против правительства⁵. Недовольство охватило и армию. Тот же Франкини извещал Петербург о том, что два батальона стамбульского гарнизона даже «решились в случае беспорядков не содействовать их прекращению»⁶. Эти свидетельства говорят о том, что и в начале 60-х годов обстановка, в которой возник заговор 1859 г. не изменилась.

Таким образом, это была не обычная попытка дворцового переворота. Несомненно, что заговорщики стремились не только низложить Абдул Меджида и возвести на престол нового султана, но и как-то изменить существовавшее в стране положение. Об этом, в частности, свидетельствует весьма большое число заговорщиков, которые, в свою очередь, рассчитывали на участие в перевороте нескольких тысяч человек. Характерно, что глава заговора шейх Ахмед ставил своей целью, как это явствует из протоколов суда по делу о «кулелийском инциденте», создание в обществе таких порядков, при⁷ которых бы строго выполнялись предписания шариата⁷.

После событий, связанных с «кулелийским инцидентом», прошло лишь немногим более пяти лет до

поры, когда зародилась та тайная политическая организация, которой суждено было стать зачинателем реформаторского общественного движения в Османской империи.

Эта тайная организация, известная под названием «Общество новых османов»⁸, возникла в Стамбуле в июне 1865 г. В один из субботних вечеров на вилле Сагыр Ахмед-бей-заде Мехмед-бей в Еникее (Спригород Стамбула) собралась группа молодых интеллектуалов. Целью совещания была подготовка к проведению широкого собрания всех лиц, привлекаемых к участию в организуемом тайном обществе. Это собрание, состоявшееся на следующий день под видом пикника в Белградском лесу (на европейском берегу Босфора)⁹, приняло решение о создании «общества новых османов»¹⁰. В основу его устава был положен устав карбонариев¹⁰. В короткий срок число членов общества достигло 245; они были разделены на группы, по 7 человек в каждой.

Виднейшими членами общества, его идейными руководителями были выдающийся турецкий поэт и писатель Намык Кемаль, известный публицист и писатель Зия-бей и Али Суави-эфенди, литератор и публицист.

Двое из организаторов общества, Сагыр Ахмед-бей и Кани-пашазаде Рифаат-бей, принадлежали к стамбульской аристократии. Некоторые члены общества занимали важные посты на государственной службе. Среди них были помощник министра полиции Мустафа Асым-паша, командующий гарнизоном столицы генерал Омер Наили-паша¹¹, избранный председателем общества¹², начальник стамбульского военного училища Сулейман-паша.

В общество входило немало литераторов и журналистов. Так, Чапаноглу Агях-эфенди, происходивший из рода деребеев Анатолии, был журналистом, издателем первой в Турции частной газеты «Терджюман-и ахваль». Кроме того, к обществу был близок видный государственный деятель Ахмед Мидхат-паша, позднее ставший руководителем «новых османов» и в 1876 г. возглавивший борьбу за провозглашение конституции.

«Новые османы» вербовали своих сторонников в среде офицерства армии и флота, чиновников, литераторов, журналистов и издателей. Намык Кемаль писал в одной из неопубликованных статей, что 90% офицеров генерального штаба, моряков, медиков, литераторов и издателей были, пожалуй, их приверженцами¹³. Таким образом, большинство членов общества принадлежало к молодой, феодально-бюрократической по происхождению, турецкой интеллигенции.

Какие цели ставило перед собой общество? Часть турецких исследователей считает, что общество не имело политической программы в современном смысле

этого слова, что оно было лишь организацией патриотически настроенной молодежи и ограничивалось критикой действий правительства. Другая часть турецких историков считает что общество имело программу, которая ставила задачу провозглашения конституционной монархии¹⁴. Мы, к сожалению, не имеем определенных данных о том, какова была первоначальная программа «новых османов». Документом, до некоторой степени характеризующим политическую ориентацию общества в конце 1865 – начале 1866 г., является письмо египетского принца Мустафы Фазыл-паши султану Абдул Азизу.

Мустафа Фазыл-паша, потомок знаменитого Мухаммеда Али, был крупнейшим египетским феодалом, владельцем огромных поместий и нескольких сахарных заводов; вместе с тем он занимал пост председателя Высшего финансового совета империи. Из-за личных разногласий с великим везиром Али-пашой и министром иностранных дел Фуад-пашой он вышел в отставку и уехал в Париж. В 1865 г. Фазыл-паша обратился к султану с письмом, в котором критиковал действия правительства и предлагал ряд мер для улучшения положения государства.

Письмо, опубликованное в Париже, было с энтузиазмом встречено «новыми османами», переведено ими на турецкий язык, отпечатано литографским способом в Стамбуле, в типографии принявшего ислам француза Кайоля, и распространено в количестве 50 тыс. экземпляров¹⁵. Тем самым «новые османы» как бы солидаризировались с изложенной в письме программой реформ.

Эта программа требовала ликвидации произвола чиновников, обеспечения развития ремесла, торговли и сельского хозяйства, укрепления финансового положения страны и устранения иностранного вмешательства в ее внутренние дела. При этом все надежды возлагались на либерального султана, окруженного честными и преданными интересам государства сановниками. Предполагалось, что султан будет опираться на вилайетские совещательные собрания состоящие из свободно избранных депутатов. Эти собрания, по мысли Фазыл-паши, будут оказывать султану помощь в государственных делах. Их уполномоченные должны будут время от времени, по вызову султана, приезжать в столицу, сообщать ему истинное положение дел в стране и докладывать о нуждах населения¹⁶. В пространном рассуждении автора о «свободном порядке» содержался намек на конституционное правление, но прямо о нем не говорилось.

Членов «Общества новых османов» объединяло недовольство внешней и внутренней политикой правительства. Все они соглашались в том, что правительство великого везира Али-паши должно быть

устранено. Однако «новые османы» не имели единого мнения относительно тех мер, которые должны быть приняты для изменения политики правительства. «Новые османы были едины не в том, чего хотели, а в том, чего не хотели. В том¹⁷, что Али-паша должен уйти, все 245 были единодушны»

Возможно, что какие-то конституционные проекты существовали уже на первых порах деятельности общества. Косвенным доказательством могут служить как завуалированные призывы к установлению в Османской империи конституционного правления, содержащиеся в письме Фазыл-паши, так и то обстоятельство, что «новые османы» приняли за организационную основу общества устав карбонариев, борющихся в первой половине XIX в. за уничтожение феодально-абсолютистских режимов в итальянских государствах, активно выступавших против реставрированной династии Бурбонов во Франции и принимавших деятельное участие в июльской революции 1830 г.

Во всяком случае в феврале 1867 г. Халиль Шериф-паша, примкнувший к «Обществу новых османов»¹⁸, распространил листовку следующего содержания: «Только конституционный режим может спасти и укрепить Турцию. Конституция немедленно восстановит авторитет мусульманского государства... стерев политические и социальные различия между мусульманами и немусульманами. Для немусульман отпадет необходимость выслушивать лицемерные обещания, согласно которым они все получают от государства — справедливость и безопасность собственности. Возрождение политической и социальной жизни воспитает любовь к труду и непременно принесет всеобщее благосостояние. Конституция! Она в один день, в один час сделает для Турции то, что не в состоянии были сделать реформы в течение сорока лет»¹⁹

Но четкое требование конституционной монархии стало частью политической платформы общества лишь после весны 1867 г. В мае 1867 г. Намык Кемаль говорил одному из своих знакомых, Абдуррахману Хасан-бею, что он беседовал с Жанон Пьетри²⁰, который «два часа ему толковал о конституции... в конце концов²¹ убедил, что конституция может быть введена и у нас»

К весне 1867 г. «новые османы» разработали план государственного переворота. Они рассчитывали устранить правительство Али-паши и добиться от султана принятия мер, необходимых для улучшения положения страны. По некоторым сведениям, на тот случай, если Абдул Азиз откажется удовлетворить их требования, заговорщики заготовили воззвание, в котором говорилось, что, поскольку султан обращается со своим народом как с рабами, он потерял его любовь,

перестал быть «его отцом и тенью Аллаха» и потому должен быть низложен²². На престол предполагалось возвести наследного принца Мурада, ссылавшего либералом²³.

Один из членов общества, редактор газеты «Утарит» Аетуллах-бей, донес о заговоре правительству. Несколько десятков человек (среди них Омер Наили-паша, чиновник военного министерства Тахсин-эфенди, преподаватель медресе Вемуддин-эфенди, чиновник Азми-бей) были арестованы. Несколько членов общества трое суток скрывались в редакции газеты «Курье д'орьян»; туда же на третьи сутки пробрался и Али Суави.

Предатель выдал не всех «новых османов», а арестованные никого не называли. Все же некоторых членов общества, в первую очередь Намыка Кемаля и Зию, подозревали в причастности к заговору. Это подозрение подкреплялось тем известным правительству фактом, что Кемаль и Зия были идейными руководителями прогрессивной турецкой молодежи Стамбула. Правительство серьезно беспокоило и их публицистическая деятельность. Так, Кемаль в газете «Тасвир-и эфяр» критиковал правительство за то, что оно допускает вмешательство других государств во внутренние дела империи. В газете «Мухбир», редактором которой был Али Суави, было помещено письмо Фазыл-паши. В конце концов за публикацию антиправительственных статей газета «Мухбир» была закрыта, а Али Суави сослан в Кастамону.

6 марта 1867 г. правительство опубликовало официальное уведомление, в котором говорилось, что «часть местной прессы, не понимая духа, которым должна руководствоваться журналистика на Востоке, сделалась страстным выразителем взглядов всех крайних партий и тенденций, в высшей степени вредных для интересов страны. Она часто нападала на основы империи и вместо того, чтобы посвятить себя защите страны, где она живет и процветает, встала на позиции врагов своей родины, сделалась поборником разрушительных идей и пропагандирует неслыханную ложь». Уведомление гласило, что ввиду этого правительство оставляет за собой право «всякий раз, когда этого будут требовать интересы страны, принимать административные²⁴ меры, независимо от существующего закона о печати».

Приняв репрессивные меры против оппозиционной прессы, правительство решило удалить из столицы Намыка Кемаля и Зию. 11 марта 1867 г. появилось официальное сообщение о назначении Кемаля помощником вали в Эрзурун, а Зии — начальником округа на Кипр. Однако оба они решили тайно эмигрировать, воспользовавшись тем, что Фазыл-паша, установивший

связь с «новыми османами», предложил некоторым из них свою поддержку.

17 мая 1867 г. Кемаль и Зия с помощью Жана Пьетри тайно покинули Стамбул на французском пароходе «Босфор». 18 мая из Кастанону с помощью агентов Фазыл-паши бежал Али Суави. 30 мая 1867 г. все трое приехали в Париж. Вскоре, опасаясь ареста, туда бежали и другие активные члены общества. 10 августа 1867 г. в Париже в доме Фазыл-паши состоялось совещание эмигрантов, на котором обсуждался вопрос об издании в Европе газет общества. Совещание решило, что Али Суави возобновит издание «Мухбир», а Кемаль и Зия несколько позже начнут выпускать газету «Хюрриет». Средства (250 тыс. франков) предоставил Фазыл-паша. Одновременно он назначил постоянное еженесячное содержание эмигрантам²⁶. Так начался новый этап в деятельности «новых османов».

План издания газеты «Мухбир» в Париже не был осуществлен. Ввиду ожидавшегося визита султана Абдул Азиза французские власти предложили «новым османам» покинуть страну, так как турецкий посол Мехмед Джениль-паша сообщил французскому правительству, что эмигранты занесены в антигосударственный заговор. Они вынуждены были переехать в Лондон, и там 31 августа 1867 г. вышел первый номер «Мухбир». Газета тысячами экземпляров переправлялась в Турцию.

Вскоре обнаружились разногласия между Али Суави, с одной стороны, и Наньком Кемалем и Зией – с другой. Али Суави не только не изложил в первом же номере «Мухбир» политическую программу «новых османов», но даже не считал нужным оформить газету в качестве органа общества, как позже сделали Кемаль и Зия, начав издавать газету «Хюрриет». Это вызвало серьезное недовольство Нанька Кемалю, Зии и других эмигрантов и в конце концов привело к их разрыву с Али Суави²⁶.

В это время Фазыл-паша, примирившись с Али-пашой, с разрешения султана вернулся в Стамбул. «Новые османы» сочли это чуть ли не победой общества, полагая, что Фазыл-паша станет великим везиром и добьется провозглашения конституции. Однако Фазыл-паша занял пост министра юстиции, вовсе не помышляя о борьбе за конституцию. Правда, некоторое время он продолжал оказывать материальную поддержку эмигрантам.

«Новые османы» активно продолжали свою деятельность. 29 июня 1868 г. вышел первый номер газеты «Хюрриет». Газета объявляла, что она является органом «общества новых османов». Ответственным редактором был Наньк Кемаль, большинство статей печаталось без подписи, но все, что публиковалось в газете до выхода из ее редакции Кемалю, отражало общую точку зрения его и Зии.

«Хюрриет» периода тесного сотрудничества в ней двух крупнейших деятелей движения «новых османов», их признанных идейных руководителей, была самой содержательной и авторитетной газетой эмигрантов. В ней регулярно публиковались статьи, в которых подробно анализировалось положение Османской империи, излагались политические взгляды «новых османов».

«Хюрриет», как и «Мухбир», нелегально переправлялась в Турцию. Сын Намыка Кемалья, Али Экрем, писал, что «Хюрриет» проникала в Стамбул, несмотря на все старания правительства воспрепятствовать этому; ее читали даже министры, и газета достигала самых отдаленных уголков страны²⁷. По словам турецкого историка Ахмеда Саиба, интерес населения к эмигрантской прессе был настолько велик, что иногда номер газеты «Хюрриет» продавали в Стамбуле за одну лиру (6 руб. золотом)²⁸. Номера «Хюрриет», выставленные в витрине книжного магазина француза Кока, привлекали толпу читателей²⁹.

Кроме «Мухбир» и «Хюрриет» «новые османы» издавали в эмиграции и другие газеты. Так, согласно сообщению «Хюрриет» от 31 мая 1869 г., Мехмед-бей основал в это время в Париже газету «Иттихад». Судя по названию газеты (в переводе оно означает «Единение») и по тому, что статьи в ней публиковались не только на турецком языке, но и на различных языках народов Османской империи (греческом, арабском и армянском), она стремилась пропагандировать взгляды «новых османов» среди нетурецкого населения страны. Газета просуществовала недолго. В 1870 г. Сагыр Ахмед-бей вместе с Хюсейном Васфи-пашой³⁰ предпринял издание в Женеве газеты «Инкиляб». Она резко критиковала султана Абдул Азиза за расточительность, сильно ухудшившую финансовое положение страны.

В начале 1870 г. Намык Кемаль вышел из состава редакции «Хюрриет». Причиной этого были политические разногласия между ним и Зией. Существо их сводилось к следующему: Зия считал, что тяжелое положение империи — следствие злоупотреблений султанских министров; Кемаль же видел зло не в деятельности министров, а в самой системе абсолютной монархии, создающей условия для безудержного произвола султана и его министров, и утверждал, что изменить все это может только конституция.

Вскоре Кемаль уехал в Париж, а оттуда ввиду начавшейся франко-прусской войны — в Брюссель. После недолгого пребывания в этом городе он переехал в Вену. Здесь Кемаль намеревался организовать издание новой газеты, «Истикбаль», однако этот план не был осуществлен.

Зия не прекратил издавать «Хюрриет». До 89-го номера газета выходила в Лондоне. Характеризуя политическую позицию Зии в этот период, Кемаль писал

отцу, что «Хюрриет» начала защищать султана³¹. Одновременно статьи, направленные против великого везира, стали настолько резкими, что турецкий посол в Лондоне Мусурус-паша добился вмешательства английских властей; Зия вынужден был покинуть Лондон, где ему грозил арест по обвинению в подстрекательстве к убийству Али-паши. Переехав в апреле 1870 г. в Женеву, Зия продолжил издание «Хюрриет» литографским способом. Он вступил в поленику с газетой «Инкиляб», стремясь всю вину за бедственное положение страны возложить на султанских министров.

Разногласия в среде эмигрантов умело использовало турецкое правительство. Оно начало действовать через Фазыл-пашу, по ходатайству которого в конце 1870 г. Намыку Кемалю разрешили вернуться в Стамбул. Али-паша пытался приблизить Кемалю к себе, но тот, оставшись верен своим принципам, начал готовить почву для возобновления деятельности «новых османов» внутри страны. Махмуд Недим-паша, сменивший на посту великого везира Али-пашу, добился у султана общей амнистии для эмигрантов, и постепенно все они вернулись в Турцию.

Эмиграция стала для «новых османов» хорошей школой. В Европе они познакомились с произведениями Руссо, Вольтера, Монтескье, Гюго, Мольера, Кондорсе. Намык Кемаль и Зия перевели на турецкий язык ряд их произведений: Зия — «Эмиля» Руссо и «Тартюфа» Мольера, Кемаль — «Дух законов» Монтескье, часть «Общественного договора» Руссо, «Руины, или Размышления о революциях империи» Вольтера, значительную часть «Эскиза исторической картины прогресса человеческого разума» Кондорсе, некоторые произведения английского философа Бэкона.

Знакомство с творчеством французских просветителей конца XVIII в., особенно с произведениями Руссо и Монтескье, в которых содержалась острая критика абсолютизма и пропагандировалась идея конституционной монархии, сыграло чрезвычайно важную роль в формировании общественно-политических взглядов «новых османов».

Вместе с этим немалое значение имело их практическое знакомство с конституционными учреждениями европейских государств. Из эмиграции «новые османы» вернулись обогащенные солидным опытом журналистской работы. Вскоре они попытались организовать пропаганду своих взглядов внутри страны.

Намык Кемаль по возвращении на родину начал подготовку к изданию новой политической газеты. 1 июня 1872 г. в Стамбуле под редакцией Кемалю начала выходить газета «Ибрет», сыгравшая важную роль в пропаганде конституционных идей.

Первый номер «Ибрет» был встречен населением Стамбула как выдающееся событие. «В день выхода

первого номера газеты на улицах Константинополя царило необычайное оживление. На публику сильнее всего, лучше всякой рекламы, подействовали имена младотурок, издателей газеты. Быстро номер был раскуплен. Днем было выпущено второе издание в пять тысяч экземпляров. Всего первый номер разошелся в количестве двадцати пяти тысяч экземпляров»³²

С первых же дней газета начала публиковать статьи по самым острым политическим вопросам, резко критикуя правительство, широко популяризируя идеи свободы. В условиях реакционнейшего абсолютистского режима она даже осмелилась выступить в защиту Парижской Коммуны³³. В результате уже в конце июня правительство запретило издание газеты на четыре месяца. Одновременно оно решило удалить из столицы ее сотрудников. Намык Кемаль был назначен начальником округа в Гелиболу, Тевфик Эбуззия — судебным чиновником в Измир. Они были вынуждены принять назначения, носившие характер высылки.

Однако «Ибрет» снова стала выходить уже через 40 дней. Кемаль из Гелиболу посылал статьи в «Ибрет», продолжая фактически руководить газетой. Вернувшийся вскоре в Стамбул Тевфик Эбуззия приобрел газету «Хадика». Газета начала выступать с критикой действий властей и вскоре была закрыта.

В декабре 1872 г. в Стамбул возвратился Намык Кемаль, освобожденный от должности из-за его разногласий с крупными местными чиновниками. Он вновь стал официально руководить газетой «Ибрет». Одновременно Кемаль начал писать пьесу «Отечество, или Силистрия». Вскоре «Ибрет» еще раз запретили на месяц. В январе 1873 г. ее издание возобновилось. 19 марта 1873 г. газета опубликовала объявление о предстоящем представлении пьесы Намыка Кемалья «Отечество, или Силистрия».

Обращение Намыка Кемалья к драматургии, к театру не было случайностью. Кемаль, как это показывает содержание его первой пьесы, положившей начало турецкой национальной драматургии, стремился сделать театральную сцену средством пропаганды идей патриотизма.

Первое же представление стало важным политическим событием. Хотя в пьесе формально и не было призыва к борьбе против существующего строя, однако по своему патриотическому содержанию она была прямым вызовом правительству, которое, как об этом говорили и писали «новые османы», сделало турок бесправными в их собственной стране. Автор устами главного героя страстно призывал любить родину, быть готовым в нужный момент стать на ее защиту и, если понадобится, отдать жизнь за счастье и процветание отечества³⁴. После спектакля восторженная молодежь

устроила автору оvation. То же произошло и после второго представления пьесы.

Тогда правительство, и без того уже серьезно обеспокоенное усилением деятельности «новых османов», решило положить ей конец. 24 марта 1873 г. Кемаль получил от управления печати официальное уведомление об окончательном запрещении издания «Ибрет». В нем говорилось, что, несмотря на неоднократные предупреждения, газета «Ибрет» не проявила «осмотрительности» и в ряде номеров печатала статьи, в которых было выражено несогласие с существующей системой правления. В ответ на это «Ибрет» выпустила приложение, в котором, поместив указанное уведомление, писала, что запрещение газеты является произволом правительства³⁶.

Вслед за этим Кемаль был арестован и сослан на остров Кипр для заточения в Магосскую крепость. Сотрудники «Ибрет» Нури-бей и Исмаил Хаккы-эфенди также были сосланы.

Одновременно с запрещением «Ибрет» правительство ликвидировало и другие органы оппозиционной прессы. 28 марта 1873 г. была закрыта издававшаяся Тевфиком Эбуззией газета «Сирадж». Редактор был сослан на остров Родос.

Итак, в начале 1873 г. правительству удалось формально ликвидировать деятельность «новых османов». Руководители движения были сосланы в отдаленные уголки империи. Однако правительство не смогло воспрепятствовать распространению в кругах турецкой интеллигенции общественно-политических взглядов и конституционной программы «новых османов». «Новые османы» подготовили почву для борьбы за конституцию, которая развернулась в 1876 г.

Глава III

"НЕОЖИДАННАЯ" КОНСТИТУЦИЯ

23 декабря 1876 г. в Стамбуле состоялась торжественная церемония провозглашения конституции. Событие это показалось современникам довольно неожиданным. Действительно, как в самой Османской империи, так и за ее пределами прочно укоренилось представление о незыблемости сложившейся здесь в течение веков системы абсолютной власти, олицетворением которой являлся султан. Естественно поэтому, что современники – политические деятели и публицисты объясняли происшедшее случайными обстоятельствами, не обусловленными социальным и политическим развитием турецкого общества. Изучение причин провозглашения первой в истории Турции конституции сводилось обычно к анализу крайне

сложного и опасного для Османской империи внешнеполитического положения. Появилось немало книг и статей, в которых конституция 1876 г. рассматривалась в лучшем случае как плод усилий реформаторов-идеалистов, а чаще оценивалась как политический трюк, рассчитанный на обман общественного мнения Европы.¹ Трудно, пожалуй, упрекать их авторов в тенденциозности. Факты, лежавшие на поверхности событий, давали достаточно оснований для подобного рода суждений.

В дни, когда в столице Османской империи разгорелась борьба за провозглашение конституции, когда слова «конституция» и «парламент» неожиданно зазвучали не только со страниц столичных газет, но и на митингах, мало кто задумывался над тем, что происходящие события не порождены внешними обстоятельствами, а лишь ускорены ими. Конституционное движение возникло как результат поисков выхода из тяжелейшего экономического и политического кризиса, которым уже давно была охвачена Османская империя и который особенно обострился в 1875-1876 гг. Империя находилась на грани катастрофы: ее экономическое положение резко ухудшилось ввиду засухи и неурожая; осенью 1875 г. турецкое правительство объявило о частичном финансовом банкротстве; происходили освободительные восстания в Болгарии, Боснии и Герцеговине; все более реальной становилась угроза вмешательства европейских держав в дела Османской империи. В европейских столицах политические деятели и пресса оживленно обсуждали вновь вставший в порядок дня «восточный вопрос».

В такой обстановке в Стамбуле начались антиправительственные выступления, которые привели в конечном счете к низложению султана Абдул Азиза². Поскольку это событие произошло в ночь с 29 на 30 мая 1876 г., в момент, когда ожидалось вручение Порте «берлинского меморандума»*, естественно было оценивать происшедшее только в свете внешнеполитических факторов и обстоятельств. Между тем антиправительственные выступления мая 1876 г. отнюдь не случайно переросли в новую для турецкой столицы политическую борьбу, одним из важнейших лозунгов которой стало требование провозглашения конституции. Несомненно, большинство участников массовых демонстраций — учащихся медресе (софт), ремесленников и торговцев — весьма смутно представляли себе характер и содержание конституционной реформы государственного устройства.

---

*Ультимативного требования держав о реформах в балканских провинциях империи.

По борьбе первую турецкую конституцию направляли новые общественные силы, появление которых на политической арене отнюдь не было вызвано «восточным кризисом» 70-х годов.

Как отмечалось выше, начало борьбе за первую турецкую конституцию положила деятельность «Общества новых османов» в Турции и в эмиграции. Конституционное движение явилось следствием социально-политического развития самого турецкого общества. Международная обстановка сыграла роль катализатора, она определила тактику первых турецких конституционалистов.

Силы, боровшиеся за провозглашение конституции, были крайне неоднородны в политическом и социальном отношении, преследовавшиеся ими цели также были весьма различны. Наиболее радикальной группой в конституционном движении стала молодая турецкая интеллигенция. Ее лидеры, особенно выдающийся государственный деятель Ахмед Мидхат-паша³, стремились с помощью конституционных реформ обеспечить экономический и культурный прогресс страны, вынашивали идеалистические проекты создания из различных этнических групп населения единой «османской нации» в рамках реформированной империи. Другие цели ставила перед собой часть примкнувшей к конституционному движению высшей бюрократии. Для нее конституция была лишь средством консервации феодальных норм и порядков. Сознавая, что империя находится на грани катастрофы, эта группировка готова была пойти на введение конституционной формы правления, которая не затрагивала бы социальные и политические устои империи. Силы, стоявшие за этой группировкой, были мощнее и многочисленнее.

Лагерь конституционалистов не имел сколько нибудь четкой программы практических действий.

На первом этапе борьбы за конституцию (март-май 1876г.) важнейшей акцией конституционалистов был выпуск «Манифеста мусульман-патриотов»; в марте он был разослан ряду крупных государственных деятелей европейских держав. В этом документе⁴ говорилось, что установление в Турции парламентского режима не только позволит радикальным образом решить «восточный вопрос», но и обеспечит экономический и культурный прогресс страны. Авторы «Манифеста» призывали поддержать турецких конституционалистов. Мидхат-паша и его единомышленники начали готовить антиправительственные выступления в столице. Когда же возникла опасность, что массовые выступления могут выйти из-под контроля их организаторов, лидеры конституционалистов предпочли путь дворцового переворота, осуществленного в блоке с частью феодально-клерикальных кругов, планы которых не шли дальше смены султана. В ночь на 30 мая 1876г.

группа заговорщиков, в которой активно действовал и Мидхат-паша, низложила султана Абдул Азиза. Тактика лидеров конституционалистов определялась также их верой в возможность установления конституционного режима в результате восшествия на престол либерального монарха. Надежды Мидхат-паши и его сторонников добиться от нового султана, Мурада V, провозглашения конституции не оправдались. И все же вопрос о конституции стал предметом обсуждения в высших правительственных сферах.

На втором этапе (июнь-сентябрь 1876 г.) реформаторам удалось добиться решения о подготовке проекта конституции. Этот успех был обусловлен двумя факторами: широкой общественной поддержкой и обострением внешнеполитического положения страны. Летом 1876 г. вопрос о провозглашении конституции был предметом самых горячих дискуссий; связанные с ним проблемы обсуждались на страницах многих столичных газет. Сторонников конституции поддерживали такие популярные газеты, как «Сабах» и «Вақыт»⁶.

К осени 1876 г. внешнеполитическое положение страны вновь приобрело критический для Османской империи характер (война с Сербией и Черногорией, возросшая угроза вмешательства великих держав, предстоявший созыв в Стамбуле международной конференции для решения вопроса о реформах в балканских провинциях империи). Сочетание указанных выше внутренних и внешних факторов заставило султана Абдул Хамиду II, сменившего в августе на троне Мурада V, согласиться на обсуждение подготовленного Мидхат-пашой проекта конституции.

На третьем этапе (сентябрь-декабрь 1876 г.) центр тяжести был перенесен на выработку приемлемого для различных группировок проекта конституции. Поскольку реформа представлялась неизбежной, султан и его окружение всячески стремились сделать проект будущей конституции приемлемым для себя⁶. Примечательной чертой этого этапа было усиление влияния общественности на ход событий. Именно в сентябре, непосредственно после восшествия Абдул Хамиду II на престол, в столице активизировались сторонники конституций. Они стремились убедить нового султана в том, что планы законодательного переустройства широко поддерживаются общественностью. Лидер конституционалистов Намык Кеналь выступил в газете «Иттихад» с серией статей, в которых отстаивал идею конституционной монархии и парламентского режима⁷. В напечатанной в «Вақыт» обширной статье подробно обосновывалось положение о том, что провозглашение конституции соответствует потребностям страны⁸. Видный представитель стамбульского мусульманского духовенства, Эсад-эфенди, опубликовал

в те дни памфлет «Конституционное правительство». По его мнению, введение в стране современного правопорядка не противоречило нормам ислама и традициям Османской империи⁹.

Созданная по указу султана комиссия по выработке проекта конституции состояла из 28 человек - 16 высокопоставленных чиновников, 10 представителей высшего мусульманского духовенства и двух генералов¹⁰. Султан и его ближайшее окружение были убеждены, что комиссия подобного состава либо вообще отвергнет идею конституционной реформы, либо примет такой проект, который обеспечит сохранение неограниченной власти монарха. Однако конституционные идеи были настолько популярны, что председатель комиссии Мидхат-паша и группа его единомышленников сумели в процессе обсуждения проекта добиться поддержки большинства членов комиссии. Тем не менее Мидхат-паше не удалось провести в комиссии свой собственный проект, который был наиболее радикальным из представленных на обсуждение, ибо он предусматривал реальное ограничение власти султана путем существенного расширения функций и прав кабинета министров, а также определенные законодательные права будущего парламента¹¹. Проекту лидера конституционалистов противники ограничения власти султана противопоставили проект, подготовленный Саид-беем, первым секретарем Абдул Ханида II. В этом документе внимание акцентировалось на незыблемости принципа неприкосновенности неограниченных верховных прав султана в условиях парламентского режима¹².

Работа комиссии протекала в атмосфере весьма острых дискуссий. Члены комиссии изучали не только проекты; в их распоряжении имелись сотни документов, характеризующих конституционно-монархическую форму правления. При выработке окончательного варианта проекта конституции были учтены основные положения ряда действовавших конституций европейских стран, в частности французской и бельгийской. По мнению Р. Деверо, специально изучавшего этот вопрос, подготовленный в результате работы комиссии проект был плодом коллективных усилий членов комиссии и основывался на идеях, почерпнутых из более чем тысячи различных источников¹³.

Комиссия завершила работу 20 ноября 1876 г. Ее председатель Мидхат-паша вручил текст проекта конституции Абдул Ханиду II. Султан высказал недовольство проектом, заявив, что он нуждается в переработке, главным образом в части, касающейся прав монарха. В первых числах декабря проект конституции по требованию султана обсуждался в кабинете министров, где число сторонников Мидхат-паши было невелико. В результате бурных дискуссий из проекта

были изъяты все положения, ограничивавшие права султана. И все же султан и его приближенные продолжали маневрировать, надеясь, что удастся избежать провозглашения конституции.

В этот момент внешнеполитические обстоятельства оказали, пожалуй, определяющее влияние на ход событий. Чаша весов стала клониться в сторону конституционалистов, ибо 11 декабря 1876 г. в Стамбуле началось совещание представителей европейских держав с участием делегата Турции для рассмотрения проекта автономии Боснии, Герцеговины и Болгарии, который предполагалось реализовать под международным контролем¹⁴. Таким образом, стало ясно, что на предстоящей в конце декабря конференции держав с участием турецких уполномоченных последним неминуемо придется, если не будут приняты какие-то исключительные меры, согласиться на узаконенное международным соглашением вмешательство европейских держав в дела империи.

В стремлении противодействовать созыву и проведению стамбульской конференции путем провозглашения конституции оказались едины как сторонники, так и противники конституции. Но одно и то же средство использовалось в данном случае с разными целями. Для Мидхат-паши и других лидеров конституционалистов было важно отвести угрозу иностранного вмешательства, а затем обеспечить реализацию положений конституции. Султан и поддерживавшие его феодально-клерикальные круги также надеялись сорвать работу конференции, но в дальнейшем в их планы входило, выбрав удачный момент, нанести удар по конституционалистам.

Когда стало ясно, что провозглашения конституции избежать не удастся, Абдул Хамид II и его приближенные настояли на включении в ее текст дополнения к ст. 113, предоставлявшее султану неограниченное право высылать за пределы страны негодных ему лиц. Это было очень серьезным поражением конституционалистов. Очевидцы свидетельствуют, что Мидхат-паша всячески стремился не допустить изменения текста ст. 113, но уступил давлению двора¹⁵. Мидхат-паша, правда, рассчитывал, что в дальнейшем ему удастся изменить текст конституции, используя парламент, если будут расширены права палаты депутатов и обеспечен должный контроль над деятельностью исполнительной власти. Будущее показало, однако, нереалистичность планов лидера конституционалистов¹⁶.

19 декабря, за четыре дня до открытия международной конференции, султан назначил Мидхат-пашу великим везиром. Это был вынужденный шаг. Вряд ли и сам Мидхат-паша не понимал, что своим назначением он обязан не доверию монарха, а поддержке

прогрессивных сил внутри страны и популярности в политических кругах стран Западной Европы. Не случайно лондонская и парижская биржи ответили на назначение Мидхат-паши повышением курса турецкой валюты.

Судьба конституции решилась 22 декабря 1876 г., буквально за сутки до ее провозглашения, на весьма драматическом заседании кабинета министров. На этом заседании группа министров вновь выступила против провозглашения конституции. Мидхат-паша сумел отстоять свои позиции. Он заявил, что подаст в отставку, если решение о немедленном провозглашении конституции не будет тотчас же принято кабинетом. Отставка Мидхат-паши в канун открытия конференции держав поставила бы Турцию в затруднительное положение, поэтому противникам конституции пришлось уступить.

Торжественная церемония провозглашения конституции состоялась днем 23 декабря 1876 г. на площади у здания Порты. Когда под сводами зала, в котором в эти часы собрались на первое официальное заседание участники международной конференции, отдалось эхо орудийного салюта, турецкий представитель сделал заявление о важном событии, в корне меняющем политическую ситуацию в Османской империи. Однако представители держав не согласились с утверждением турецкого делегата о том, что работа конференции в создавшейся обстановке представляется неоправданной. Они не признали новую конституцию гарантией осуществления необходимых реформ в балканских провинциях. Конференция продолжалась, но поставленная Портой цель все же частично была достигнута: ссылаясь на конституцию, турецкие представители стали решительно отвергать все предложения держав, с тем чтобы сорвать работу конференции.

Конституция 1876 г. представляет собой важнейший политический документ в истории Турции эпохи нового времени¹⁷. Хотя конституция практически не ограничивала власть султана, большим шагом вперед в условиях феодально-абсолютистского режима стали провозглашение буржуазных свобод (неприкосновенность личности и имущества, свобода печати и т.п.) и введение в стране парламентской системы. Конституция гарантировала личную свободу и равенство перед законом всем подданным империи без различия вероисповедания. Вместе с тем в ряде ее статей отразилось стремление увековечить господство турок над угнетенными народами, ибо все подданные султана объявлялись османами (ст. 8), а официальным языком империи провозглашался турецкий, знание которого обуславливало допуск к государственной службе (ст. 18); на турецком языке должны были происходить прения в палате депутатов (ст. 57). Стремление лишить

натурецкие народы возможности легальной борьбы за независимость в условиях парламентского режима нашло отражение в положении конституции о том, что каждый депутат парламента является представителем «всех османов», а не избирателей того округа, в котором он баллотировался (ст. 71). Гарантировав свободу всех вероисповеданий, конституция тем не менее объявила ислам государственной религией империи (ст. 11).

Роль двухпалатного парламента (сенат из пожизненно назначаемых султаном членов и палата депутатов, избираемая мужским населением империи) по конституции была незначительной. Палате депутатов предоставлялось право обсуждать и принимать законы, касающиеся финансов страны и поправок к конституции, а также утверждать бюджет. Сенат имел право отвергать принимавшиеся палатой законопроекты (ст. 64 и 80). Наконец, конституция объявляла священной и неприкосновенной личность султана, освобождала его от всякой ответственности перед законом (ст. 5), определяла его права в качестве повелителя «всех османов»: в его прерогативу входили назначение и смещение министров, заключение международных договоров, объявление войны и заключение мира, верховное командование всеми вооруженными силами страны, утверждение законов, принятых парламентом, созыв и роспуск парламента (ст. 7). Из числа незначительных ограничений власти султана, содержащихся в первоначальном проекте Мидхат-паши, сохранилось лишь положение о том, что в случае роспуска палаты султан обязан в шестимесячный срок назначить новые выборы (ст. 73).

Однако конституции 1876 г. была суждена недолгая жизнь. Когда конференция в Стамбуле прекратила свою работу, Абдул Хамид II в феврале 1877 г. сместил вдохновителя конституционной реформы с поста великого везира. Мидхат-паша стал первой жертвой пресловутого дополнения к ст. 113 — его выслали по указу султана за пределы Османской империи. Одновременно из столицы были высланы другие активные сторонники конституции. Поражение реформаторов показало узость социальной базы конституционного движения, отсутствие поддержки масс в борьбе с султанским абсолютизмом¹⁸.

Первая турецкая конституция была встречена подавляющей частью населения в провинциях империи без энтузиазма, ибо уровень его образования и культуры, особенно мусульманской части, был таков, что сам смысл конституционной реформы оставался для него непонятным. Современник событий, историк Ахмед Мидхат отмечал, что большинство населения даже не знало и не понимало смысла слов «конституция» и «парламент»¹⁹. В Трабзоне, например, турецкое население вилайета встретило конституцию не только холодно, но даже с негодованием²⁰. Реакционеры, разжигая фанатизм

неграмотных масс, распространяли слух о том, что конституция — «затея гяуров». Начальник штаба Кавказского округа русской армии сообщал в донесении от 31 декабря 1876 г., что объявление конституции не произвело особого впечатления в восточных вилайетах Анатолии: население считало, что конституция не устранил произвол и злоупотребления властей²¹. Крайне недоверчиво отнеслось к провозглашению конституции нетурецкое население империи²², стремившееся к освобождению от векового турецкого владычества.

И все же конституция 1876 г. оставила заметный след в общественно-политической жизни страны. Впервые в истории Турции в ее столице собрался парламент. В 1877–1878 гг., в условиях начавшейся русско-турецкой войны, состоялись две сессии палаты депутатов²³. Несмотря на то что конституционное движение уже потерпело серьезное поражение и было по существу обезглавлено, с трибуны палаты депутатов прозвучала резкая критика деятельности центральной власти, порядков в судопроизводстве, произвола чиновников провинциальной администрации, злоупотреблений ряда сановников. В мае 1877 г. палата осмелилась потребовать у правительства отчет в связи с поражениями армии. В январе — начале февраля 1878 г., когда в палате обсуждались жалобы предпринимателей, недовольных затяжкой с предоставлением лицензий на промышленное строительство, депутаты даже поставили вопрос о недоверии великому везиру и ряду министров. Султан оказался вынужденным пойти на смену кабинета.

Когда возникла угроза движения русской армии на Стамбул, в палате депутатов начались такие резкие выступления с критикой действий правительства, что султан Абдул Хамид II распустил палату за месяц до окончания срока сессии, а наиболее активных деятелей парламентской оппозиции приказал выслать из столицы. Разгон парламента (это произошло 14 февраля 1878 г.) означал окончательное поражение конституционалистов.

Однако даже кратковременная деятельность палаты депутатов стала важной вехой в процессе буржуазного развития страны. Первый парламент был для нарождавшейся турецкой буржуазии школой легальной борьбы с султанским абсолютизмом. Ф. Энгельс высоко оценил его деятельность. Он писал в июне 1877 г.: «Если бы только у нас в Германии был такой парламент, как в Константинополе!»²⁴

Не переоценивая силы конституционного движения, нельзя не признать, что его влияние на общественную жизнь страны оказалось весьма значительным. Султан и высшая бюрократия империи были напуганы активностью общественных сил, поддержавших конституционалистов. После разгона парламента и фактического прекращения действия конституции 1876 г. султан Абдул Хамид II установил в стране режим жесточайшей личной деспотии,

вошедший в историю Турции под названием «эпохи зулума» (зулум — гнет, тирания, деспотизм). Именно боязнь нового наступления прогрессивных сил постоянно побуждала Абдул Хамида II беспощадно расправляться с любыми проявлениями свободомыслия. Султан и его окружение панически боялись оживления общественных сил, способных, как они убедились на опыте, бороться с абсолютизмом и произволом бюрократии. Жизнь показала, что их опасения не были напрасными.

Глава IV

УЛЕМЫ И РЕФОРМЫ

В Османской империи ислам был государственной религией. Главой мусульманского духовенства, или сословия улемов, и ведущим авторитетом по вопросам мусульманского законодательства был шейх-уль-ислам¹. Должность эта была учреждена в 1424 г., но роль шейх-уль-ислама в политической жизни империи долгое время была невелика. Лишь с конца XV — начала XVI в. шейх-уль-ислам становится значительным лицом при дворе, причем его влияние на государственные дела зависело от его личных качеств и близости к султану. Это хорошо видно на примере деятельности известного улена Мехмеда Абуссууда (XVI в.), который был шейх-уль-исламом около 30 лет и способствовал превращению этой должности в политический пост. Именно он добился предоставления шейх-уль-исламу права назначения кадиев в крупных городах и нюдеррисов в наиболее значительных медресе.

Анализируя соотношение светской и духовной власти в Османской империи, М.С.Мейер отмечает, что если до эпохи Сулеймана Великолепного «шейх-уль-исламы могли открыто выступать против решений султана, то в дальнейшем они предпочитали искать согласия с правителем. Об этом, в частности, свидетельствуют и фетвы Абуссууда, опиравшиеся в некоторых случаях на авторитет султанского указа»². Рост политического влияния сделал к XVII в. главу улемов лицом, равным по значению великому везиру. Уже в 1584 г. великий везир Осман-паша по приказу султана нанес официальный визит шейх-уль-ислану Чиви-заде Мехмед-эфенди, и с той поры такие посещения стали законом³. Этот акт демонстрировал положение шейх-уль-ислама в османской государственной иерархии.

Во второй половине XVI в. политическая роль улемов усилилась. В условиях падения военного могущества османского государства, ухудшения его экономического положения и роста социальных противоречий султанам приходилось чаще прибегать к

поддержке улемов. Значение норм шариата в государственных делах, особенно в сфере законодательства, заметно повысилось. В XVIII-XIX вв. фетва шейх-уль-ислама уже была необходима для принятия любого сколько-нибудь значительного решения султана и его правительства.

Когда острый социально-политический кризис вызвал в начале XIX в. к жизни движение за реформы, мусульманское духовенство представляло собой значительную политическую силу. Влияние улемов определялось также их ролью в экономической жизни в качестве держателей вакуфов (вакуфные земли составляли в тот период примерно треть всех обрабатываемых земель).

Как мы уже отмечали, реформаторы стремились восстановить могущество империи с помощью европейского опыта. Начав с преобразований в армии, они попытались реконструировать большинство государственных, правовых и культурных институтов. В связи с этим возник вопрос об отношении мусульманского духовенства к этим «гяурским» новшествам и об их соответствии нормам Корана и шариата. Традиционная фетва шейх-уль-ислама, которая санкционировала то или иное мероприятие светских властей в свете положений Корана и шариата, приобретала в таких условиях функцию политического оружия.

Первые султаны-реформаторы, Селим III и Махмуд II, сумели заручиться поддержкой ряда высших духовных лиц империи. Шейх-уль-ислам Ахмед Эсад-эфенди одобрил нововведения Селима III, а улем Мехмед Мюниб-эфенди поддерживал идею создания нового войска по европейскому образцу. Среди авторов проектов реформ, поданных Селиму III, был и видный улем Татарджик Абдуллах Молла. Махмуд II также опирался в своей реформаторской деятельности на некоторых улемов, в частности на шейх-уль-ислама Арифа Хикмет-бея. Последний был даже послан в 1840 г. в Рунелию, чтобы выяснить, как осуществляются здесь принципы, провозглашенные Гюльханейским хаттом.

Однако чаще всего высшие улемы, связанные с государственным аппаратом и зависевшие от воли султана, хотя и не выступали открыто против мероприятий Порты, всегда были опорой консервативных сил. В 40-х - начале 50-х годов они принимали активное участие в политической борьбе, не раз добиваясь устранения от власти инициатора реформ Решид-паши и временного прекращения действия новых актов правительства. В донесении английского посла в Стамбуле Понсоби Пальмерстону от 29 марта 1841 г. содержится описание обстоятельств отставки Решид-паши с поста министра иностранных дел. Когда тот

представлял на утверждение Порты коммерческий кодекс, консервативно настроенный министр Рифат-паша задал ему вопрос: «Как согласуется кодекс со священным законом?» Решид позволил себе заявить, что кодекс не имеет к нему никакого отношения. Ответ вызвал бурное негодование присутствовавших улемов, заявивших: «Это святотатство!» Улемов поддержали другие министры-консерваторы, и султан тут же отстранил Решиду от должности.

В области образования противодействие улемов привело к тому, что формальное изъятие школ из-под контроля мусульманского духовенства в соответствии с указами 1845 – 1846 гг. не сразу имело результатом превращение начальных квартальных школ в светские учебные заведения. Этот процесс затянулся на долгие годы, и даже в столице улемы выступали против открытия светских школ. Даже формально реформированные неkteбы (начальные школы), попав в ведение правительственных органов, фактически продолжали содержаться за счет вакуфов⁹. Провинциальные же улемы открыто выступали против реформ, нарушающих заповеди Корана⁸.

И все же некоторые улемы сотрудничали с инициаторами нововведений. Видные улемы Хайруллах-эфенди и Селим Сабит-эфенди участвовали в развитии светского образования. Долгие годы советником Решид-паши был улем Ахмед Джевдет. Этот известный впоследствии сановник и историк был рекомендован Решиду в качестве консультанта шейх-уль-исламом Арифом Хикметом. Именно Ахмед Джевдет сыграл важную роль при введении светской системы судопроизводства, убедив часть улемов в целесообразности создания судебных органов вне системы шариатских судов.

Инициаторы реформ были далеки от игнорирования норм ислама. Решид-паша не раз заявлял, что реформы не должны противоречить положениям Корана и шариата. Когда в тех или иных провинциях возникало сопротивление реформам, правительственные уполномоченные специально убеждали местные власти и улемов в том, что танзинат никоим образом не противоречит шариату¹⁰.

Идеологи «новых основ» уделили также большое внимание вопросу о соответствии конституционной реформы религиозным нормам. Особенно выделялась в этом отношении издававшаяся в Лондоне в 1867–1868 гг. газета «Мухбир». Ее издатель Али Суави некоторое время принадлежал к сословию улемов¹¹. Турецкие историки иногда называют его «революционером в чалме», так как он стремился все реформы выводить из положений Корана и шариата. Реформаторские проекты в «Мухбир» излагались в форме комментариев к Корану,

хадисам, а порой даже в виде хутбы - религиозной проповеди¹².

Материалы, публиковавшиеся в другой газете «новых османов», «Хюрриет», которую издавали лидеры конституционалистов Наных Кеналь и Зия в Лондоне в 1868-1870 гг., также содержали теоретическое обоснование совместности конституционного правления с Кораном и шариатом¹³. «Хюрриет» утверждала, что шариат составляет основу османского государства и что лишь то государство может обеспечить социальную гармонию, которое зиждется на принципах шариата. Эти аргументы нужны были издателям «Хюрриет» для обоснования планов конституционной реформы и созыва палаты депутатов¹⁴.

Уже в начальный период деятельности «новых османов» с ними солидаризировались отдельные улемы. Они оказались в числе арестованных по делу «новых османов» и даже среди лиц, высланных из столицы в связи с раскрытием антиправительственного заговора. Улем Сарыйерли Ходжа Садык-эфенди был сослан в Сирию по обвинению в сочувствии «новым османам». В эмиграции с «новыми османами» близко сошелся улем Ходжа Тахсин-эфенди - инан османского посольства в Париже, а позже ректор первого турецкого университета, открытого в 1870 г. в Стамбуле. Тахсин-эфенди и его ученик Насухи (брат известного писателя Абдулхака Ханида) перевели на турецкий язык некоторые труды Вольфеля¹⁵.

В период борьбы за первую конституцию реформаторам удалось привлечь на свою сторону часть высших столичных улемов, работавших в государственном аппарате¹⁶. Эти улемы считали конституцию средством, способным предотвратить распад империи. Завоевать их поддержку Мидхат-паше помогла его репутация ортодокса. Немалую роль сыграли и тесные связи Мидхата с шейхом стамбульской обители дервишского ордена невлели Осман-эфенди, человеком influentialным и, по мнению некоторых историков, его единомышленником¹⁷. Один из активных участников антиправительственных выступлений 1876 г., сановник Махмуд Джелаледдин-паша, писал в своих воспоминаниях, что, готовясь весной 1876 г. к выступлению против правительства, Мидхат постоянно советовался с Осман-эфенди¹⁸.

Мидхат и его окружение использовали брожение среди столичных софтов. Практически иенно их вооруженные выступления в столице в мае 1876 г. привели к созданию нового правительства с участием Мидхата. В начале июня сторонникам Мидхата удалось организовать массовую манифестацию софтов в поддержку конституции. После провозглашения конституции (23 декабря 1876 г.) многие софты были в рядах демонстрантов, приветствовавших это событие¹⁹. Конечно, софты были далеки от понимания идей

парламентаризма и характера конституционной реформы. Они «поддержали лозунг шура-и-унмет (совет общины), однако вкладывали в него иной смысл, чем конституционалисты. Софты выступали за создание совещательного органа при султанах, но только из представителей мусульман. Тем не менее Мидхат воспользовался оппозиционными настроениями софт»²⁰. Софты шли на манифестации, доверяя своим учителям и наставникам, сознательно поддерживавшим конституционалистов.

В июле 1876 г. на чрезвычайном заседании Большого совета империи, где обсуждался вопрос о конституции²¹, ряд улемов высказался в защиту конституционных принципов. В совещании принимали участие и улемы — противники Мидхата. Такое политическое противостояние в среде столичных улемов наблюдалось тогда не раз. Например, в конце лета 1876 г. в Стамбуле был опубликован памфлет улема Эсад-эфенди «Конституционное правление», в котором автор доказывал, что конституционный режим не противоречит нормам ислама и традициям османского государства. Эсад-эфенди не только описывал достоинства английской парламентской системы, но даже выступал за допуск христиан в палату депутатов²², против чего решительно возражало подавляющее большинство улемов. Из 28 членов назначенной султаном комиссии по подготовке проекта конституции 10 человек принадлежало к высшим улемам империи. И хотя дискуссии в комиссии были острыми, конституционалисты оказались здесь в большинстве. В числе тех, кто поддержал Мидхата, был, в частности, видный улема, член Государственного совета Сейфеддин-эфенди²³.

Каковы же были корни разногласий в среде мусульманского духовенства в период борьбы за первую турецкую конституцию? Прежде всего, следует иметь в виду различия в социальном положении разных групп улемов. Большинство улемов, связанное с вакуфным имуществом, особенно с земельными владениями, выступало против реформ, опасаясь возможной отмены своих привилегий. Поскольку Порта располагала правом контроля над вакуфной собственностью, улемы, естественно, опасались, что реформы так или иначе скажутся на статусе вакуфов. Провинциальные улемы, занятые в сфере судопроизводства или школьного образования, также были противниками реформ, ибо светские суды и новые школы ущемляли их prerogatives, уменьшали их влияние на массы. Между тем заинтересованность в этом влиянии, в том числе материальная, была очень велика. Правомочно видеть в этих категориях улемов — держателях вакфов, провинциальных кадиях и мюддеррисах — главный источник сопротивления мусульманского духовенства светским реформам.

Реформаторов поддерживала только незначительная группа уленов, тесно связанная с центральным государственным аппаратом. Близкое знакомство, а порой и сотрудничество с лидерами реформаторов, с прогрессивно настроенными представителями новой бюрократии, в некоторых случаях и личный интерес к европейской науке и культуре отражались на мировоззрении этих людей. Возможно, расслоение уленов вызывалось и тем причудливым переплетением светских и религиозных элементов в период танзимата, той своеобразной дихотомией традиций и модернизма, о которых пишут некоторые современные исследователи²⁴.

На позицию и взгляды отдельных уленов в период конституционного движения 60-70-х годов наложили печать также зарождавшиеся в мусульманском мире идеи реформации ислама. Идеологи, принадлежавшие к этому направлению, предлагали такое толкование религиозно-этических и политических проблем, при котором, хотя и ограниченно, санкционировалась свобода воли. Реформаторы призывали к пересмотру фикха и требовали признать за каждым верующим или за представительным законодательным органом право на иджтихад.

Несмотря на то что отдельные улены по разным причинам поддерживали реформы, подавляющее большинство представителей этого сословия упорно сопротивлялось любым новшествам, отстаивало неизбежность всех традиционных институтов власти, ратовало за безраздельное господство норм ислама во всех сферах государственной жизни. В целом позиция уленов была одним из важных факторов, тормозивших процесс реформ.

Глава V

НА РУБЕЖЕ СТОЛЕТИЙ

В первое десятилетие царствования Абдул Хаида II оппозиционные политические настроения внешне никак не проявлялись. На самом же деле в недрах образованной части турецкого общества не только сохранилось, но и продолжало развиваться свободомыслие. В среде турецкой интеллигенции, особенно в кругу молодого офицерства и учащихся военных и специальных гражданских школ, тайно распространялись произведения Ибрагима Шинаси, Намыка Кемаля и Зии, проникнутые идеями свободолюбия и патриотизма. Именно на этих идеях было воспитано поколение реформаторов новой волны — младотурок, — принявшее эстафету борьбы с феодально-султанским деспотическим режимом.

В мае 1889 г. курсант военно-медицинского училища албанец Ибрагим Тено предложил трем своим

товарищам, взгляды которых ему были близки, создать тайное общество с целью спасения родины, стоящей на краю гибели. Все трое — Исхак Сюкути, Абдуллах Джевдет и Мехмед Решид — согласились с предложением Темо. Вскоре состоялось первое собрание членов тайного общества. Темо пишет в своих воспоминаниях, что старый садовник Алуш-ага, сад которого был избран в качестве места первой встречи членов общества, сказал юным заговорщикам: «Вы устраиваете свидание, напоминая встречу пашей, собиравшихся в дни моей молодости для свержения султана Абдул Азиза. Аллах да поможет вам!» Собрание в саду Алуш-аги было условно названо «Собрание под инжиром»². Члены тайной группы сами читали и передавали товарищам по училищу запрещенные произведения Намыка Кемале и Эми, а также приходившие из Лондона по каналам иностранных почтовых служб газеты, издававшиеся персидскими либералами.

Общество было разбито на небольшие ячейки. Возглавлял его комитет. Каждый член организации знал лишь пятерых членов своей ячейки⁴. Хорошо осведомленный Поль Феш отмечал, что каждый член общества знал только того, кто ввел его в общество, и того, кто давал ему задания комитета⁵. Всего в общество были вовлечены 20–25 человек, главным образом учащиеся военно-медицинского училища.

Вскоре общество установило связи с другими учебными заведениями столицы. Ячейки общества были созданы в военном, военно-морском и инженерно-артиллерийском училищах, школе гражданских чиновников и ветеринарной школе.

То обстоятельство, что первые группы младотурок возникали именно в военных и специальных гражданских учебных заведениях, не было случайным. Эти учебные заведения стали при Абдул Хамиде наиболее важными центрами формирования турецкой интеллигенции. Молодежь здесь получала серьезное по тем временам образование, изучала иностранные языки, имела хотя бы минимальные возможности для знакомства с экономической и политической жизнью европейских государств.

А. Мандельштам, сотрудник российского консульства в Стамбуле, отлично знавший Турцию, писал: «Молодые офицеры турецкой армии, выходцы из военных школ Константинополя, составляли, без всякого сомнения, наиболее либеральный и цивилизованный элемент в Османской империи»⁶.

О существовании тайного общества в военно-медицинском училище Абдул Хамиду стало известно в 1892 г. Трое курсантов училища написали ему донос. Султан немедленно сместил начальника военно-медицинского училища Али Саиб-пашу, а начальнику военного училища Зеки-паше приказал ликвидировать заговор. Арестовали ряд учащихся, в том

числе Абдуллаха Джевдета, Мехмеда Решиды, Шерефеддина Магмуи. Был схвачен и журналист, редактор газеты «Саадет» Али Шефик⁷. После нескольких месяцев заключения всем им было даровано «высочайшее помилование». Трудно точно определить причину столь снисходительного отношения Абдул Хамида к арестованным. Скорее всего султан предпочел счесть случившееся юношеской выходкой, чтобы репрессиями не накалить атмосферу в военных училищах. Во всяком случае, арестованные были освобождены и даже получили возможность продолжить учебу.

Несмотря на аресты, деятельность общества продолжала расширяться. Один из участников младотурецких кружков пишет в своих воспоминаниях, что члены общества начали агитацию среди софт⁸.

Примерно в это же время возник первый зарубежный центр оппозиционной деятельности младотурок. Его создание связано с именем Ахмеда Риза-бея, одного из лидеров и идеологов младотурецкого движения.

Ахмед Риза родился в 1859 г. Его отец был членом первого сената. Окончив Галатасарайский лицей в Стамбуле, Риза уехал в Европу, чтобы получить специальное сельскохозяйственное образование. Окончив во Франции сельскохозяйственное училище, Ахмед Риза по возвращении в Стамбул начал работать в министерстве сельского хозяйства. Вскоре он понял, что это ведомство, как и другие правительственные учреждения, — всего лишь кормушка для бюрократов. Ахмед Риза приходит к убеждению, что главная причина отсталости сельского хозяйства — невежество крестьянства. Он переходит на работу в министерство просвещения. Некоторое время работает директором школы в Бурсе, затем исполняет обязанности директора местного департамента просвещения. Его попытки как-то улучшить дело народного образования наталкиваются на противодействие местной администрации. В 1889 г. Ахмед Риза вновь уехал в Париж, на этот раз с целью посещения выставки, открытой в связи со столетием Французской революции, и остался там. Отныне он посвящает себя общественно-политической деятельности, направленной на изменение существующего режима с целью достижения политического, экономического и культурного прогресса Османской империи.

Как и многие другие турецкие реформаторы, Ахмед Риза начал с представления докладных записок султану. С 1889 по 1894 г. он семь раз обращался к Абдул Хамиду с посланиями, в которых призывал султана изменить свою политику, восстановить конституционный строй⁹. Тем временем вокруг Ахмеда Ризы начала складываться небольшая группа турецких эмигрантов. Часть этих людей покинула свою страну в знак протеста против кровавого режима Абдул Хамида, другие вынуждены были

бежать после первых провалов тайных младотурецких групп, действовавших в Стамбуле.

В 1894 г. участники тайных кружков вновь попали в поле зрения абдулхамидовской полиции. Начались аресты всех лиц, подозревавшихся в свободомыслии. Были арестованы Абдуллах Джевдет, Исхак Ськути, Шерефеддин Магнуми, Абдулкерим Себати, преподаватель военного училища Щюрюксюлю Ахмед-бей и ряд других участников тайного общества. Они были сосланы в разные районы империи. Из мест ссылки многим, в частности Абдуллаху Джевдету, Исхаку Ськути и Ахмед-бею, удалось бежать в Париж. В 1894-1895 гг. из Турции бежало, спасаясь от арестов, довольно значительное число участников младотурецких ячеек в учебных заведениях. Сам Темо эмигрировал в 1895 г. в Румынию.

Многие эмигранты осели в Париже. Центром притяжения для них стала газета «Мешверет», первый номер которой вышел в свет в декабре 1895 г. Эта газета, выходившая раз в две недели, была основана Ахмедом Ризой при участии ряда эмигрантов. Вначале было решено, что газета будет издаваться на турецком языке и предназначаться для читателей в самой Турции. Но Ахмед Риза стал выпускать и приложение на французском языке. Поскольку к тому времени Ахмед Риза был довольно хорошо известен среди парижских позитивистов и даже печатался в их органе «Ревю оксиденталь», эта газета опубликовала специальное извещение в связи с началом издания «Мешверет».

3 декабря 1895 г. в «Мешверет» была опубликована статья под названием «Наша программа». В ней сообщалось, что «османский комитет «Единение и прогресс» недавно основал в Париже газету «Мешверет» с целью оповестить о своем существовании, ибо известно, что в Турции прессу заставили замолчать»¹⁰. В статье далее говорилось, что цель общества, которое представляет газета, - достижение мирным путем прогресса Османской империи. «Мы стремимся работать не для свержения правящей династии, существование которой мы считаем необходимым для поддержания порядка, но для распространения прогресса и достижения его победы мирным путем. Наш девиз - «порядок и прогресс», и нам чужды решения, достигнутые с помощью силы. Мы требуем реформ, но не в интересах той или иной провинции, а для всей империи, не в интересах какой-либо одной национальности, а для всех граждан Османской империи, будь то евреи, христиане или мусульмане. Мы хотим идти по пути цивилизации, но мы решительно заявляем, что мы пойдем этим путем, укрепляя османский элемент, уважая присущие ему условия существования. Мы намерены сохранить особенности нашей восточной цивилизации, заимствовав у Европы только основные

результаты развития науки, только то, что действительно необходимо, чтобы вести народ по пути свободы... Мы против прямого вмешательства иностранных держав в дела Османской империи. И это проистекает не из фанатизма (религиозный вопрос — сугубо личное дело), а из законного чувства гражданской и национальной гордости»¹¹. В этой программной статье «Мешверет» есть пункты, отражавшие общие для того периода взгляды младотурок, — неделимость империи, невмешательство иностранных держав в ее дела, реформы с целью прогресса страны и всех ее подданных без различия религии и национальности.

После арестов и ссылок в 1894—1895 гг. ряда членов первой тайной стамбульской организации младотурок она не прекратила свое существование. Был даже создан первый центральный комитет общества; его председателем стал видный чиновник Хаджи Ахмед-эфенди. Комитет принял решение о низложении Абдул Хамида и начал вербовать приверженцев среди охраны султанского дворца Йылдыз. Когда об этом решении стало известно младотуркам в Париже, они выступили против него¹², так как избрали в тот период ненасильственные методы борьбы.

Стамбульская тайная организация младотурок имела свой устав, текст которого дошел до нас¹³. Есть основания считать, что он действовал в 1895—1896 гг. Положения устава имеют важное значение для характеристики политических целей общества в рассматриваемый период.

Устав определял, что общество «Единение и прогресс» открыто для всех османов, что цель его — пробуждение всех соотечественников — мусульман и христиан — для «изменения образа действий нынешнего правительства, которое наносит ущерб таким человеческим правам, как справедливость, равенство и свобода, мешает прогрессу всех османов и отдает родину в руки иностранцев»¹⁴. В уставе говорилось, что цель общества — восстановление конституционного правления, обеспечивающего человеческие права и являющегося источником цивилизации. В нем также было сказано, что если члены османской династии «будут совершать действия, противные шариату и закону, не будут согласны с конституционным правлением и не будут обеспечивать человеческие и гражданские права, в отношении них будут приняты нужные меры в соответствии с шариатом и законом»¹⁵.

Устав вводил весьма строгие правила конспирации. В частности, предусматривалось, что каждого члена общества должны знать не более двух человек, не считая того, кто привлек его в общество; пять членов руководящего комитета организуют пять отрядов общества, члены которых имеют свои номера.

Определялась система связи по цепочке, устанавливался порядок сбора средств среди членов общества и их расходования, уплаты ежемесячных членских взносов. Средства общества шли прежде всего на обеспечение его издательской деятельности, а также предназначались для погибших и лиц, помогающих в осуществлении его начинаний¹⁶

В 1895 г. в кругу эмигрантов в Париже появился человек, вскоре ставший одним из лидеров младотурецкого движения. Это был историк и журналист Мурад-бей, более известный под именем Мизанджи Мурад-бея. Выходец из Дагестана, он был преподавателем истории, написал ряд крупных работ. Его наиболее значительные труды – шеститомная «Всемирная история» и однотомная «Османская история». Наибольшую популярность он приобрел как журналист, издававший с 1886 г. в Стамбуле еженедельную газету «Мизан». Эта газета изредка позволяла себе критиковать правительство, хотя по отношению к султану проявляла верноподданнические чувства.

Первые контакты Мурада с обществом «Единение и прогресс» произошли в 1893–1894 гг., но, как писал позже сам Мурад, он не вступил в общество, ибо находился на государственной службе и, кроме того, надеялся, что султан сам изменит свою политику¹⁷. В октябре 1895 г. Мурад подал султану докладную записку, в которой предлагал осуществить ряд реформ в системе государственного управления. Султан, однако, не счел нужным прореагировать на нее. Мурад-бей решил после этого уехать из Турции. В 1896–1897 гг. он вел активную политическую деятельность, направленную против абдулхамидовского режима. За рубежом Мурад вновь начал издавать газету «Мизан», на этот раз в качестве одного из органов общества «Единение и прогресс».

Мурад приехал в Париж в конце 1895 г., еще до начала издания «Мешверет». Его первая же встреча с Ахмедом Ризой выявила между ними серьезные политические разногласия.

Мурад выдвигал довольно умеренную программу реформ. В первом номере своей газеты «Мизан», вышедшем в Каире 4 января 1896 г., он писал в общих чертах о необходимости восстановления конституции 1876 г.¹⁸ Однако, когда месяцем позже он более подробно изложил свои политические воззрения, они выглядели более чем умеренными. Эти взгляды были представлены читателю в форме опубликованного в «Мизан» «Обращения к султану Абдул Хамиду». В нем отмечалось, что со времени его восшествия на престол государство пришло в упадок, от империи отторгнуты многие ее территории, торговля и сельское хозяйство находятся в тяжелом положении «из-за отсутствия безопасности». В «Обращении» говорилось о

необходимости обеспечения «свободы печати в пределах закона», улучшения системы судопроизводства и судебной ответственности чиновников. «Обращение» призывало к созданию некоего совещательного органа, составленного из сановников и «уважаемых лиц страны»¹⁹

Ахмед Риза и его единомышленники выступили в тот период с несколько более конкретной и радикальной программой. Она была опубликована в «Мешверет» 15 августа 1897 г. под названием «Программа Молодой Турции»²⁰. В ней весьма резко ставился вопрос о восстановлении конституции 1876 г. «Мы официально требуем, – говорилось в «Программе», – восстановления действия этой аннулированной конституции. Эта конституция обеспечивает участие народа в создании законов, свободу печати, свободу личности, свободу совести и дает представителям нации право заслушивать отчеты министров и обсуждать бюджет». И далее: «Вкратце наша программа такова: единство, целостность и неделимость империи, сохранение на троне династии Османа, равенство всех перед законом, независимость суда, свобода совести, участие представителей страны в выработке законов, особенно в утверждении бюджета, абсолютное выполнение всех существующих законов»²¹

Разногласия между Ахмедом Ризой и Мурадом существовали и в подходе к решению национального вопроса. Ахмед Риза, выступая под лозунгом единства всех османов – подданных султана, резко клеймил Абдул Хамида и его клику за избиение армян в 1894–1896 гг. Мурад в «Мизан» счел возможным открыто выступить в защиту политики султана в армянском вопросе. Ахмед Риза на страницах «Мешверет» в связи с греко-турецкой войной 1897 г. и восстанием греков на острове Крит разоблачал феодально-абсолютистский режим, являвшийся причиной возникновения греческого повстанческого движения. Позиция Мурада в отношении освободительных движений нетурецких народов Османской империи нашла отражение в изданной им в июне 1897 г. брошюре, в которой он доказывал, что разговоры о белственном положении христиан в Турции – результат дипломатических интриг²². Общий смысл его рассуждений сводился к тому, что у нетурецких народов Османской империи нет оснований бороться за свое освобождение из-под власти султана. При этом если Ахмед Риза, также ратуя за целостность государства, хоть как-то пытался объяснить возникновение антитурецких освободительных движений, то Мурад в резкой форме отвергал само право нетурецких народов стремиться к отделению от империи.

Вместе с тем брошюра Мурад-бея содержала положения, характерные для всей пропаганды младотурок того времени. Мурад заявлял, что должна быть введена в действие конституция, которая защитит законы от

дворцового произвола. «Турки созрели для конституционного режима, — писал он, — пропорциональное представительство по конституции Мидхата является вдохновляющим примером»²³. Как и в других младотурецких пропагандистских изданиях той поры, в брошюре Мурада резко осуждался султан Абдул Хамид, о котором автор писал, что «это не султан, а сам сатана на троне!» Мурад заканчивал свое сочинение словами: «Пока царствует султан Хамид, османский мир и Европа не могут ожидать от него ничего, кроме неприятностей, еще раз неприятностей, всегда неприятностей»²⁴. Отметим, что сведение пороков феодально-абсолютистской власти к недостаткам личности царствующего султана было характерной чертой подавляющего большинства изданий младотурок в конце XIX в.

Деятели младотурецкого движения в тот период уделяли главное внимание организации антиправительственной пропаганды через собственную прессу. В издававшихся ими газетах обсуждались важнейшие проблемы, связанные с внутренним и международным положением Османской империи, излагались и аргументировались программные взгляды младотурок.

Наряду с изданием газет огромную роль в пропагандистской деятельности младотурецких организаций играл выпуск брошюр и листовок для нелегального их распространения в пределах Османской империи. Ю. Х. Баур отмечает, что с помощью брошюр велась активная пропаганда; «напечатанные на тонкой бумаге книжечки в 15–20 страниц, часто размером 8–10 сантиметров, с легкостью можно было распространять внутри страны»²⁵.

Необходимость восстановления конституционного строя и созыва парламента была центральной идеей всей младотурецкой программы. Часто повторялось и утверждение, согласно которому конституционные реформы нужны как средство, способное предотвратить раздел Османской империи между великими державами.

В газетах и брошюрах младотурок делались попытки проанализировать общие черты конституционно-монархических режимов и показать читателям их преимущества перед абсолютистским правлением. В этом отношении была примечательна брошюра под названием «Способ государственного управления и реформы», изданная в 1902 г. Автор ее, скрывшийся под псевдонимом «Дипломат», доказывал, что именно система конституционной монархии способна обеспечить быстрый экономический и культурный прогресс Турции. Все беды Османской державы он объяснял господством абсолютизма, препятствующего выполнению государством его главной функции — обеспечивать благосостояние подданных.

Конституционная система характеризовалась в брошюре как средство, способное положить конец произволу и злоупотреблению властью, гарантировать безопасность жизни и неприкосновенность имущества подданных, содействовать распространению знаний и просвещения, усилению патриотических чувств. В брошюре были приведены сравнительные данные о состоянии экономики и культуры в Англии, Франции, Германии, Австрии, Италии, Греции, России, Турции и Иране. Анализируя их, автор стремился конкретными примерами иллюстрировать свою мысль о том, что в экономическом и культурном отношении государства, где господствует «система абсолютизма», намного отстают от государств, народы которых имеют «свободу личности и мнений». Наконец, в брошюре разъяснялось, что важнейшей и применимой ко всем странам чертой конституционного строя является создание парламента, контролирующего действия исполнительной власти²⁶

Газеты, листовки и брошюры младотурок во множестве проникали в пределы Османской империи. Российский дипломатический представитель в Каире писал в феврале 1896 г. «Газета Мурад-бея «Мизан», в которой он открыто требует от султана реформ, довольно свободно проникает в Турцию, причем наибольшее количество ее экземпляров расходуется в самом Константинополе, а затем в Йемене, служащем местом административной ссылки подозреваемых лиц»²⁷ Пропагандистские материалы младотурок читали чиновники, учащиеся светских школ и медресе, офицеры армии и флота, литераторы и журналисты. А. Б. Куран пишет в своих воспоминаниях, что курсанты военного училища, где он учился, тайно передавали друг другу экземпляры газет младотурок, издававшихся в Париже, Каире, Женеве; юноши «читали их с жадностью». Он отмечает, что со временем эти газеты стали попадать в училище сравнительно регулярно²⁸

Издательская деятельность младотурок в Европе сильно беспокоила Абдул Хамида. Его волновало не только то обстоятельство, что газеты и брошюры младотурок содействовали распространению в среде турецкой военной и гражданской интеллигенции идеи борьбы с установившимся в стране деспотическим режимом. В не меньшей степени султан был озабочен тем фактом, что лидеры младотурок выступают со статьями, критикующими его самого и Высочую Порту, не только в эмигрантских газетах, но и в ряде крупных европейских газет. Статьи младотурок в этих газетах, издание французского варианта «Мешверет», ряд брошюр, публиковавшихся на французском языке Ахмедом Ризой, Мурадом и другими видными деятелями движения, — все это способствовало разоблачению абдулхамидовского режима перед общественным мнением стран Европы.

Через свою дипломатическую и шпионскую службу Абдул Хамид весьма внимательно следил за деятельностью эмигрантов. Среди регулярно поступавших к нему доносов было немало сообщений о младотурках, их изданиях. Султан был осведомлен и о том, что в среде эмигрантов нет единства; это обстоятельство было умело использовано для того, чтобы склонить ряд деятелей движения к отказу от политической борьбы и возвращению в Турцию.

В то время как младотурки в Европе были заняты дискуссиями, стамбульский комитет общества готовил низложение Абдул Хамида. Группа Ахмеда Ризы не поддерживала это начинание. Тем не менее заговорщики, во главе которых стояли Хаджи Ахмед-эфенди, шейх Наили-эфенди и подполковник Шефик-бей, наметили произвести переворот в августе 1896 г. Этот срок, вероятно, был избран потому, что летом 1896 г. существовала реальная возможность вмешательства держав в дела Османской империи в связи с армянской резней.

Заговорщики заручились поддержкой Кязим-паши, командира 1-й дивизии, расквартированной в Стамбуле. Предполагалось захватить наследника престола Решад-эфенди и получить фетву шейх-уль-ислама о низложении Абдул Хамида. Заговор провалился из-за предательства одного из его участников. Заговорщики были немедленно арестованы. Однако решение суда оказалось неожиданно мягким: подсудимые были приговорены к ссылке. Хаджи Ахмед, сосланный в Мосул, через несколько лет бежал в Париж. Очень быстро удалось бежать в Париж и Шефик-бей, который стал одним из активных деятелей младотурецкой эмиграции. Таким образом, султан не решился пойти на крайние меры. Он надеялся, что ему удастся ликвидировать движение другим способом. С этой целью он в 1897 г. направил в Европу для переговоров с лидерами младотурок маршала Ахмеда Джелаледдин-пашу, имевшего репутацию «главного шпиона» Абдул Хамида.

Перед этим султан сделал несколько попыток помешать изданию газет младотурок. В 1896 г. он обратился к французскому правительству с просьбой закрыть «Мешверет», а ее редактора выдворить из Франции. Риза был вынужден перенести издание газеты в Швейцарию. Но и там Абдул Хамид продолжал преследовать издателя «Мешверет». По его указанию был скуплен весь шрифт, которым набиралась газета. Ахмед Риза переехал в Бельгию, где стал выпускать литографированное издание. В июле 1897 г., после того как Ахмед Риза возобновил издание «Мешверет» в Париже, султан приказал турецкому посольству во Франции подать в суд на издателей «Мешверет» за оскорбление его личности. Суд ограничился

символическим штрафом, наложенным на издателей газеты²⁹

В 1897 г. официальной штаб-квартирой младотурок в Европе был женевский комитет общества «Единение и прогресс». Его руководителем стал после возвращения из Каира Мурад-бей. Здесь он возобновил издание «Мизан». Весной 1897 г. разногласия между парижской и женевской группами младотурок крайне обострились. В июле 1897 г. в одной из парижских газет было опубликовано интервью с Ахмедом Ризой, в котором тот сообщал о расколе в среде младотурок и намекал, что он был связан с защитой прав немусульман, живущих в Османской империи. На страницах «Мизан» появился ответ Ахмеду Ризе, в котором говорилось, что все младотурки, независимо от принадлежности к той или иной фракции, стоят за восстановление конституции 1876 г., дающей свободу всем вероисповеданиям³⁰

Момент для миссии Джелаледдин-паши был выбран весьма удачно. Приехав в Женеву, он встретился с Мурадом и после длительных переговоров убедил его, что султан готов осуществить серьезные реформы, но для этого нужно прекратить борьбу против него и возвратиться в Турцию. Мурад дал согласие вернуться. Ахмед Риза и члены парижской группы отвергли предложение Джелаледдин-паши; Ибрагим Темо и его группа в Румынии тоже не поддерживали идею соглашения с султаном. Тем не менее Мурад прекратил издание «Мизан» и вернулся в Стамбул³¹. Ряд сторонников Мурада согласились принять назначения на дипломатические посты.

Одновременно султан нанес удар по движению младотурок внутри страны. Были произведены аресты членов вновь начавших действовать ячеек младотурок в военном и военно-медицинском училищах, в школе гражданских чиновников. Арестовали также группу молодых офицеров. В июне 1897 г. военный трибунал приговорил к ссылке в Триполи около 80 человек. 13 человек из них вначале были приговорены к смертной казни, но она была заменена заключением в крепости Триполи.

Несмотря на серьезные потери, движение не было разгромлено. Халиль Ганем опубликовал в Париже открытое письмо, в котором заявлял от лица тех младотурок, которые не пошли на компромисс с султаном, что они не верят словам и обещаниям Абдул Хамида. «Мы принимаем близко к сердцу проблемы современного положения нашей страны, — говорилось в этом письме, — и хотим иметь гарантии на завтра. Еще раз повторяем, что обещания ничего не стоят, все зависит от принципов»³²

После тяжелых событий лета 1897 г. в младотурецком движении продолжали действовать

несколько зарубежных центров. Ахмед Риза издавал в Париже «Мешверет». Женевское отделение младотурок выпускало газету под названием «Османлы». Ее первый номер вышел в свет 1 декабря 1897 г.³³ Издание новой газеты сильно обеспокоило Абдул Хамида и Порту. Султан обратился через своего эмиссара Мунир-бея к издателям газеты с предложением прекратить ее выпуск в обмен на освобождение триполийских узников. В начале 1899 г. предложение было принято; султан, правда, выполнил свое обещание лишь частично, узники были выпущены из заключения, но остались в Триполи в качестве ссыльных.³⁴ Вскоре издание «Османлы» было возобновлено в Лондоне теми членами женевского отделения младотурок, которые решили продолжать политическую деятельность в эмиграции.

В 1896-1900 гг. действовали также группы младотурок в Египте (Каир), Румынии (Констанца, Меджидийе) и Болгарии (Русе, Шумен, Пловдив, София, Видин, Казанлык). В 1898 г. отделения общества возникли и в Албании (Шкодер, Тирана). В создании большинства этих групп принимал участие Ибрагим Темо, врачевавший в Меджидийе и поддерживавший постоянную связь с Парижем, Женевой и Каиром.

В 1898-1900 гг. деятельность эмигрантских центров младотурок была практически ограничена изданием газет и пропагандистских брошюр. Между различными группами младотурок не было организационной связи, что препятствовало развитию политической борьбы против феодально-абсолютистского режима. Первая попытка объединить деятельность различных эмигрантских кружков и групп была предпринята в 1899 г. каирским отделением младотурок. 15 сентября 1899 г. всем эмигрантским группам, а также ряду видных деятелей турецкой интеллигенции в самой Турции (в том числе поэту Тевфику Фикрету, писателям Реджаи-заде Экрему, Абдулхаку Хамиду, публицистам Тевфику Эбуззие и Хюсейну Джахиду)³⁵ было послано приглашение принять участие в «Конгрессе «новых османов»³⁶, который предполагалось провести в течение трех дней в Бриндизи. Открытие намечалось на 20 октября 1899 г. В приглашении говорилось, что конгресс изберет руководство объединенного общества, выработает и утвердит его устав. Конгресс, однако, не состоялся, так как не удалось достичь согласия между различными группами, приглашенными к участию в нем. Ахмед Риза и его сторонники выступили против созыва конгресса. Возможно, позиция Ахмеда Ризы объяснялась тем, что каирский комитет, предложивший созыв конгресса, выдвигал идею восстания против правительства, а в качестве его прелюдии - взрывы в правительственных зданиях и убийство самых ненавистных сановников.³⁷

Хотя конгресс так и не был созван, вопрос об объединении стал активно обсуждаться в изданиях младотурок. Весьма характерной в этом отношении была брошюра, вышедшая в 1900 г. в Женеве. Ее автор, Али Фахри, писал о необходимости вернуться к вопросу о созыве конгресса младотурок³⁸. Он указывал, что конгресс должен принять решение о будущем государственном устройстве страны и определить способы достижения конституционного правления; его участники должны признать решения конгресса обязательными для своей дальнейшей деятельности; конгресс должен избрать комитет, который будет уполномочен реализовать его решения³⁹. В брошюре настойчиво проводилась мысль о том, что нужно добиться объединения сил всех народов империи в борьбе с тиранией. Али Фахри призывал к объединению без различия религии и национальности, «оставив в стороне частные интересы, как правило фатальные для общего дела», к совместной борьбе «с целью достичь благоденствия подданных Османской империи». Он призывал армянские, македонские, албанские революционные группы и комитеты отказаться от борьбы за их собственные национальные права и объединиться с младотурками для общей борьбы с Абдул Хамидом и его режимом. «Нам необходимо прийти к согласию, — писал Али Фахри, — чтобы похоронить это проклятое правительство, запятнанное кровью народа, и достичь свободы и равенства всех граждан»⁴⁰.

Вопрос о проведении конгресса был в 1900–1901 гг. предметом острых дискуссий среди младотурок-эмигрантов. Одни настаивали на его немедленном созыве, по мнению других, его целесообразно созывать только тогда, когда появится уверенность, что он сможет обеспечить единство движения.

В тот период произошло событие, которое сыграло важную роль в дальнейшем развитии младотурецкого движения. В борьбу против Абдул Хамида включился его зять Дамад Махмуд-паша, занимавший ряд значительных государственных постов. Дамад Махмуд-паша был сторонником восстановления конституции 1876 г. В декабре 1899 г., после неоднократных безуспешных попыток склонить Абдул Хамида к осуществлению конституционных реформ, он вместе с двумя сыновьями — принцами Мехмедом Сабахеддином и Ахмедом Лютфуллахом — тайно бежал во Францию на борту французского парохода. Султан делал все возможное, чтобы вернуть беглецов, понимая, что открытое выступление против него одного из крупнейших сановников империи может серьезно усилить антиправительственные настроения. Эмиссары Абдул Хамида один за другим посещали Дамада Махмуд-пашу, уговаривая его примириться с султаном и вернуться в

Стамбул. Однако вместо этого Дамад Махмуд-паша направил 21 января 1900 г., через несколько недель после прибытия в Париж, послание Абдул Ханиду, в котором писал, что избранная султаном система правления не подобает халифу, что султан не печется о благе страны и народа⁴¹

Сын Дамада Махмуд-паши принц Мехмед Сабахеддин вскоре стал одним из активных деятелей младотурецкой эмиграции. Несмотря на молодость (родился в 1877 г.), он быстро завоевал популярность среди эмигрантов. Этому, конечно, способствовало происхождение принца, делавшее его участие в движении привлекательным для большинства младотурок, веривших в необходимость сохранения династии. Сабахеддин был весьма образованным человеком, он проявлял интерес к французской социологии.

Весной 1901 г. Сабахеддин и Лютфуллах опубликовали «Всеобщую декларацию». Они начали ее обращением ко «всем соотечественникам – османам», призвав все народы империи, борющиеся за свободу, объединить свои усилия. Они подчеркивали, что от разрозненных действий отдельных партий выигрывает лишь деспотический режим Абдул Ханида, Сабахеддин и Лютфуллах ратовали за созыв конгресса всех сил, выступающих против султанского гнета, и заявляли, что от этого конгресса зависит будущее единство⁴²

После издания «Всеобщей декларации» идея созыва конгресса вновь стала широко обсуждаться в эмигрантских центрах младотурок. На этот раз она была поддержана всеми ведущими деятелями младотурецкого движения. Принц Сабахеддин оказал материальную помощь тем, кто нуждался в средствах для поездки на конгресс. Лидеры движения установили контакты с армянскими, греческими и болгарскими эмигрантскими революционными комитетами. Ряд деятелей нетурецких эмигрантских групп согласились принять участие в конгрессе, созываемом младотурками, во имя объединения всех сил, борющихся с феодально-абсолютистским режимом в Османской империи.

Первый конгресс младотурок состоялся в Париже 4–9 февраля 1902 г. В нем участвовало 60–70 (по другим сведениям – 47) человек. Среди них были турки, армяне, греки, арабы, албанцы, черкесы, курды, евреи. В числе участников конгресса были такие видные деятели младотурецкой эмиграции, как Ахмед Риза, принц Сабахеддин, Исмаил Кемаль, Халиль Ганен, Али Хайдар Мидхат (сын Мидхат-паши), Ибрагим Темо. Председателем был избран Сабахеддин⁴³

Дискуссия на заседаниях конгресса была довольно острой. Делегатов объединяло только одно – все они были противниками абдулхамидовского режима. Но в вопросе о путях и методах его изменения существовали самые разнообразные точки зрения. Исмаил Кемаль

предложил привлечь к участию в революционном движении вооруженные силы. Делегаты-армяне заявили, что для осуществления реформ нужно прибегнуть к вмешательству иностранных держав, тогда как сторонники Ахмеда Ризы резко выступили против любого вмешательства иностранных держав в дела империи.

В результате дискуссии конгресс раскололся на две части — сторонников и противников иностранного вмешательства. Большинство конгресса пошло за сторонниками вмешательства, среди которых был и сам Сабахеддин.

Таким образом, первый конгресс младотурок не смог обеспечить единства в движении. Вскоре после его окончания были образованы два самостоятельных общества. Группа Ахмеда Ризы создала «Общество прогресса и единения», Сабахеддин организовал «Общество личной инициативы и децентрализации».

«Общество прогресса и единения» объединило всех тех, кто выступал за централизацию и против иностранного вмешательства. Оно было — идейно и организационно — непосредственным продолжателем практически переставшего существовать общества «Единение и прогресс». Почти все члены парижского центра нового общества были участниками ранее действовавшего парижского отделения старого общества.

После раскола группировка Ахмеда Ризы занялась более активной работой в пределах Османской империи. Органами «Общества прогресса и единения» стали «Мешверет» и новая газета — «Шура-и уммет», основанная в апреле 1902 г. Ахмедом Ризой и Санипашазаде Сезаи. Центр общества находился в Париже.

В первом номере «Шура-и уммет», вышедшем в свет 10 апреля 1902 г., новое общество так сформулировало свою программу: защита политической независимости и целостности Османской империи; восстановление конституции 1876 г.; пропаганда идей единства всех подданных империи и борьба за создание общего чувства патриотизма у всех народов, населяющих Османскую державу; сохранение на троне царствующей династии. Эта программа в целом повторяла основные положения, выдвинутые обществом «Единение и прогресс» в программных заявлениях 1895 и 1897 гг. Правда, теперь, как результат полемики с группой Сабахеддина, на первый план был выдвинут тезис о целостности империи.

«Общество личной инициативы и децентрализации» организационно оформилось в феврале 1902 г. Центром его также был Париж. Общество постепенно создало ряд отделений как в Османской империи (Измир, Эрзурум, Трабзон, Данаск), так и за ее пределами (Каир)⁴⁵. Вскоре после конгресса Сабахеддин и Исмаил Кемаль вознамерились осуществить государственный переворот в Стамбуле, но из этого ничего не вышло⁴⁶.

В 1902–1904 гг. появилось еще несколько центров младотурецкого движения. Один из них возник после первого конгресса в Каире под названием «Общество османского согласия». Его создали члены каирской ячейки общества «Единение и прогресс». «Общество османского согласия» выпустило обращение ко всем народам Османской империи, призывая их к единству в борьбе с деспотизмом. Второй центр возник в Женеве в марте 1904 г. под названием «Османское общество единения и революции». Газета «Османлы» стала печатным органом этого общества.

В сентябре 1904 г. группа юношей – учащихся одной из стамбульских средних школ (сидадийе) создала тайную организацию под названием «Революционное общество»⁴⁷. Общество насчитывало более 100 членов и строилось на основе строгой конспирации по принципу пятерок. Его целью было восстановление конституции 1876 г. Члены общества установили связь с учащимися военного и медицинского училищ, юридической школы. С помощью выпускников идадийе, принятых в школу гражданских чиновников, там также была создана ячейка общества. Постепенно общество начало пропагандистскую деятельность. В нескольких сотнях экзemplаров издавался его печатный орган «Революционный журнал», выпускались листовки. Общество установило контакт с эмигрантскими организациями младотурок; оно стало считать себя отделением «Общества личной инициативы и децентрализации».

Как видим, младотурецкое движение на рубеже столетий отличалось разобщенностью, которую не смог преодолеть ввиду идейных разногласий и первый конгресс. После конгресса политическая активность младотурецких организаций заметно снизилась. Их деятельность оживилась в результате подъема революционного движения в Османской империи под влиянием революционных событий 1905 г. в России.

Воления в армии и флоте, антиправительственные выступления в ряде городов Восточной Анатолии в 1906–1907 гг. вызвали активизацию деятельности младотурецких организаций как за рубежом, так и в самой Османской империи. Большинство деятелей младотурецкого движения рассматривало русскую революцию 1905 г. как вдохновляющий пример в борьбе с феодально-абсолютистским режимом. Так, газета младотурок «Тюрк», издававшаяся с 1903 г. в Каире, прямо заявляла: «Мы должны брать пример с великодушных идей русской революции». Другая газета младотурок, «Догру сёз», обращая внимание читателей на революционные события в России, призывала следовать этим примерам⁴⁸. Абдуллах Джевдет писал в изданной им в 1905 г. в Женеве брошюре, призывавшей к прекращению в Баку армяно-мусульманской резни, что за эту резню «ответственны царь, султан и их агенты».

Автор брошюры заявлял, как бы стремясь подчеркнуть, что именно «деспотические режимы являются причиной страданий народов: «Событие 9 января, когда улицы Петербурга были обогрены невинной кровью жителей, способно открыть самые застывшие глаза»⁴⁹ Ю. Х. Баур отмечает, что революционные события в России были «примером для османов». С февраля 1905 г. газета «Шура-и унмет» публиковала статьи и материалы, направленные против царя и в защиту восставших. Эти материалы неоднократно печатались под заголовком: «Читайте, берите пример!»⁵⁰

Несомненное влияние на развитие антиправительственного движения в городах Восточной Анатолии имели революционные события в Иране, которые привели в августе 1906 г. к провозглашению конституции. Конституционное движение в Иране и деятельность первого иранского парламента были для младотурок примером борьбы с феодально-абсолютистским режимом.

Основные организации младотурок в 1905-1906 гг. расширили свою пропагандистскую деятельность в Османской империи. Кроме газет «Мешверет», «Шураи-и унмет» и «Тераккы» (издавалась Сабахеддином) печатались прокламации, предназначенные для распространения в стране.

«Общество прогресса и единения» вело обширную переписку со своими единомышленниками в Турции. В этих письмах содержались призывы к созданию ячеек общества внутри страны. Общество специально выделило двух членов руководства - доктора Бахаеддина Шакир-бея и доктора Назым-бея - для наблюдения за перепиской общества и организации связей с его отделениями⁵¹.

В 1906-1907 гг. «Общество личной инициативы и децентрализации» также активизировало свою деятельность. Ряд членов его руководства были направлены в Анатолию для создания отделений общества.

В программных установках «Общества прогресса и единения» и «Общества личной инициативы и децентрализации» этого периода были коренные различия, касавшиеся важнейших сторон государственного устройства страны. Если Ахмед Риза и его единомышленники боролись за конституцию, имея в виду строго централизованное управление страной, то Сабахеддин и его группа, выступая под тем же лозунгом восстановления конституции 1876 г. предлагали план федерализации. Если для Ахмеда Ризы «османизм» означал просто равные права всех подданных централизованной империи, то для Сабахеддина он был средством создания федеративного объединения всех народов страны. В условиях Османской империи начала

XX в. идеи Сабахеддина не имели сколько-нибудь серьезных шансов на осуществление. Турецкие реформаторы, выступая против феодально-абсолютистской власти, стремились сохранить империю и власть султана над всеми ее народами. В то же время нетурецкие народы империи, боровшиеся за независимость, не устраивала перспектива полуавтономного существования в составе Османской державы вместо того права на самостоятельное государственное развитие, к которому они стремились.

Новый этап активной деятельности младотурок внутри страны начался в 1906 г. Он знаменателен прежде всего созданием нового тайного общества в Салониках. Здесь в июле 1906 г. состоялась первая встреча организаторов общества. Кязим Намы Дуру, один из ее участников, пишет в своих мемуарах, что некоторые из собравшихся были ранее членами общества «Единение и прогресс». На этой встрече было принято решение создать «Османское общество свободы». Общество поставило своей целью борьбу с деспотическим режимом и иностранным вмешательством. Оно начало вербовку сторонников, при этом особое внимание было уделено работе в армии. Общество строилось на началах строгой конспирации. Его члены были разбиты на тройки⁵²

В конце 1906 г. в Дамаске возник еще один центр младотурецкого движения. Он связан с именем будущего основателя Турецкой республики Мустафы Кемаля, который был направлен в Дамаск для прохождения службы. К тому времени там сложилась небольшая тайная группа, носившая название «Ватан» («Родина»). Мустафа Кемаль организовал группу офицеров, готовых к борьбе с деспотическим режимом. Они и создали вместе с членами группы «Ватан» новое тайное общество — «Общество родины и свободы», ставившее своей целью восстановление конституции 1876 г.⁵³ Общество учредило два отделения — в Иерусалиме и Яффе. Их организаторами были армейские офицеры и чиновники. Мустафа Кемаль, побывав полулегально в Салониках, установил связь с некоторыми офицерами расквартированного в Македонии 3-го армейского корпуса. Предполагалось и здесь создать отделение «Общества родины и свободы». Контакты с салоникискими младотурками поддерживались и позже. Накануне младотурецкой революции 1908 г. «Общество родины и свободы» присоединилось к «Обществу прогресса и единения».

В 1906 г. усилились антиправительственные настроения и среди учащих военных и специальных гражданских учебных заведений. Группа курсантов военного училища начала распространять издания младотурок в учебных заведениях столицы. В результате

были установлены связи с военно-медицинским, военно-морским и артиллерийским училищами, а также с сельскохозяйственной школой и лицеем Дарушшефака. Был создан «Союз военных и высших гражданских школ». Руководители групп регулярно встречались и распределяли получаемые ими нелегальные издания младотурок. Делались даже попытки достать средства для покупки оружия. Деятельность «Союза» была пресечена властями в конце 1906 г. Ряд его активных участников был арестован. Им предъявили обвинение в подготовке покушения на султана и министров. Арестованные пробыли в заключении до самой революции 1908 г.

Жизнь действительно требовала сплочения младотурецкого движения. К 1907 г. «Османское общество свободы» приобрело значительное число сторонников, преимущественно среди армейских офицеров. В Салониках тайно бывал эмиссар «Османского общества прогресса и единения» доктор Назым-бей. После его переговоров с руководителями салоникинской группы началось сближение двух обществ. Из Парижа в Салоники регулярно направлялись газеты, брошюры и листовки, предназначенные для распространения в Турции. Наконец, 27 сентября 1907 г. было заключено соглашение об объединении «Османского общества прогресса и единения» и «Османского общества свободы».

После объединения, сыгравшего роль в подъеме младотурецкого движения, оба центра — внешний и внутренний — активизировали свою деятельность. Салоникский комитет младотурок, в котором руководящую роль играли Бурсалы Мехмед Тахир-бей и Талаат-бей, усиленно продолжал вербовку новых членов и расширял пропаганду в армейских частях, расквартированных в Европейской Турции. Парижский комитет в это время был занят подготовкой к проведению объединительного конгресса всех партий и групп, боровшихся против абдулхамидовского режима.

В этот период наметилось сближение младотурок с революционными партиями и организациями нетурецких народов Османской империи, в частности с армянской буржуазно-национальной партией «Дашнакцутюн». Лидеры армянского национально-освободительного движения, видя, что надежды на решение армянского вопроса путем вмешательства держав и подписания международных соглашений не оправдались, изменили тактику, сделав ставку на изменение существовавшего в Османской империи режима, что заставляло их искать союза с младотурками. К этому же подталкивали их неудачи в самостоятельной борьбе армянских революционных комитетов против деспотического режима. К 1907 г. руководители дашнаков пришли к выводу о

целесообразности совместных с турецкими буржуазно-революционными группами действий против султана и его клики, за провозглашение конституции и созыв парламента, депутаты которого представляли бы все народы империи

После восстания в Македонии в 1902-1903 гг. и македонское освободительное движение стало искать пути сближения с турецкими борцами против абсолютизма. В программе возглавлявшей македонское движение «Внутренней македонской революционной организации» накануне 1908 г. появились пункты, отражавшие тенденцию к общей борьбе всех народов империи против деспотического режима. В этой программе содержались требования о провозглашении конституции, широких избирательных правах населения, свободе слова, печати, собраний, отмене национальных привилегий и т. д.

Общий подъем революционного движения в Османской империи в 1905-1907 гг. - брожение в армии и флоте, антиправительственные манифестации в городах Восточной Анатолии, а также наметившиеся возможности объединения младотурецких организаций с нетурецкими буржуазно-национальными партиями и группами - благоприятствовал созыву объединительного конгресса политических сил, выступавших против режима Абдул Хамида. Инициатива в этом деле принадлежала арийанской буржуазно-национальной организации. Комитет партии «Дашнакцутюн» обратился к лидерам основных групп младотурок - принцу Сабахеддину и Ахмеду Ризе с предложением созвать конгресс для выработки единого плана действий.

Конгресс состоялся в Париже 27-29 декабря 1907 г. Были избраны три председателя для поочередного руководства заседаниями - принц Сабахеддин, Ахмед Риза и председатель партии «Дашнакцутюн» Малумян. На первом заседании был оглашен доклад оргкомитета, готовившего конгресс. В докладе отмечалось, что достигнуто предварительное соглашение по трем пунктам: свержение существующего режима, созыв парламента, поиски способов достижения этих целей. Члены оргкомитета провозгласили необходимость установления представительного режима, который гарантирует гражданские права, свободу и равенство для всех. Чтобы избежать возможных разногласий, члены оргкомитета ограничились, не входя в детали, использованием термина «представительный режим», заявив при этом, что они уважают принцип неделимости и независимости империи.

Характерной чертой процесса консолидации оппозиционных сил, нашедшей отражение в докладе оргкомитета, было стремление заключить политическое

заявление с целью свержения режима без попыток выработать согласованное мнение по вопросу о будущем государственном устройстве страны. В докладе не были даже сформулированы общие принципы будущих законоположений.

В течение двух дней шла дискуссия по докладу оргкомитета. Хотя было сделано все возможное, чтобы на заседаниях не возникли конфликты, разногласия все же дали о себе знать. Ахмед Риза, потребовал, чтобы конгресс «признал права султана и халифа». Делегаты-армяне выразили по этому поводу протест, заявив, в частности, что они прибыли на конгресс отнюдь не для того, чтобы защищать эти права⁶⁷. Компромисс был практически достигнут тем, что вопрос о султанате и халифате просто не был затронут в окончательной редакции принятой конгрессом «Декларации». Стремление к согласованным действиям в борьбе с феодально-султанским абсолютистским режимом оказалось в этот момент сильнее проявившихся разногласий⁶⁸.

«Декларация» звучала как обвинительный акт, предъявленный Абдул Хамиду. В ней говорилось, что политика султана привела к постепенному уничтожению «всех живых сил Турции». Султан обвинялся в том, что он буквально парализовал «всю интеллектуальную, экономическую и социальную жизнь» страны, затормозил развитие образования и культуры, поставил школы и прессу под контроль беспрецедентной цензуры, окружил страну «стеной незнания и лжи». Авторы «Декларации» писали, что в стране царят разруха, нищета и голод, а непомерные и несправедливые налоги обогащают самого султана и его клику. «Налоговое обложение, отсутствие спокойствия и безопасности в деревнях, конфискация зерна, ростовщичество, отсутствие средств связи — все это разрушило земледелие, — говорилось в «Декларации». — Районы с наиболее благоприятными природными условиями, бывшие некогда нировой житницей, ныне пустыни. Богатства недр и лесов остаются неиспользованными, и концессии, предоставленные международным банкирам, которые хищно набрасываются на империю, не способствуют всеобщему благосостоянию⁶⁹, а служат личной выгоде нескольких алчных лиц». Резкой критике подвергалась также внешняя политика Абдул Хамида и его правительства. В «Декларации» говорилось, что дипломатия Абдул Хамида полностью дискредитировала Османскую империю, что невыполнением многократно торжественно обещанных реформ султан подорвал доверие европейских государств.

В «Декларации» содержался призыв к общей борьбе всех народов империи против существующего режима, за

отречение султана, радикальное изменение существующего режима и установление представительного режима (созыв парламента). В ней отмечалось, что поскольку на все попытки повлиять на султана последний отвечал применением силы, участники конгресса единодушно решили, что оппозиционные группы должны отныне использовать не только мирные, но и революционные методы борьбы против абдулхамидовского режима: вооруженное сопротивление властям, невооруженное сопротивление путен политических и экономических забастовок, отказ от уплаты налогов, пропаганду в армии, всеобщее восстание⁶⁰.

Вопросы будущего государственного устройства Османской империи в «Декларации» были сознательно обойдены. Ее авторы сочли возможным ограничиться словами о том, что «будет создан представительный режим, благодаря которому все народы империи будут иметь равные права и обязанности, смогут выражать свои нужды и пожелания. Этот режим обеспечит всем справедливость и свободу в условиях мирного согласия»⁶¹. Эти общие фразы отражали тот факт, что разногласия по принципиальным вопросам будущего государственного и политического устройства были не устранены, а временно сняты с обсуждения. События, последовавшие за революционным взрывом в июле 1908 г., с очевидностью продемонстрировали, на какой зыбкой почве было построено это временное согласие.

«Декларацию» подписали представители двух основных группировок младотурок, партии «Дашнакцутюн» и нескольких других армянских эмигрантских групп, а также «Египетского еврейского комитета» и «Комитета османского согласия» (Египет).

Как показывает «Декларация», длительный процесс превращения младотурецкого движения из реформистского в революционное завершился.

Парижский конгресс 1907 г. сыграл огромную роль в консолидации политических сил сопротивления абдулхамидовскому режиму. После конгресса значительно более активно начали действовать организации младотурок внутри страны. Салоникский комитет общества «Единение и прогресс», с которым парижское отделение этого общества постоянно поддерживало контакт в период подготовки конгресса и после принятия его решений⁶², стал основным центром подготовки восстания против правительства; при этом главный упор делался на пропаганде в армейских частях, расквартированных в Македонии. Ю. Х. Баяр отмечает, что решение опереться на армию было в значительной степени результатом влияния вооруженного восстания в России⁶³.

РЕФОРМАТОРЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ

Даже при самом беглом взгляде на историю Османской империи конца XIX в. нельзя не заметить, что все более или менее значительные шаги султана и Высокой Порты, направленные на преобразование государственных, социальных и военных институтов, были прямо или косвенно связаны с освободительной борьбой нетурецких народов империи.

После русско-турецких войн конца XVIII в., сделавших очевидным глубокий кризис — социальный и военно-политический — Османской державы, нетурецкие народы империи перешли от разрозненных проявлений недовольства гнетом султанских властей к организованной борьбе за освобождение из-под власти султана и Порты. В первом десятилетии XIX в. начались реформы султана Селима III, открывшие эпоху преобразований в Османской империи. В 1821 г. вспыхнуло греческое восстание, в 1822 г. в Эпидавре была провозглашена независимость Греции. За этими событиями последовали не только попытки подавить освободительную борьбу греков, закончившиеся неудачей, но и новые шаги на поприще реформ. В 1826 г. был ликвидирован оплот феодально-клерикальной реакции — янычарский корпус. Танзиматский реформам 40–60-х годов предшествовал турецко-египетский конфликт, угрожавший османскому владычеству на арабских землях. Что же касается первой турецкой конституции 1876 г., то ее появление было прямым следствием обострения социально-политического кризиса Османской империи в результате мощных освободительных восстаний нетурецких народов на Балканах.

Мы отнюдь не утверждаем, что освободительная борьба нетурецких народов была единственным стимулом к проведению реформ. К преобразованиям правящие круги Османской империи побуждались, разумеется, и ее экономическим отставанием от развитых европейских держав, глубоким кризисом военно-феодалного строя, полным упадком военной мощи султанской державы. Однако освободительная борьба нетурецких народов империи занимала особое место. Как феодально-клерикальная реакция, так и турецкие реформаторы всех мастей больше всего боялись распада империи. И на всех этапах борьбы между консерваторами и реформаторами вокруг проектов реформ или первой турецкой конституции их объединяло поразительное единодушие в отрицании права нетурецких народов на борьбу за национальное освобождение, за свою государственность. Наиболее ярко эта тенденция проявилась в 1876 г., в период борьбы за конституцию¹

Вряд ли целесообразно пытаться точно определить, что больше стимулировало реформы и реформаторов — экономические неурядицы, внешняя угроза или освободительные движения. На разных этапах периода борьбы за реформы эти факторы не раз менялись местами. Но не будет преувеличением сказать, что реформаторов неизменно побуждали к действию национальные проблемы империи, оказавшиеся в центре международной политики. Освободительная борьба нетурецких народов была одним из самых устойчивых стимулов для проведения реформ, особенно в мирное время, когда угроза отторжения территорий в результате военного столкновения с другой державой представляла далекую опасность. Между тем борьба нетурецких народов за свое освобождение не только несла в себе такую угрозу постоянно, но и все чаще становилась поводом для конфронтации Османской империи с европейскими державами, особенно с Россией²

Все турецкие реформаторы, от султана Селина III до первых турецких конституционалистов, хотели непременно сохранить власть османских султанов над покоренными в прошлом силой оружия народами. Однако подходы к решению этой проблемы были разные. Султан и большинство сановников выдвигали на первый план репрессивные меры, которые могли быть обеспечены с помощью реформирования армии и центральных органов власти. Новая османская бюрократия предпочитала уже комбинирование средств устрашения и подавления с проведением таких реформ в сфере управления и судопроизводства, которые бы свидетельствовали о равном отношении султана и Порты к подданным независимо от вероисповедания. Наконец, конституционалисты, ядро которых составила молодая турецкая интеллигенция, выдвинули доктрину османизма — концепцию единства всех подданных султана в качестве «османов» — «детей общей родины».

Заслуживает внимания деятельность реформаторов в области управления и судопроизводства, имевшая целью установление формального равенства всех подданных султана. Уже на рубеже 20-30-х годов XIX в. султан Махмуд II, напуганный мощными антитурецкими восстаниями сербов (1815 г.), греков (1821-1827 гг.) и валахов (1821 г.), издал указ, который предписывал провинциальным властям не чинить произвола по отношению к подданным-христианам, охранять их безопасность и личную собственность. Затем Махмуд II отменил существовавшие веками обязательные различия в одежде подданных — мусульман, христиан и евреев. Наконец, в 1837 г. султан решил высказаться по поводу равенства всех своих подданных. Произошло это во время его поездки по Румелии. Прибыв в Шумен, султан

обратился с речью к местным именитым лицам, в которой заявил, что для него все подданные равны, вне зависимости от их вероисповедания.

Любопытную деталь подметил прусский офицер Хельмут Мольтке (впоследствии знаменитый военачальник), бывший в то время военным инструктором в турецкой армии и наблюдавший церемонию встречи Махмуда II в Шумене. Местные жители, выстроившиеся по обе стороны дороги, по которой следовал султанский кортеж, расположились раздельно: мусульмане — справа, немусульмане — слева; при этом первые встречали султана стоя, а вторые — распростершись на земле; они позволяли себе встать только после проезда султана³. Эта деталь была лучшим комментарием к словам Махмуда II о равенстве его подданных. Но все же и слова что-то значили в той ситуации, ибо они были косвенным признанием фактического неравенства и необходимости создать хотя бы видимость равенства формального.

Жизнь остро требовала от султана и Порты практических шагов, направленных на обеспечение гарантии жизни и имущества всех подданных империи, их равенства перед законом. Этой цели были подчинены многие мероприятия, проведенные в период танзимата. Гюльханейский хатт-и хунаюн 1839 г., положивший начало этим реформам, содержал обещание султана обеспечить «всем нашим подданным совершенную безопасность их жизни, чести и имущества»⁴. На этот раз дело, казалось, не ограничилось словами. Впервые при вали (генерал-губернаторах) были созданы совещательные органы — меджлисы, состоявшие из представителей местного населения, мусульманского и немусульманского. Но на практике роль представителей немусульманского населения ограничивалась послушной поддержкой решений, принимаемых мусульманским большинством. Английский дипломат Баркер говорил, что немусульмане всегда составляли в провинциальных меджлисах незначительное меньшинство, а австрийские консулы в Османской империи писали, что представители немусульман в меджлисах лишены какой-либо самостоятельности, их присутствие там сведено к пустой формальности⁵.

Пожалуй, единственной реальностью, хоть как-то отразившейся на положении немусульман, было в тот период изменение характера налога джизье — подушной подати, особенно унижительной для немусульман. В 1850 г. был обнародован указ о том, что впредь его будут взимать не государственные сборщики, а старшины местных немусульманских общин. При этом джизье стал рассматриваться не как плата за покровительство султана, а как компенсация за освобождение немусульман от службы в армии. Однако изменение формы и способа сбора налога не меняло того факта, что

ненусульмане по-прежнему его платили. Что же касается компенсации за неучастие в военной службе, то независимо от того, хотели или не хотели ненусульмане воевать за империю, отнюдь не ставшую для них «лоном родины», сам факт недопущения их в султанскую армию определялся не их желанием или нежеланием, а недоверием к ним султана и Порты, боязнью доверить им оружие. Следовательно, это было открытое проявление неравноправного положения ненусульман в государстве, провозгласившем равенство всех своих подданных. И хотя в том же году в Порте был рассмотрен и даже одобрен проект закона о допуске ненусульман в армию, он не был реализован. В 1855 г. все же был издан султанский указ о допуске ненусульман в армию, но и он остался на бумаге. Он был выполнен только в части, отменявшей джизье, и вместо него вводился новый налог, который ненусульмане должны были платить за освобождение от воинской повинности.

Нельзя не отметить, что эти реформаторские акты появились на рубеже 40-50-х годов, когда по инициативе России в центр европейской политики был поставлен вопрос о положении христиан в Османской империи. Не случайно именно в 1854 г. был издан и указ султана о создании во всех провинциях империи смешанных уголовных судов, которые должны были разбирать конфликты между мусульманами и ненусульманами. В этих судах, в отличие от шариатских, свидетельские показания ненусульман должны были приниматься наравне с показаниями мусульман. Предусматривалось участие в новых судебных органах представителей ненусульманского населения. Что же произошло на деле? «Практическое применение указа, — отмечает А. Д. Новичев, — натолкнулось на сопротивление турецких провинциальных чиновников и мусульманского населения. Состав судов определяли вали, и они старались, чтобы большинство членов суда состояло из мусульман. Из христиан же они подбирали в его состав таких людей, которые рабски следовали их указаниям»⁶

Хатт-и хумаюн 1856 г., открывший новый этап реформ, содержал следующие слова: «Обеспечения, обещанные с нашей стороны хатт-и хумаюном Гюльханейским и законами танзината всем подданным империи без различия классов и вероисповеданий, в ограждение их личности и имущества и охранение их чести, ныне подтверждаются и упрочиваются; и будут приняты действительные меры к тому, чтобы они возымели полную и совершенную силу». Нерешенность проблемы равенства ненусульман перед законом в предстоящий период реформ подчеркивает то обстоятельство, что половину статей хатт-и хумаюна 1856 г. заняли заявления о гарантии свободы вероисповедания, прав ненусульманских общин, о

допуске неусульман ко всем гражданским должностям, во все правительственные школы, в том числе военные, и т. п.

Что же на практике принес неусульманским подданным султана этот этап деятельности турецких реформаторов? Произошло расширение светской системы судопроизводства. В законе о вилайетах 1864 г. и ряде последующих постановлений, касавшихся деятельности светских судов — низанийе, принцип представительства неусульман в составе судов был декларирован вновь. Но состав «выборных» членов суда определяли специальные комиссии, большинство в которых составляли не просто мусульмане, а должностные лица из провинциальных органов власти. Окончательное слово о составе суда принадлежало начальникам округов и губернаторам провинций. В результате как состав судов, так и их деятельность целиком находились под контролем бюрократии. Это обстоятельство отмечали многие современники. Так, англичанин Ф. Миллиген, принявший ислам и служивший в турецкой армии, писал, что одного слова начальника какого-нибудь правительственного департамента бывало вполне достаточно, чтобы суд принял удобное ему решение⁹. И еще одно обстоятельство следует принять во внимание. Хотя число мусульман и неусульман в составе судов должно было быть равным, на огромных территориях, где проживало в основном неусульманское население, в частности на Балканах, этот принцип, даже если бы он последовательно соблюдался, вновь ставил неусульман в неравноправное положение: мусульмане, составлявшие здесь не более чем десятую часть населения, имели при такой системе явное преимущество, ибо получали непропорционально большое представительство в судебных органах.

Закон о вилайетах 1864 г. предусматривал также формирование при губернаторах и начальниках округов консультативных органов — меджлисов. Но поскольку в их состав по должности включались главы основных провинциальных ведомств, которыми могли быть лишь мусульмане, а выборных членов должно было быть четверо (из них двое неусульман), то ясно, что большинство в новых советах составляли неусульмане. Кроме того, советы эти вообще не играли реальной роли в системе управления. Один французский историк писал об этих совещательных органах, что их авторитет «не более чем иллюзия», ибо они подавляются всемогуществом губернаторов, «власть которых на практике — всё, тогда как власть меджлисов — ничто»¹⁰. Об этом же сообщал в 1865 г. российский консул в Видине

В конце 50-х — начале 60-х годов Порты стала проявлять готовность к допуску неусульман и в высшие

шелоны власти. В 1856 г. впервые в состав Высшего юридического совета были назначены немусульмане. Но и здесь отбор оказался целенаправленным: в состав Совета вошли лица, имевшие давние тесные связи с высшей бюрократией, — крупные ростовщики и откупщики; при этом они составляли в Совете незначительное меньшинство. Другим демонстративным жестом Порты был ввод в состав султанского кабинета министров в 1868 г. армянина Григора Агатона, которому был поручен пост министра общественных работ. Наконец, при создании в 1868 г. нового высшего органа власти — Государственного совета в его состав было введено 13 немусульман (из 41 члена Совета). По словам современного турецкого историка, члены Государственного совета — немусульмане были отобраны самим великим везиром из числа банкиров и подрядчиков, тесно связанных с Портой¹¹.

Факты свидетельствуют о том, что реформаторы и не намеревались обеспечить подлинное равноправие. Вдохновитель танзимата Мустафа Решид-паша и его единомышленники понимали проблему равенства «ограниченно, как равное право немусульман на гарантию безопасности жизни, чести и имущества, но не на равное право в управлении государством»¹², их главной целью было «приостановить распад Османской империи»¹³.

Когда стало ясно, что полумерами волну освободительных движений нетурецких народов сбить не удастся, руководители Порты попытались обновить арсенал политических средств борьбы с этими движениями. В 60-х годах XIX в. в их числе оказались упомянутые выше «национальные конституции» — новые регламенты деятельности немусульманских религиозных общин — миллетов¹⁴. Реформа статуса миллетов проводилась Портой под флагом дальнейшего развития принципа внутреннего самоуправления общин. «Национальные собрания» миллетов, главной задачей которых было обеспечивать выполнение членами общины обязанностей налогоплательщиков, Порта использовала для обострения борьбы за влияние в общинах между различными группами духовенства и национальной буржуазии. После введения в действие новых регламентов, разделивших духовные и светские дела немусульманских общин, гражданские дела общин оказались под контролем Порты, а закон о вилайетах 1864 г. практически поставил советы общин под контроль провинциальной администрации.

Уже в середине XIX в. в правящих кругах Османской империи были люди, осознавшие необходимость поисков новых путей сохранения турецкого господства над покоренными в прошлом силой оружия народами. В русле этих поисков на рубеже 50-60-х годов в арсенале идейно-политических средств руководителей Порты

появилась идея «слияния» всех народов Османской империи. Решид-паша ввел термин «тебаа» («подданные») как понятие, объединяющее все народы империи. Али-паша и Фуад-паша в докладных записках султану и своих политических завещаниях призывали обеспечить единство всех подданных султана в качестве важнейшего условия сохранения империи. Али-паша призывал султана создать такую ситуацию, при которой все жители империи «ощущали бы себя не покоренными мусульманским государством, а слугами и подданными превосходного монарха, который всех одинаково защищает»¹⁵. При этом авторы идеи «слияния» намеревались безусловно сохранить господствующее положение турок в будущем сообществе «равноправных подданных султана»¹⁶. В политическом завещании Фуад-паши есть такое откровение: «Какая-нибудь Черногория, какое-нибудь Сербское княжество или Армянское царство не принесут никакой пользы ни самим себе, ни миру. Они могут быть только государствами более или менее химерическими, представляя собой несчастные остатки старых разделов человечества, неизбежную добычу всякого нового завоевателя, — политические тела, вредные для прогресса, опасные для спокойствия мира»¹⁷. Трудно поверить в искренность призывов к равенству, исходивших от человека, который высказывался столь откровенно в духе великодержавного шовинизма.

Идея «слияния» стала широко пропагандироваться лишь на рубеже 60-70-х годов первыми турецкими конституционалистами — «новыми османами».

Отметим одно, на наш взгляд весьма примечательное, обстоятельство. Само создание тайного «Общества новых османов», а затем и новоосманская эмиграция происходили в обстановке усиления освободительных движений нетурецких народов. В 1861 г. Молдова и Валахия добились провозглашения единого румынского государства, лишь формально находившегося в вассальной зависимости от султана. В 1861-1862 гг. снова взялись за оружие боснийские и герцеговинские крестьяне; их поддержала Черногория. Подавление этих выступлений далось Порте с большим трудом. В 1862 г. борьбу за ликвидацию вассальной зависимости от османских султанов начали сербские патриоты. Весной 1867 г. Порте пришлось передать им ряд сербских крепостей, в том числе Белград. В 1862 г. против турецкого владычества восстали армяне-горцы Зейтуна. В 1866—1868 гг. полыхало пламя восстания греков на острове Крит, которое Порта смогла подавить с величайшим трудом. В Болгарии готовилось всенародное восстание против османского ига.

В этих условиях и зародилось движение турецких конституционалистов, которые одной из важнейших своих задач считали защиту целостности Османской империи. Не случайно в первых же политических выступлениях

лидеры «новых османов» выразили крайне негативное отношение к освободительной борьбе нетурецких народов. Намык Кемаль на страницах газеты «Тасвир-и эфкар» в 1866 – начале 1867 г. обвинял Порту в недостаточной твердости по отношению к критским повстанцам, открыто призывал навести «порядок» на острове, не останавливаясь перед уничтожением всех христиан Крита¹⁸. Намык Кемаль и Али Суави на страницах газет «Тасвир-и эфкар» и «Мухбир» резко протестовали против уступок, сделанных Портой Сербии. Особенно возмущал их вывод турецких гарнизонов из Белграда и ряда других крепостей, переданных сербам¹⁹. Али Суави в одной из своих брошюр, опубликованной на французском языке в Париже, призывал Порту не только решительно подавлять восстания в Герцеговине, но и проявлять должную твердость в установлении «порядка» после укрощения восставших, опираясь на «военные советы», которые помогут обеспечить строгое применение законов²⁰.

Вместе с тем лидеры первых турецких конституционалистов не могли не видеть, что меры устрашения и сила оружия не в состоянии сломить стойкость борцов за национальное освобождение и независимость. Поэтому они взяли на вооружение доктрину османизма, в основе которой лежала пресловутая идея «слияния» всех народов империи.

Если Али-паша и Фуад-паша говорили о «слиянии» различных народов, то идеологи конституционалистов 60–70-х годов предложили еще более простую формулу: все жители Османской империи, все подданные султана – «османы», «дети одной отчизны», объединенные общим чувством «османского патриотизма». Идеологи османизма, игнорируя известные факты жесткой ассимиляторской деятельности турецких завоевателей, утверждали, что все нетурецкие народы империи были покорены не столько силой оружия, сколько терпимостью османских султанов, которые не проводили политику принуждения по отношению к покорившимся им народам. Идеи такого рода высказывались на страницах газет «новых османов», в их публицистике. Весьма примечательно, что именно Мидхат-паша, один из главных пропагандистов идеи османизма, показал в годы своего пребывания на посту генерал-губернатора Дунайского вилайета, что на практике эта идея оборачивается жесточайшим подавлением национально-освободительных движений, в данном случае освободительной борьбы болгарского народа²¹.

В теории же у лидеров конституционалистов 60–70-х годов все выглядело идиллически. В десятках газетных статей они рисовали радужные картины будущего «братства» народов Османской империи в случае превращения ее в конституционную монархию. Мидхат-паша утверждал, что с установлением

институционального правления наступит эра согласия и единения всех народов страны, начнется эпоха²² их процветания и развития, возникнет их прочный союз²². А пока этого не произошло, нужно противопоставить освободительным движениям нетурецких народов чувство «единой родины» и «общий патриотизм»²³.

Идеологи османизма, казалось, были готовы реализовать лозунги единства и равенства на деле, ибо они декларировали создание палаты депутатов из представителей всех народов империи. Однако тот же Найык Кемаль писал в одном неопубликованном письме: «Мы говорим... что если христиане потребуют у нас власть, то, естественно, они не будут иметь права жаловаться на то, что мы не включили их в правительство»²⁴. И все же в 1876-1878 гг., после торжественного провозглашения первой конституции Османской империи, была предпринята еще одна такая попытка. Силы, которые боролись за конституцию, видели в ней важнейшее условие экономического и культурного прогресса страны. Но не в меньшей степени она была для них средством, позволяющим сохранить целостность империи, своего рода плотинной на пути освободительных движений нетурецких народов, борьба которых, резко усилившаяся в 1875-1876 гг. была в числе важнейших факторов, позволивших добиться провозглашения конституции. Султан Абдул Хамид II и клерикальная реакция пошли на эту уступку только под угрозой вмешательства европейских держав в события на Балканах, где бушевало пламя национально-освободительной борьбы нетурецких народов империи. Отнюдь не случайно сразу же после провозглашения конституции великий везир Мидхат-паша посетил армянского и греческого патриархов в их резиденциях и провел с ними беседы о необходимости сплочения всех народов Османской империи. Такое событие произошло впервые в османской истории. Великий везир настаивал на том, чтобы духовные пастыри христианских общин удержали, опираясь на конституционные гарантии равных прав и свобод для всех подданных султана, свою паству от антитурецких выступлений.

Между тем конституция 1876 г. трактовала проблему равенства всех народов Османской империи в явно «османистском» духе. Достаточно процитировать несколько ее положений. «Османская империя составляет одно нераздельное целое, от которого никогда не может быть отделена никакая часть по какому бы то ни было поводу» (ст. 1). «Все подданные империи безразлично называются османами, какова бы ни была исповедуемая ими религия» (ст. 8). «Каждый член палаты депутатов служит представителем всех османов, а не исключительно того округа, который его выбрал» (ст. 71). Свобода вероисповедания допускалась, но при

условии, что она не наносит «никакого ущерба общественному порядку и добрым нравам» (ст. 11)²⁶. Последнее условие означало, что немусульмане могли получить свободу вероисповедания лишь в случае полного подчинения султанам, их законам и администрации. Теперь это давнее положение было облечено в форму конституционной гарантии, которая скорее выглядела как угроза освободительным движениям нетурецких народов. Если же добавить, что конституция 1876 г. объявляла ислам государственной религией (ст. 11), а турецкий язык — государственным языком, знание которого было обязательно для занятия государственных должностей (ст. 18) и избрания в палату депутатов (ст. 68)²⁶, то станет очевидным, что конституция 1876 г. далеко не гарантировала равенство прав всех подданных империи. И весьма наивно было полагать, что с помощью подобного документа можно остановить национально-освободительную борьбу угнетенных народов Османской державы, сформировать из них единую «османскую нацию». Последующие события подтвердили несостоятельность подобных попыток.

К. Маркс писал в 1854 г. о намерении европейских держав добиться от Порты равноправия мусульман и немусульман: «Однако это либо ровно ничего не означает, либо означает предоставление политических и гражданских прав как мусульманам, так и христианам, безотносительно к тому, кто к какой религии принадлежит, и вообще независимо от всякой религии. Другими словами, это означает полное отделение государства от церкви, религии от политики. Но турецкое государство, как все восточные государства, имеет своей основой теснейшее переплетение и чуть ли не отождествление государства и церкви, политики и религии. Коран является для Турецкой империи и ее правителей одновременно источником веры и закона. Но возможно ли уравнивать в правах перед кораном правоверного и гяура, мусульманина и райю? Это непременно означало бы на деле — заменить коран новым гражданским кодексом, другими словами, означало бы — разрушить структуру турецкого общества и создать на его развалинах новый порядок вещей»²⁷. Ни деятели эпохи танзимата, ни конституционалисты 60–70-х годов подобного результата не достигли, к нему и не стремились. Половинчатыми реформами, во многом оставшимися на бумаге, громкими фразами о единстве и «слиянии» они прежде всего стремились остановить освободительные движения нетурецких народов. Их идеи в конце XIX — начале XX в. широко использовали младотурки, стремившиеся в своей борьбе с мрачной деспотией Абдул Хамида II заключить политический союз с буржуазно-национальными партиями и организациями нетурецких народов. Этот кратковременный союз

оказался в числе 'важнейших факторов, обеспечивших победу младотурецкой буржуазной революции 1908 г.

Таким образом, деятельность турецких реформаторов в XIX в. была направлена против национально-освободительных движений нетурецких народов Османской империи. Их реформы не принесли этим народам столь горячо пропагандировавшегося равноправия. А их идеологическая доктрина — османизм — была порождена желанием новой турецкой бюрократии спасти империю от развала. Использование этой доктрины младотурками вызывалось стремлением молодой турецкой национальной буржуазии сохранить целостность Османской империи в новых социальных и политических условиях, обеспечить себе господство на всей ее обширной территории. Жизнь показала, что планы эти были полностью лишены исторической перспективы.

Часть II

ИДЕОЛОГИЯ И ИДЕОЛОГИ ДВИЖЕНИЯ ЗА РЕФОРМЫ

Глава VII

ИДЕИ "ЕВРОПЕИЗАЦИИ" И РЕФОРМАТОРЫ

В последней четверти XVIII в. социально-экономический кризис Османской империи стал особенно ошутим на фоне экономического и культурного прогресса Западной Европы. Осознанию необходимости реформ способствовало знакомство турецких государственных деятелей с экономической, политической и культурной жизнью государств Западной Европы, в особенности Франции. Примечательны в этом отношении итоги первого турецкого посольства во Францию, которое известный современный турецкий историк Э.З.Карал не без оснований называет «первым окном, открывшимся на Запад»¹ «Сефаретнаме», составленное главой посольства Йермисекизом Челеби Мехмед-эфенди, свидетельствует, что у его автора возникла идея о возможности использования европейского опыта, в частности в военном деле. Ознакомление с постановкой военного дела, посещение ряда научных учреждений и промышленных заведений (мануфактур) Франции произвело на главу турецкого посольства весьма сильное впечатление². Можно определенно говорить, что это посольство способствовало выработке у наиболее дальновидных деятелей из феодально-бюрократической элиты Османской империи критического взгляда на положение своей страны. Начался сложный и мучительный процесс преодоления барьера предубежденности против всего европейского; возникли первые сомнения в безусловном превосходстве мусульманского Востока над христианской Европой. Поездка официальных турецких представителей во Францию подготовила, во всяком случае, начало книгопечатания на турецком языке.

Примечательно, что в одном из трудов турецкого первопечатника Ибрагима Мутеферрика (в упоминавшемся выше трактате «Оснoвы мудрости в устройстве народов») обосновывалась необходимость использования

европейского опыта для проведения реформ в Османской империи. Анализируя причины отставания своей страны от европейских государств, Ибрагим Мутеферрика сделал, безусловно, важный шаг в расширении понятия «европеизация» применительно к нуждам Османской империи. Он говорил уже не только об использовании европейского военного опыта, но и о необходимости изучения государственных и культурных институтов европейских стран.

В неалой степени в результате знакомства с опытом наиболее развитых европейских государств, их достижениями в различных областях экономики в среде турецких государственных деятелей начало формироваться убеждение в том, что у Османской империи есть лишь два выхода: «либо стать современным государством, либо погибнуть»⁴. Для тех, кто приходил к подобному выводу, вполне естественным было стремление к проведению реформы на европейский лад. Турецкий историк Т.З.Туная замечает, что для проведения политики «европеизации» в жизнь «необходимо было прежде всего признать превосходство Запада»⁵. А для этого было необходимо сломать традиционные представления о превосходстве Востока над Западом, о преимуществах мусульманских социальных, правовых и культурных институтов. Лишь преодолев этот барьер в своем сознании, наиболее проникательные турецкие государственные деятели смогли прийти к выводу, что «европеизация» представляет собой путь к прогрессу Османской империи. Так началось проникновение идей «европеизации» в общественно-политическую жизнь этой страны.

В конце XVIII - первой половине XIX в. носителями этих идей были только отдельные представители правящей верхушки Османской империи, причем «европеизацию» они трактовали только как комплекс реформ, касавшихся военного дела и частично деятельности некоторых государственных ведомств. Один из первых проектов такого рода реформ содержался в докладной записке (ляйиха) великого везира Коджи Юсуф-паши, представленной султану Селиму III в 1791 г. Коджа Юсуф-паша предложил создать новое войско, обученное по-европейски.

В числе ближайших советников Селима III было несколько крупных деятелей, обращавших внимание на необходимость «европеизации» некоторых государственных институтов. Среди них выделялся Махмуд Раиф-эфенди⁶. Он был не только горячим сторонником военно-административных реформ на европейский лад, но и едва ли не первым среди османских сановников, выступавшим за приобщение турок к европейской культуре. Немало ревностных сторонников «европеизации» Османской империи было среди

сподвижников другого султана-реформатора - Махмуда II. Один из них, крупный военачальник Халиль-паша, зять султана, заявил ему в 1830 г. «Если мы не пойдем по пути Европы, нам ничего не останется, как вернуться в Азию»⁷.

Однако на том этапе идеи «европеизации» не выходили за рамки проектов военно-административных реформ на европейский лад. Наиболее значительными практическими результатами изучения и заимствования европейского опыта в конце XVIII - начале XIX в. стали создание первых военных учебных заведений и военные реформы, завершившиеся ликвидацией янычарского корпуса и формированием регулярной, по-европейски обученной и организованной армии.

В период танзимата (30-60-е годы XIX в.) «европеизация» перестает рассматриваться лишь как военно-административная реформа. Появляются сочинения, которые пропагандируют достижения науки и культуры в европейских государствах. Их авторы выступают в качестве активных сторонников «европеизации» государственной жизни, культуры и быта Османской империи⁸.

Произведения Мустафы Сами и Садыка Рифата во многом отразили основные идеи реформаторов. Мустафа Сами (сановник, хорошо знавший жизнь европейских столиц) в написанных им «Европейских очерках» пытался понять причины прогресса европейских государств, с тем чтобы использовать в дальнейшем их опыт в своей стране. Среди причин автор выделял роль науки, религиозную свободу и систему школьного образования. Перу Садыка Рифата, государственного деятеля и дипломата, принадлежат сочинения «Очерк о положении Европы» и «Относительно реформ в Османской империи». Небольшой «Очерк о положении Европы» был написан им во время пребывания в Вене в 1837 г. в составе турецкой делегации. Он содержит анализ причин отставания Турции от Европы, показ тех аспектов европейской жизни, которые, по мнению автора, нужно заимствовать. В отличие от своих предшественников Садык Рифат не просто ставил вопрос о развитии экономики и культуры на основе европейского опыта, а связывал достижение прогресса с обеспечением правопорядка и гражданских прав. Он одним из первых среди турецких публицистов сформулировал принцип безопасности жизни и имущества в качестве правовой основы Османской империи. Его сочинение знакомило читателя с такими новыми для него понятиями, как права народа и обязанности суверена.

Особенно значительное место идея «европеизации» занимала в воззрениях и деятельности вдохновителя танзиматских реформ Мустафы Решид-паши. Длительное пребывание Мустафы Решид-паши на постах турецкого

посла в Париже и Лондоне привело его к твердому убеждению, что «только реформы, которые приблизят Турцию к нормам западноевропейской жизни, позволят ей преодолеть свой длительный политический и экономический кризис...»¹⁰ Его докладная записка султану Махмуду II, составленная в 1837 г., после пребывания в Париже и Лондоне¹¹, свидетельствует о том, что ее автор был убежденным сторонником таких преобразований в системе государственного управления, экономике и культуре Османской империи, которые могли бы вывести ее на европейский уровень. При этом Решид-паша не просто декларировал необходимость реформ, но и обращал внимание на необходимость развития промышленного производства на основе европейского опыта. В частности, в своей записке Решид-паша предложил пригласить специалистов из Европы не только для нужд армии, но и в связи со строительством в Османской империи фабрик и заводов¹².

Таким образом, наиболее радикально настроенные деятели танзимата существенно расширили диапазон понятия «европеизация» применительно к нуждам своей страны. Они толковали его как комплекс мер, направленных не только на изменение формы деятельности государственного аппарата и развитие военного дела на современной основе, но и на внедрение европейского опыта в экономическую и культурную жизнь страны. В период танзимата идея «европеизации» нашла материальное воплощение уже в более широкой сфере. Европейский опыт и влияние в немалой степени сказались в реорганизации органов государственного управления, дальнейшем развитии военного дела, становлении системы светского образования, периодической печати, книгоиздательского дела. Преемники Решид-паши на поприще реформ Али-паша и Фуад-паша настойчиво пропагандировали необходимость использования научно-технического опыта европейских государств, их опыта управления государством. Фуад-паша заявлял, что нормы ислама никак «не препятствуют нам заимствовать законы и новые средства, придуманные в Европе... благо ислама требует, чтобы мы неотложно заимствовали эти... учреждения, без которых не может долее существовать ни одна держава в Европе»¹³.

Принципиально новое звучание идея «европеизации» приобрела в 50–60-х годах XIX в. Эта идея перестала быть достоянием крайне узкого круга реформаторов из числа высших сановников. Она обсуждалась уже сотнями по-европейски образованных людей и, что важнее всего, начала пропагандироваться через печать, в том числе через органы молодой турецкой частной прессы. Проблемы «европеизации» страны постепенно стали предметом общественного обсуждения. Более всего этому

способствовала деятельность писателей-просветителей 60-70-х годов XIX в.

Один из наиболее выдающихся турецких просветителей, Ибрагим Шинаси, энергично пропагандировал европейскую культуру в первой турецкой частной газете, «Терджуман-и ахваль». Его по праву считают первым выдающимся проповедником идеи «европеизации». Ибрагим Шинаси высказывался за широкое использование европейского опыта и его применение в конкретных условиях Османской империи. Разумеется, как и все прочие турецкие сторонники «европеизации», он считал необходимым тщательно учитывать нормы жизни мусульманского общества и сложившиеся традиции. Но главным для него было внедрение достижений Европы во все сферы общественно-политической, экономической и культурной жизни страны. Оценивая эту сторону деятельности выдающегося просветителя, нельзя не согласиться с мнением турецкого исследователя Шерифа Мардина, который писал, что если до Ибрагима Шинаси идеи «европеизации» исходили от государственных деятелей, из правительственных кругов, то Шинаси стал первым неофициальным лицом – проповедником этих идей¹⁴. К этому следует, однако, добавить, что если до Шинаси и его единомышленников «европеизацию» рассматривали лишь как средство реорганизации некоторых государственных и правовых институтов, то турецкие просветители стремились к распространению в Османской империи достижений европейской науки и культуры и превращению этих достижений в инструмент коренного изменения государственного устройства, серьезных преобразований в экономической и культурной жизни. Четко сформулировал эту позицию известный поэт-просветитель Абдулхак Хамид: «Главным путем к нашему прогрессу и развитию служит путь европейского развития»¹⁵.

В публицистике «новых османов» постоянно звучала мысль о необходимости глубокого изучения и использования, с учетом конкретных особенностей Османской империи, всех важнейших достижений науки и культуры европейских стран. Даже Али Суави, наиболее ревностный из «новых османов» защитник мусульманских традиций в общественной жизни, прямо говорил о необходимости использования накопленного Европой запаса знаний для обеспечения материального прогресса своей страны¹⁶. Намык Кемаль предлагал создать показательные хозяйства на основе достижений сельскохозяйственной науки в развитых европейских странах¹⁷.

Однако идеологов «новых османов», таких, как Намык Кемаль и Зия, отличало стремление не к простому копированию достижений европейской мысли, а к синтезу

традиционных мусульманских и европейских либеральных идей в области государственного и общественного устройства. Так, в «Хюрриет» настойчиво пропагандировалась мысль о том, что, хотя, добиваясь создания в Османской империи режима конституционной монархии, турецкие реформаторы должны обращаться к опыту стран Западной Европы, они должны его не слепо копировать, а приспособлять к нормам и традициям ислама¹⁸. Когда Намык Кемаль в газете «Ибрет» признавал, что развитие просвещения, науки и техники на Западе обеспечили ему превосходство над Востоком, он тут же объяснял, что культурная отсталость турок объясняется забвением предписания Корана заимствовать знания хотя бы даже и в Китае¹⁹.

Идеологи младотурок пропагандировали также общие идеи о необходимости изучения и использования накопленного европейскими странами опыта экономического и культурного развития. Однако если в 60–70-е годы споры шли в основном вокруг вопроса, как сочетать мусульманские правовые и культурные традиции с современными европейскими государственными и общественными институтами, то в начале XX в. разгорелись дискуссии о том, что должно стать содержанием «европеизации» в качестве инструмента экономического и культурного прогресса. Наиболее значительным проявлением этих разногласий в среде младотурок явились идейные расхождения между Ахмедом Ризой и принцем Сабахеддином. Ахмед Риза считал, что конституция и парламент сами по себе являются инструментами экономического и культурного прогресса; достаточно обеспечить их действенное функционирование в Османской империи, чтобы гарантировать ее прогресс. Сабахеддин же утверждал, что конституционная реформа не сможет обеспечить прогресс до тех пор, пока в социальной структуре государства не произойдут коренные изменения²⁰. Идейные разногласия в среде младотурок по вопросам «европеизации» определялись крайней пестротой социального состава движения.

Говоря о приверженности «новых османов» и младотурок идеям «европеизации», необходимо иметь в виду и такой важный фактор, как постепенное превращение Османской империи в полуколонию. Поэтому, стремясь к изучению и использованию опыта экономического развития Европы, младотурки одновременно выступали против хозяйничанья европейских капиталистов в экономике страны, против экономической и политической зависимости Османской империи от империалистических держав.

Надо отметить, что определенное влияние Запада на процесс осуществления реформ в Османской империи в XIX – начале XX в. признавали не только «западники», но и представители других идейных течений – исламисты и туркисты. Однако характерной чертой воззрений

«западников» было стремление представить «европеизацию» в качестве панацеи от всех бед страны, важнейшего инструмента ее социального и культурного прогресса. Вместе с тем реформаторы-«западники» по-разному оценивали значение культуры Запада для империи. Одни считали, что Турция должна заимствовать достижения западной культуры во всех областях жизни, другие утверждали, что страна нуждается только в научно-техническом опыте для обеспечения собственного экономического прогресса.

Большинство реформаторов-«западников» были очень далеки от понимания подлинных социально-экономических причин отсталости полуфеодального и полуколониального государства. Тем не менее их стремление привлечь внимание к этим проблемам, вызвать желание задуматься над их решением, побудить к пересмотру некоторых традиционных воззрений на окружающий мир — все это в конкретных исторических условиях Османской империи XIX — начала XX в. имело определенный положительный смысл. Публицистические работы «западников» способствовали дальнейшему формированию турецкой интеллигенции, распространению интереса к проблемам экономики и культуры.

Таким образом, идеи «европеизации» заняли в общественно-политической жизни Османской империи XVIII — начала XX в. значительное место. На различных этапах рассматриваемого исторического периода менялись содержание понятия «европеизация», характер и методы его пропаганды. В целом идеи «европеизации» сыграли определенную роль не только в преобразовании государственных и правовых институтов, развитии науки и культуры, но и в сложном процессе становления идеологии реформаторского движения в Османской империи.

Глава VIII

"РЕФОРМАТОР-ЦЕНТРАЛИСТ"

Если признание необходимости использования европейского опыта для обеспечения экономического и культурного прогресса Османской империи так или иначе входило в идейный арсенал всех реформаторов, то пути и средства лечения больного организма османского государства они видели по-разному. Особенно широк был диапазон идейных воззрений реформаторов, боровшихся за конституцию 1876 г., — от мирного конституционного реформизма Намыка Кемаля до бунтарства Али Суави¹ с его программой активной борьбы за идеалы всеобщего равенства и свободы.

Главной причиной идейных разногласий было то, что молодая турецкая интеллигенция, составившая ядро

«новых османов», была еще многими узами связана с феодальным строем, особенно с его бюрократией. Это налагало печать на их идейные позиции, определяло непоследовательность, а подчас и противоречивость их взглядов. Постоянная борьба светского и духовного начал, определявшая двойственность мышления лидеров движения, стремление во что бы то ни стало сочетать традиции ислама и современные европейские институты также были важными причинами их идейной непоследовательности.

Однако «новые османы» не были единственными участниками конституционного движения 60-70-х годов. Если молодая турецкая интеллигенция, ратовавшая за буржуазное развитие страны, стремилась к серьезным реформам для обеспечения экономического и культурного прогресса и сохранения империи, то совсем другие цели преследовали примкнувшие к конституционному движению представители феодально-султанской бюрократии. Чувствуя, что под ударами освободительного движения угнетенных народов и под натиском иностранного капитала здание некогда могущественной империи все более шатается и вот-вот может рухнуть, некоторые крупные сановники задалась целью несколько реформировать систему управления, не затрагивая социальные и политические основы государства. Наиболее ярко эта позиция отражена в сочинении видного государственного деятеля Хайреддин-паши «Реформы, необходимые для государств мусульманских», опубликованном в 1868 г. в Париже.

С одной стороны, Хайреддин-паша выступал за известное ограничение власти монарха. «Суверены, — писал он, — подвержены, как и все мы, слабостям человеческой природы. Или они обладают способностями для того, чтобы управлять другими, или имея эти способности, они недостаточно умеют владеть своими страстями, а иногда же они не имеют ни способностей, ни энергии. Нет необходимости доказывать, что содействие со стороны нации и ответственность министров, наконец, существование контроля ни в коем случае не смогут помешать суверену, который принадлежит к первой категории, претворить в жизнь благо, которого он желает, и что он, напротив, должен приветствовать поддержку людей, призванных к тому, чтобы контролировать его акты»². Мысль свою Хайреддин-паша заканчивает так: «И не³ заключает ли автор «Истории консульства и империи» свое сочинение следующим афоризмом: «Единоличное правление всегда опасно, каково бы ни было превосходство главы государства»?»⁴.

Однако Хайреддин-паша фактически сводил конституционное управление к контролю над действиями султана, осуществляющемуся высшими сановниками государства. Он писал, что в соответствии с кодексом

Сулеймана I управление государством и действия султана должны находиться под контролем министров и улемов, которым принадлежит право предостерегать монарха от неверных действий и свергать его, если он нарушает закон и следует своим прихотям. «Таким образом, — утверждал Хайреддин, — положительная роль улемов и министров такова же, как и роль, которую выполняют в конституционных государствах Европы палаты представителей, и можно даже сказать, что эта роль более высокая, ибо к мотивам земного порядка, которые требуют и узаконивают этот контроль, у мусульман присоединяются требования религии»

Лидером и идеологом наиболее прогрессивной части «новых османов» был Намык Кемаль, интеллектуальный авторитет которого был очень высок на всем протяжении борьбы турецких реформаторов за провозглашение конституции в 1876 г., а на рубеже столетий — за ее восстановление.

Человек, которому было суждено сыграть столь значительную роль в истории турецкого реформаторского движения, родился в 1842 г. Предки Намыка Кемалья со стороны отца принадлежали к обедневшему роду анатолийских феодалов, его дед был первым камергером султана Селима III. Юноша получил неплохое образование и начал службу в переводческом бюро министерства иностранных дел. Поэтическое дарование ввело его в круг стамбульских литераторов. Сблизившись с Ибрагимом Шинаси, Кемаль стал активным сторонником его газеты «Тасвир-и эфкар», а после эмиграции Шинаси — ее редактором. Поскольку вокруг этой газеты группировалась прогрессивная молодежь столицы, имя Кемалья к моменту его вхождения в «Общество новых османов» было широко известно.

Намык Кемаль сыграл решающую роль в выработке конституционалистской программы деятелей 60–70-х годов, тех, кто стремился реформировать империю, но непременно сохранить ее.

Намык Кемаль был страстным проповедником идеи борьбы с тиранией, с абсолютистским режимом. Его фантастический рассказ «Сон», тайно размножавшийся и распространявшийся среди турецкой молодежи⁶, воспринимался ею как подлинный манифест свободы. В этом рассказе Кемаль грезил о явлении людям «феи свободы», освобождающей от сковывавших ее цепей, скорбел об униженных и угнетенных, о людях, «стонущих под игом тирании», о сиротах, льющих слезы, о множестве безвинных турок, которых ждет виселица. Он призывал читателя ни перед чем не останавливаться в борьбе за свободу, утверждал, что «самое большое счастье — это свобода мысли, совести и чести»⁸. Эти свободолобивые идеи Кемаль подкреплял в своей обширной публицистике многими новыми для турецкого

читателя мыслями о характере государства, о нормах жизни общества.

В газетных статьях и в публицистических работах Намык Кемаль немалое место отводил вопросам происхождения государства и его роли в жизни общества. Он считал, что государство проходит в своем развитии две стадии: вначале возникает общество, регулируемое суммой правил, по которым его членами достигнута определенная договоренность. На второй стадии, в результате разделения труда, возникает правительство. «Так как невозможно, чтобы общество выполняло все функции, — писал Кемаль в «Хюрриет» в июле 1868 г., — возникает необходимость в избрании имама и формировании правительства. А это есть не что иное, как представительство определенного числа членов общества для выполнения этих функций».

Схема Кемалья носит вполне светский характер и выходит за пределы догматов ислама. Однако, решая проблему «добра» и «зла» в жизни общества, Кемаль утверждает, что эти понятия предопределяются шариатом. «Когда выросли общества, — писал Кемаль в «Хюрриет» в августе того же года, — и образовались государства и правительства, возникла необходимость создать связующую нить, которая помогла бы каждому члену цивилизованного общества участвовать в формировании общественного мнения в делах общего управления. Этой связующей нитью был шариат — политический закон, служащий для совместного и строгого управления и защиты членов общества. Его толкование определяется соглашением общества, но его основа — естественный закон. У нас этот естественный закон есть божественная справедливость, определенная в Коране». Шериф Мардин, цитируя это высказывание, справедливо отмечает, что оно, в сопоставлении с приведенным выше мнением Кемалья о происхождении государства, показывает смешение светского и религиозного начал в теории турецкого просветителя, которое восходит к двойственной природе его мышления¹¹. На наш взгляд, это характерно для большинства идеологов движения «новых османов», в идейных воззрениях которых, с большей или меньшей степенью отчетливости, переплелись религиозные и светские представления, догматы ислама и различные европейские теории происхождения государства и права, с которыми знакомились молодые турецкие интеллигенты в середине XIX в.

Намык Кемаль постоянно стремился к синтезу традиционно мусульманских и буржуазно-либеральных идей и теорий в области общественного и государственного устройства. Так, Кемаль принимал положение Монтескье о том, что закон есть сумма отношений, идущих от самой «природы вещей».

Анализируя его, Кемаль в «Ибрет» доказывал, что эта мысль не противоречит традиционной мусульманской концепции закона, ибо автором «природы вещей» был бог. Высказывание Вольтера о том, что «если бы бога не было, его следовало бы выдумать», Кемаль рассматривал как доказательство того, что только религия может быть мерилom человеческих поступков¹²

Двойственность подхода Кемалья к этим проблемам отразилась и на его оценке причин упадка Османской империи. С одной стороны, Кемаль поддерживал традиционную для его времени и среды точку зрения, что этот упадок был результатом невыполнения предписаний шариата. Кемаль писал, что всякий раз, когда принципы шариата оказывались нарушенными, государство терпело урон. Он утверждал, что обеспечение будущего страны нужно искать на путях следования нормам шариата, так как шариат находится под защитой бога, а потому даже тираны не могут его изменить¹³. С другой стороны, Кемаль, видевший в нарушении предписаний шариата основную причину упадка Османской империи, перевел «Руины...» Вольтера, где утверждается, что империи приходят в упадок, если они не придерживаются естественных законов природы и разума. Тем самым Кемаль как бы отдал дань признания и естественнонаучному объяснению причин упадка Османской империи.

Хотя Намык Кемаль не создал оригинальной теории государства и права, его стремление перенести на турецкую почву идеи прогрессивных европейских мыслителей, в частности идеи французских просветителей, было качественно новым шагом в истории общественной и политической мысли в Турции. Это выводило молодую турецкую интеллигенцию за пределы традиционных мусульманских представлений в тех вопросах, от понимания и решения которых в немалой степени зависела и политическая направленность конкретной деятельности «новых османов», ставивших своей целью экономический и политический прогресс Османской империи.

Важное теоретическое значение для формирования политической программы конституционного движения имело положение о неотчуждаемости верховной власти, впервые в Турции обоснованное в работах Намыка Кемалья. «Если население какой-либо страны, — писал он, — присягнет на верность кому-то в качестве султана или халифа, то человек этот становится султаном или халифом, а у того, кто был до него султаном или халифом, никакой власти не остается, ибо имамат есть право общины». Кемаль утверждал, «что право верховной власти принадлежит всем»¹⁴. Эту идею Кемаль весьма подробно развивал в серии статей под названием «Письма о конституционном режиме». Он

утверждал, что нормальное существование государства должно основываться на согласии его граждан, которые от природы наделены определенными правами, а функция государства — обеспечение этих прав. Принадлежащее народу право верховной власти передается определенной группе лиц разными способами, но лучшей формой государства является та, которая в меньшей степени угрожает свободе личности¹⁶

Характеризуя эти высказывания Намыка Кемалья, Ниязи Беркес справедливо отмечает, что доктрина естественного права не существовала в философской и правовой системе ислама, а поэтому Кемаль следует считать одним из первых, а может быть, и первым мусульманином, понявшим¹⁶ сущность либерализма и значение власти народа

Сознавая необходимость согласовать все эти идеи с нормами ислама, Кемаль утверждал, что законность политической власти обеспечивается выполнением двух условий: она должна базироваться на согласии народа, а также осуществляться в соответствии с законом, основанным на абстрактном понятии «добра». Но, как писал Кемаль, в исламе «добро и зло определены шариатом, который является выражением абстрактного добра и наивысшим критерием правды»¹⁷ Отсюда вытекает логический вывод о том, что естественное право народа обеспечивается мусульманским правом. Правда, как отмечает Беркес, совместимость доктрины естественных прав и шариата не всегда присутствовала во взглядах Кемалья, который уже в 1872 г. в статье «Право», опубликованной в газете «Ибрет», отошел от своих прежних убеждений относительно доктрины естественных прав¹⁸

Исключительно большое значение идеологи конституционного движения придавали обоснованию совместимости принципов и норм шариата с идеей конституционного правления. Стремление согласовать либеральный реформизм с нормами и принципами ислама было одной из наиболее характерных черт идеологии «новых османов». Весьма четко выразил эту идею Намык Кемаль, прямо говоривший о необходимости соединить религиозные принципы Востока и научные достижения Запада¹⁹

Огромная роль ислама во всех областях политической и общественной жизни Османской империи в XIX в. общеизвестна. Деятели турецкого реформаторского движения сами были верующими мусульманами. Однако гораздо важнее тот факт, что лидеры этого движения стремились сделать религию активным союзником в осуществлении своих идеалов. На страницах эмигрантской прессы и в публицистических произведениях Намыка Кемалья настойчиво пропагандировалась идея о полном соответствии

установлений ислама и принципов конституционного правления. «Наш шариат, базирующийся на конституционных принципах в деле всенародного управления, несовместим с произволом»,²⁰ — писала «Хюрриет». В этой же газете Наньк Кемаль писал в сентябре 1868 г.: «Мы требуем конституционного правления. Мы требуем создания палаты депутатов... Это наше требование мы основываем на религии»²¹. В «Ибрет» Кемаль писал в 1872 г., что «османское государство основано на религиозных принципах, и, если эти принципы будут нарушены, в опасности окажется политическое существование государства»²². Он прямо заявлял, что если бы ему довелось участвовать в выработке проекта конституции, то он бы потребовал, чтобы каждая ее статья была санкционирована соответствующей фетвой шейх-уль-ислама²³.

Ссылки на авторитет религии были важны и с политической точки зрения; они сыграли существенную роль в борьбе за конституцию в 1876 г. Однако было бы неверно полагать, что все подобные высказывания Кемалья и других идеологов «новых османов» вызваны лишь стремлением обеспечить себе поддержку духовенства. Правильнее было бы видеть в идеологии турецких конституционалистов 60-70-х годов некоторые черты, перекликающиеся с идеями мусульманской реформации — течения, которое в 70-х годах XIX в. стало частью буржуазно-национального движения в Египте, а также — в конце столетия — переросло в самостоятельное движение за реформу ислама. Во всяком случае, и в идеологии «новых османов», и в воззрениях египетских мусульманских реформаторов налицо убеждение, что ислам вполне пригоден в качестве идейной основы для организации управления государством в новых социальных условиях.

На формирование воззрений Нанька Кемалья заметное воздействие оказали идеи просветительства. Наньк Кемаль сам называл тех европейских мыслителей, которые способствовали выработке его взглядов, — Монтескьё, Руссо, Вольнея и Локка²⁴. Влияние идей этих крупнейших представителей европейского просветительства XVIII в. ощущается во многих работах Нанька Кемалья. В частности, приведенное выше его высказывание о том, что первоначально государство возникло в результате добровольного соглашения людей, есть, по существу, отражение просветительской теории общественного договора. Идея о том, что верховная власть принадлежит народу, взята Кемалем из сочинения Руссо «Об общественном договоре». Другое важное положение — идея о разделении законодательной и исполнительной власти (об этом ниже) — результат влияния трудов Монтескьё.

Влияние просветительских идей ощущается и в вере Кемалья в изначальную гармонию, существовавшую в

природе и человеческом обществе. «Порядок определяется гармонией, которая изначально заложена в вещах, — писал Кемаль. — Если бы самое маленькое колесо на фабрике вышло из строя, пострадали бы все ее части; если бы самый маленький спутник Юпитера изменил свой обычный путь, условия, регулируемые Солнцем, были бы полностью нарушены»²⁶

Следуя принципам Руссо, Вольтера и Монтескье, Намык Кемаль рассматривал просвещение народа как главный инструмент социального, политического и культурного прогресса. Он писал, что «просвещение в наш век — источник жизни каждого народа»²⁶. Он постоянно подчеркивал, что просвещение и образование явились основой всех экономических и культурных успехов Европы²⁷

Борьбу за развитие народного образования в своей стране Намык Кемаль продолжал буквально до последних лет жизни. Уже после поражения конституционного движения, находясь в ссылке на острове Мидилли (Лесбос), Кемаль в представленной им в 1880 г. Абдул Хамиду II записке о нуждах острова и его населения прежде всего обращал внимание султана на крайне неудовлетворительное состояние народного образования. Он с горечью писал, что, в то время как просвещение играет выдающуюся роль в прогрессе человечества, школы на острове находятся в «достойном сожаления состоянии, а абсолютное большинство населения неграмотно». Отмечая более высокий уровень образованности среди христиан, Кемаль подчеркивал, что их обучением заняты общины, а турецкими школами ведают правительственные органы, которые ограничивают заботу о них лишь выплатой жалованья чиновникам. Он предлагал осуществить на практике закон об обязательном начальном обучении, открыв начальные школы в каждой деревне, расширить²⁸ программу школьного обучения, создать ремесленные училища.

Много внимания Намык Кемаль уделял экономическому положению Османской империи и поискам путей его улучшения. Кемаль писал в «Хюрриет», что сельское хозяйство, ремесло и торговля страны находятся в полном расстройстве, хотя природные условия благоприятствуют их развитию²⁹. Он считал, что основными причинами этого были непосильные налоги и методы их взимания, ростовщичество и произвол администрации. Кемаль не раз обращал внимание на то, что налоги разоряют народ, дело доходит до того, писал он, что «население многих нест питается древесной корой и травой»³⁰.

Кемаль выступал против откупной системы сбора налогов, справедливо считая ее одной из важных причин разорения крестьянства и упадка сельского хозяйства. Он высказывался в пользу

отмены основного натурального налога - ашара за счет увеличения других налогов³¹. Наконец, он предлагал использовать достижения сельскохозяйственной науки в Европе, создавать показательные хозяйства³². Касаясь причин упадка местной промышленности, Кемаль писал: «В то время как с импортных товаров взималась таможенная пошлина в размере 5%, с товаров внутреннего производства брали 8% - словно специально³³ задались целью разрушить нашу промышленность».

Намык Кемаль не раз ставил вопрос о ликвидации капитуляционных привилегий иностранцев, а также о пересмотре неравноправных торговых договоров Османской империи с европейскими державами. Примечательно, что издатели «Хюрриет» решительно выступали против установленного в 1867 г. права иностранных подданных владеть землей в Османской империи. Они были убеждены, что в условиях экономической и политической слабости страны это решение означало откровенное пренебрежение интересами развития собственной³⁴ промышленности, сельского хозяйства и торговли.

Основным политическим средством, которое может обеспечить экономический и культурный прогресс Османской империи, Намык Кемаль считал превращение ее в конституционную монархию. Он, в частности, писал в «Хюрриет» в конце лета 1868 г., что режим конституционного правления создаст необходимые условия для использования естественных богатств страны, развития промышленности и торговли, охраны общественного богатства и ликвидации злоупотреблений³⁵. Кемаль видел в конституции своеобразную панацею от всех бед своей страны. «Только принятие конституционного правления, - утверждал он, - будет способно уничтожить существующий деспотизм и расточительность и устранить недоверие народа»³⁶.

Впервые конкретная программа конституционных реформ была изложена «новыми османами» в «Хюрриет» в 1868 г. Уже в первом номере газеты говорилось об установлении контроля за действиями правительства посредством введения конституционного правления и выдвигалось требование о разделении законодательной и исполнительной власти. В том же номере «Хюрриет» Кемаль теоретически обосновал эти требования. Утверждая, что свобода дана людям богом, он говорил, что общество может быть свободным только тогда, когда члены его уверены в своих личных и политических правах. Соблюдение личных прав должно гарантироваться беспристрастными судьями, а обеспечение политических прав зависит от разделения власти³⁷ и установления системы конституционного правления.

Намык Кемаль считал, что парламент должен принимать решения по важнейшим политическим вопросам с последующим утверждением их султаном, а правительство должно исполнять эти решения. Он исходил из того, что будущая турецкая конституция должна иметь образцом французскую конституцию периода Второй империи (1851-1870)³⁸. Как известно, представительные учреждения Франции того периода состояли из трех палат - Законодательного корпуса, который избирался населением и не имел права законодательной инициативы; Сената, в состав которого входили назначавшиеся императором представители высшей знати и духовенства; Государственного совета, который разрабатывал законы на основе проектов императора. (Впрочем, в 1872 г. он писал в газете «Ибрет», что в виде примера может быть взята и бельгийская конституция³⁹). Следуя французской модели, Кемаль предлагал создать три органа власти: Государственный совет (Şura-i devlet) из 40 или 50 назначаемых султаном членов, который должен вырабатывать законы; выборное Национальное собрание; или Палату депутатов (Şura-i ummet), для утверждения законопроектов, выработанных Государственным советом, и для контроля над бюджетом; Сенат (Meclis-i ayan), который утверждает законы, принятые Палатой депутатов⁴⁰. Примечательно, что Сенат, в который, по мысли Намыка Кемалья, войдут принцы, видные улемы и военачальники, должен был быть своеобразной гарантией неприкосновенности парламентского режима. Кемаль прямо говорил, что составленный таким образом Сенат нужен для защиты конституции и Палаты депутатов⁴¹.

Убеденный конституционалист, Намык Кемаль был и убежденным централистом, отстаивавшим идею безусловного сохранения целостности и неделимости Османской империи, решительно отвергавшим право нетурецких народов империи на независимость и самостоятельное государственное развитие. К решению национальных проблем империи Кемаль подходил с великодержавных позиций. Он выступал за сохранение турецкого господства над славянами Балкан, греками, армянами, арабами, курдами и другими народами империи, резко критиковал правительство султана за то, что под нажимом европейских держав оно допустило предоставление независимости Молдовы, Валахии и Сербии. В 1867 г. Намык Кемаль выступил с решительным протестом против передачи сербам турецких крепостей в Сербии и вывода оттуда турецких гарнизонов⁴².

Однако Кемаль, как и другие лидеры и идеологи «новых османов», не просто отрицал право нетурецких народов империи на независимое развитие. Он стремился теоретически обосновать историческую нецелесообразность национально-освободительных

движений. Именно этой цели служила доктрина османизма, сформировавшаяся в 60-70-х годах XIX столетия как важнейшая идейно-политическая концепция турецкого конституционного движения. В ее основу легла идея равенства и единства всех народов, населяющих «общую родину» — Османскую империю. Добиваясь конституционного преобразования империи, реформаторы всячески пропагандировали мысль о необходимости ликвидации национальной и религиозной борбьбы в реформированном государстве.

«Новые османы» — одни искренне, другие с чисто политическими целями — утверждали, что с провозглашением конституции все народы империи в пределах «общей родины» объединятся в одну «османскую нацию». По их проекту в будущий парламент должны были быть избраны представители всех народов империи. Намык Кемаль писал, что в Палате депутатов будут лица всех вероисповеданий⁴³

Пропагандируя идею единства, реформаторы, однако, явно имели в виду сохранить господствующее положение турок в будущем государстве. Кемаль пытался даже теоретически обосновать право турок на их господствующее положение в империи. Он заявлял, что «среди османов и по численности населения, и по способностям первое место занимают турки, обладающие такими преимуществами, достоинствами и качествами, как широта познавательных способностей, природная выдержка, выносливость и спокойствие»⁴⁴. Как справедливо замечает по этому поводу современный турецкий исследователь Ш.Мардин, при таких взглядах было бы весьма трудно убедить этнические меньшинства Османской империи в том, что они получают в новом государстве равные с турками права⁴⁵. Очевидно, что такой подход к национальному вопросу в Османской империи практически означал сохранение турецкого господства над армянами, арабами, курдами, греками, славянами Балкан. Подобная установка «новых османов» ослабляла их позиции в борьбе с феодальным абсолютизмом, так как мешала их союзу с нетурецкой буржуазией империи.

Не чужды были Намыку Кемалю и панисламистские идеи. Правда, для него это было прежде всего средство борьбы с растущим засильем европейских держав на мусульманском Востоке, в том числе в Турции. Как писал он в «Ибрет», идея единства мусульманских стран начала получать широкое распространение тогда, когда стало ясно, что в одиночку они не сумеют противостоять силе европейских держав⁴⁶. Однако в пропаганде идей панисламизма он видел и другой смысл — возможность использовать ислам, чтобы удержать власть турецкого султана-халифа над нетурецкими мусульманскими народами империи⁴⁷. Кемаль считал, что

ислам позволяет объединить лазов, албанцев, курдов и арабов независимо от их этнических и языковых различий⁴⁸

Наийк Кемаль неустанно выступал против иностранного вмешательства во внутренние дела страны, поскольку такое вмешательство обычно преследует корыстные цели. Он отзывался в этом духе о политике Англии и Франции. Англичане, писал он, «не обнажая меча, стремятся ограбить мир», а французы «заботятся о независимости всех наций, кроме тех, которые находятся под их управлением»⁴⁹. Он критиковал Высокую Порту за то, что в период танзимата она поставила дело реформ под контроль европейских держав. «Наиболее достойная возражения сторона танзимата, — писал Кемаль в «Ибрет», — состояла в том, что он находился под европейской опекой»⁵⁰. По его мнению, Порта, вместо того чтобы упорядочить административное управление, сделать Османскую империю конституционной монархией и тем самым укрепить государство и положить конец иностранному влиянию, хатт-и хумаюн 1856 г. лишь пошла на уступки иностранным державам, даровав некоторые льготы христианам. Допустив же внесение вопроса об этих льготах в Парижский трактат, подчеркивал Кемаль, Порта дала в руки держав новый предлог для вмешательства во внутренние дела Османской империи⁵¹.

Вместе с тем, ратуя за независимость своей страны, Кемаль ориентировался во внешней политике на Англию. Это объяснялось рядом обстоятельств. Выше говорилось, что «новые османы» стремились во что бы то ни стало сохранить власть турок над покоренными народами. Известно, что Россия оказывала поддержку освободительной борьбе славянских народов Балкан. Независимо от истинных целей политики царского правительства поддержка России имела объективно огромное значение для угнетенных народов Балканского полуострова и для армянского народа. Англия же выступала решительным противником освободительных движений угнетенных народов Османской империи; ее политика в Турции в тот период основывалась на формуле «сохранения целостности Османской империи», что и явилось основной причиной симпатий, которые «новые османы» питали к Англии. Наийк Кемаль писал: «Среди европейских государств Англия больше всех способствует охране наших прав и сохранению власти султана»⁵².

Кроме того, в своей борьбе за преобразование Османской империи Кемаль рассчитывал на поддержку Англии, в которой видел образец конституционной монархии. Он восторженно описывал свободу общественного мнения в Англии и английский парламент, который, по его словам, олицетворяет «силу общественного мнения», является «колыбелью

«проникновения» важнейших политических принципов и Г. Д.

Особо следует отметить, что Намык Кемаль был первым в истории Турции политическим деятелем, идеология которого была пронизана духом патриотизма. «Нужно любить отчизну, — проникновенно писал Кемаль в «Ибрет», — ибо жизнь, одно из величайших благ, дарованных нам богом, начинается с вдыхания воздуха отчизны. Отчизна — это не расплывчатые линии, начертанные мечом завоевателя или пером писца. Это святая идея, состоящая из комплекса благородных чувств, таких, как народ, свобода, братство, польза, суверенитет, уважение к предкам, любовь к семье и воспоминания детства»⁶⁴. Глубоким чувством патриотизма проникнуты строки одного из стихотворений Кемалья: «Если я умру, не увидев свой народ в благоденствии, о котором мечтаю, то пусть напишут на камне могильном моем: отечество в печали, печален и я»⁶⁵. В другом стихотворении Кемаль писал, что если гибнет родина, то человеку остается одно — умереть вместе с ней⁶⁶.

Патриотические настроения и идеи в среде «новых османов» свидетельствовали о пробуждении национального самосознания турок и, в свою очередь, способствовали его усилению. Значительную роль в этом процессе сыграла борьба «новых османов» за близость языка литературных произведений к народному, за простоту стиля, за освоение турецкой литературы от арабо-персидского влияния. Намык Кемаль решительно выступал за реформу литературного языка, насыщенного арабскими и персидскими словами и недоступного простому народу. «Нет дела более бесполезного, чем писать книги для избранных»⁶⁷, — говорил он.

Таким образом, можно определенно говорить о том, что в системе воззрений Намыка Кемалья доминировали две идеи — реформирование государства с помощью системы конституционной монархии и безусловное сохранение целостности и независимости Османской империи. Такой централизм был характерен в период борьбы за первую турецкую конституцию для многих реформаторов. И если имперское сознание было свойственно подавляющему большинству реформаторов этой поры, то их конституционализм был весьма разного свойства. Об этом можно судить по взглядам другого видного лидера и идеолога конституционалистов 60-70-х годов — Зии-паши.

Глава IX

КОНСЕРВАТИВНЫЙ РЕФОРМАТОР

Абдул Хамид Зия родился в 1825 г. в Стамбуле в семье таможенного чиновника¹. Учился Зия в

специальной «Литературной школе», готовившей служащих правительственных ведомств. О привилегированном характере школы свидетельствует тот факт, что выпускные экзамены происходили в мечети Султан Ахмед в присутствии султана и множества сановников². В 1845 г. Зия окончил школу и начал успешно делать карьеру чиновника.

Зия быстро продвигался по служебной лестнице во дворце султана, был награжден орденом. Получил известность как поэт и преподносил свои касыды великому везиру, шейх-уль-исламу и даже султану³. Однако все переменилось с назначением на пост великого везира Али-паши — одного из наиболее крупных реформаторов эпохи танзимата. Зия повел себя весьма дерзко по отношению к новому великому везиру. Али-паша, в свою очередь, невзлюбил молодого чиновника⁴. В результате в 1861 г. Зия вынужден был покинуть Стамбул. В 60-х годах он занимал ряд административных постов — начальника округа на Кипре, губернатора Сансуна, члена Высшего совета юстиции, инспектора правительства в Боснии, губернатора Амасьи. В апреле-мае 1866 г. он был отозван в Стамбул, пять месяцев ждал нового назначения и в октябре того же года вновь стал членом Высшего совета юстиции.

Зия был хорошо образованный для своего времени человек, обладавший литературным дарованием, разделявший убеждения тех деятелей эпохи танзимата, которые стремились к преобразованию на основе заимствования европейского опыта. Он владел французским языком. Еще в первые годы службы при дворе он перевел произведения Мольера («Тартюф») и Лафонтена («Телемак»), а также некоторые труды французских историков (в частности, «Историю Андалузии» Виардо)⁵. В это же время он начал переводить «Эмиля» Руссо⁶.

И вот тут в его жизни произошел резкий перелом: в начале 1867 г. Зия начал сотрудничать в оппозиционной столичной газете «Мухбир», изданием которой с января руководил Али Суави. Последний, как и будущий соратник Зии в эмиграции Намык Кемаль, был к тому времени членом тайного Общества «новых османов». Газета «Мухбир» резко выступала против правительства Али-паши. В начале марта Али Суави опубликовал в «Мухбир» статьи с протестом против абсолютизма, призывая султана отказаться от части своих верховных прав. Через несколько дней в той же газете появилась статья, автор которой (им принято считать Зию) позволил себе крайне рискованные намеки на то, что положение страны можно улучшить, если министры будут отвечать за свои действия перед парламентом⁷.

Что же привело человека с такой биографией к этому времени в ряды оппозиции? Не преуменьшая роли возможного критического отношения Зии к абсолютной власти султана, следует принять во внимание его крайне неблагоприятные личные обстоятельства, которые усилили неприязнь Зии к великому везиру Али-паше. Служба на Кипре была трудной. Из-за тяжелого климата умер один из сыновей Зии, а сам он два года страдал от лихорадки. Двухлетнее пребывание в столь же неблагоприятном климате Амасьи принесло Зии новую потерю — умерла одна из его дочерей. Служба на Кипре, в Самсуне и Амасье была сопряжена с бесконечными ревизиями по доносам. Сам Зия утверждал, что частые перемещения и бесконечные проверки были результатом интриг и преследований его личных врагов из числа высших сановников, которые порочили его в глазах султана⁸.

Пожалуй, Зию толкнуло в лагерь оппозиции именно то, что он на своем личном опыте работы в провинции узнал беды страны и пороки системы управления. А поскольку во главе этой системы стоял Али-паша — его многолетний личный враг, он готов был видеть в устранении Али-паши от власти панацею от всех бед. М. К. Бильгегиль прав, когда пишет, что все политические статьи и выступления Зии были окрашены крайней неприязнью к Али-паше⁹. Таким образом, ненависть к Али-паше и неудовлетворенное честолюбие в немалой степени повлияли на его решение встать на путь открытой оппозиции Высокой Порте. Можно сказать, что он пришел к «новым османам» не столько как борец за определенные идеи, сколько как оппозиционер поневоле, не сумевший найти общий язык с руководителями Высокой Порты. То, что это было именно так, показывает его дальнейшая судьба, особенно в годы пребывания в эмиграции.

На этом фоне следует рассматривать и оценивать обстоятельства сближения Зии с «новыми османами». Историк Абдуррахман Шереф-эфенди считал, что Зия был в числе «новых османов» уже весной 1867 г., когда готовился заговор с целью отстранения от власти Али-паши. М. К. Бильгегиль, самым тщательным образом изучивший жизнь и деятельность Зии, соглашается с тем, что Зия вступил в Общество «новых османов» до эмиграции, но подчеркивает, что точных данных у историков по этому поводу нет¹⁰. Между тем есть важное косвенное доказательство того, что Зия до эмиграции организационно еще не был связан с «новыми османами». Член Общества «новых османов» Эбуззия Тевфик-бей, известный впоследствии литератор, утверждал, что до апреля 1867 г. Зия даже не был знаком с Намыком Кемалем. Эбуззия писал, что впервые они встретились в редакции стамбульской газеты «Курье д'Орьан»,

издатель которой, Сакакими, передал им обоим приглашение принца Мустафы Фазыл-паши, ставшего на первых порах лидером турецкой эмиграции, и что Зия присоединился к «новым османам» только в Европе¹¹.

Есть основания считать, что Зия принял приглашение египетского принца не как член тайного общества, а как сановник, известный своей антипатией к великому везиру. Это в какой-то мере подтверждается и поведением Зии накануне эмиграции. Еще за два-три месяца до того дня, когда он вместе с Намыком Кемалем отправился в Европу (17 мая 1867 г.), Зия добивался поста председателя комиссии, сопровождавшей турецкие товары на Всемирную выставку в Париж. Получив назначение, Зия готовился к отъезду. И тут произошло неожиданное: его назначили губернатором на Кипр. Это назначение было частью предпринятой Али-пашой и его правительством кампании очищения столицы от оппозиционных элементов. В те же дни власти закрыли «Мухбир» и сослали в Кастамону Али Суави, а Намык Кемаль получил предписание ехать в качестве помощника губернатора в Эрзурум. Очевидно, что весной 1867 г. правительство причислило Зию к лицам, пребывание которых в столице нежелательно.

Начав готовиться к тайному отъезду из Стамбула вместе с Намыком Кемалем, Зия встал на тот путь, на котором его активное участие в деятельности «новых османов» делалось неизбежным. Но и в тот момент Зия не сжигает мосты, не теряя, видимо, надежды продолжить карьеру. Как он сам позже писал, дабы не быть в положении «бежавшего с должности», он счел нужным направить великому везиру прошение об отставке¹². Тон обращений Зии к султану в годы эмиграции позволяет оценить этот поступок как подчеркнутое стремление соблюсти правила поведения верноподданного, придать законный характер своему пребыванию за рубежом.

Зия провел в эмиграции более четырех лет. Именно в эти годы определились его общественно-политические взгляды. Наиболее полно они представлены в серии статей в газете «Хюрриет» и в публицистических произведениях, известных под названиями «Прошение» и «Сон Зия-паши». Они дают достаточно ясное представление об идейных позициях, которые занял Зия, прикнув к движению «новых османов» и став одним из его лидеров.

Пожалуй, одной из наиболее характерных черт мировоззрения Зии была вера в «доброго султана». Чрезвычайно ярко она проявилась в его «Прошении», предназначенном для вручения султану Абдул Азизу во время посещения им Лондона. Это произведение пронизано стремлением очертить в глазах султана Али-пашу, представить свою судьбу как результат бесконечных преследований, которым подвергли автора

Али-паша и его приспешники. Даже свою эмиграцию Зия представлял как отъезд «ради спасения жизни» от происков врагов¹³. Зия предпочел выглядеть не одним из лидеров оппозиции, а честным патриотом, уважавшим монарха и озабоченным положением страны, управляемой дурными министрами. Сам тон «Прощения», написанного втайне от товарищей по эмиграции, и его содержание свидетельствуют о том, что Зия все еще надеялся продолжить карьеру и приблизиться к особе монарха. Бедственное положение экономики и финансов Османской империи, чиновничий произвол, налоговый гнет, беззакония ростовщиков и откупщиков, дурное судопроизводство и низкий уровень народного образования¹⁴ он объяснял одним — личными пороками министров. Мысль о том, что источником всех бед и зол являются действия «нескольких честолюбцев и фаворитов счастья», — лейтмотив «Прощения»¹⁵. Зия призывал султана не к проведению коренных реформ и установлению парламентского режима, а к удалению неспособных и своекорыстных сановников, скрывавших от него истинное положение вещей.

Так думал Зия осенью 1867 г. Конечно, время, оставшееся до выхода первого номера «Хюрриет» (июль 1868 г.), не прошло для Зии, человека пытливого и наблюдательного, бесследно. Постоянное общение с Намыком Кемалем, чтение новых книг, знакомство с европейской публицистикой, изучение истории и философии, наконец, сама английская жизнь — все это изменило взгляды Зии. Во всяком случае, начав работать в «Хюрриет», Зия солидаризировался с программными статьями, написанными Намыком Кемалем.

Произведения Зии, опубликованные в «Хюрриет» в период совместной работы с Намыком Кемалем, представляют собой лучшую часть его публицистики. Это — серия статей под общим названием «Воспоминание» (декабрь 1868 — май 1869 г.¹⁶), а также статьи «О причинах упадка Турции» (июль 1868 г.) и «Поэзия и проза» (сентябрь 1868 г.)¹⁷. В этих статьях Зия ратовал за коренное улучшение системы просвещения, распространение знаний с целью развития экономики страны и повышения благосостояния ее населения, за упрощение турецкого языка, освобождение его от арабо-персидской лексики.

Зия выступал на страницах «Хюрриет» и как теоретик, анализируя вопрос о происхождении института верховной власти. Он утверждал, что для разрешения споров люди первоначально сами выбирали судей в качестве оплачиваемых слуг общества. Когда же возникла потребность в руководителе, защищающем общество от врагов, издающем законы и следящем за их исполнением, появились монархи, также оплачиваемые слуги общества. Со временем первоначальные основы

власти монархов были преданы забвению, а народ стал рассматриваться в качестве слуг правителя. Люди жили, не зная, что они лишены своих естественных прав, подчеркивал Зия, так как монополия на учение и знание принадлежала узкой касте избранных. Когда же с распространением цивилизации народы стали просвещаться, они вступили в борьбу за свои права. Этот конфликт, по мнению Зии, лежал в основе многих революций и гражданских войн. Что касается мусульманских государств, то Зия считал, что, пока они следили за исполнением принципов шариата и соблюдением законов, они процветали, а население их жило в богатстве и спокойствии. Зия вообще придавал большое значение законам, которые разрабатываются в соответствии с «характером каждой нации». Он был убежден, что понятие «свобода» дано человеку изначально богом, а в законах видел гарантию этой свободы, подчеркивая, что «свобода всегда связана с Законом»¹⁸

Рассуждения Зии о принципах формирования общества очень напоминают идеи Руссо, произведения которого Зия хорошо знал и переводил. Зия считал, что община не отдает судьям верховную власть, а делает их постоянно ответственными перед собой. Этот его тезис близок мысли Руссо, который в «Эмиле» говорил, что народ не может отчуждать правителю свою свободу. Подобно многим турецким просветителям и реформаторам эпохи танзимата, Зия пытался синтезировать догматы ислама и идеи французских просветителей. Между тем, как отмечает Ш. Мардин, воззрения Зии, предусматривающие договор между людьми и судьями, идут вразрез с исламской теорией договора между людьми и богом¹⁹

Конституционная программа «новых османов» и ее идеологическое обоснование были сформулированы на страницах «Хюрриет» между июнем 1868 и сентябрем 1869 г., т.е. в период тесного сотрудничества Намыка Кемала и Зии. В «Хюрриет» той поры были не только очерчены основные принципы конституционно-монархического строя в Османской империи, но и охарактеризованы преимущества парламентарной системы, обоснованы разделение законодательной и исполнительной власти, принцип выборности высших органов власти, совместимость конституционного управления с Кораном и шариатом. Большинство статей публиковалось без подписи²⁰

Встает вопрос: в какой мере содержание статей в «Хюрриет» отражало взгляды самого Зии? Нет оснований сомневаться в том, что в годы сотрудничества с Намыком Кемален Зия находился под идейным влиянием этого убежденного конституционалиста и борца с султанским абсолютизмом. Когда же Зия расстался с Кемалем, когда фактор личного общения перестал

действовать, полный простор вновь получили те черты его личности, о которых речь шла выше. Иначе невозможно объяснить ту огромную разницу, которая отличает собственные сочинения Зии от статей в «Хюрриет» периода их совместной работы с Намыком Кемалем.

Эта разница особенно бросается в глаза при знакомстве с другим известным публицистическим сочинением Зии. Оно было опубликовано в «Хюрриет» в октябре 1869 г., вскоре после выхода Кемаля из редакции газеты, под названием «Султан Абдул Азиз-хан - Зия-бей - Али-паша», заняв почти целиком номера за 11 и 18 октября. После победы младотурецкой революции оно было издано под названием «Сон Зия-паши».

Нет сомнений, что к идее конституции и парламентарного режима Зия пришел через значительные колебания. Но и став конституционалистом, он как бы сменил веру в «доброег султана» на веру в «доброег конституционного монарха». Это ярко отразилось в его «Сне».

В отличие от того, что Зия писал в «Прошении», в «Сне» он призывал султана созвать парламент. Однако он при этом считал нужным подчеркнуть незыблемость всех прерогатив султана, которому парламент будет помогать управлять страной, контролируя деятельность министров, чинящих беззакония и произвол²¹. Тема обличения алчных сановников и в этом сочинении Зии находится на первом плане, явно заслоняя собой весьма умеренный парламентаризм автора. Неспособным министрам и бездарному великому везиру Зия посвящает едва ли не две трети «Сна». Сочинение завершается сценой смещения Али-паши автором, действующим по поручению султана²². Таков был финал грез Зии, который и в этом своем публицистическом произведении не поднялся до осознания социальной значимости конституционной реформы. И все же, несмотря на явную ограниченность Зии, который практически сводил дело к устранению власти временщиков и Али-паши, критическая оценка им положения дел в государстве и само признание необходимости установления парламентарного режима в определенной степени отражали общие идеи «новых османов».

Таким образом, идейные воззрения Зии-паши от общих призывов к устранению плохих министров эволюционировали через конституционный «радикализм» к крайне умеренному парламентаризму, в основе которого лежала вера в «доброег монарха». В целом тон этого сочинения во многом напоминает «Прошение». Оно наглядно свидетельствует о том, что в идейном багаже Зии и после года работы в «Хюрриет», когда ее редактором был Намык Кемаль, изменилось не многое.

Чем же объясняется столь очевидная неустойчивость, а порой и двойственность идейных позиций Зии? Думается, что ответ надо искать в столь же очевидной двойственности социального положения и устремлений этого деятеля. Как представитель «новой бюрократии» эпохи танзимата, он действительно желал улучшить институты управления, но на основе сохранения основных принципов государственного устройства и монархического строя. Крайне умеренная конституционная программа Зии, его очевидный монархизм определялись принадлежностью к бюрократической элите Османской империи. Некоторую роль играло и его честолюбие. Но тот же человек был талантливым литератором, ярким представителем молодой турецкой интеллигенции, поэтом-просветителем, перу которого, в частности, принадлежат такие строки:

Если ты хочешь познать мир,
Изучая язык Европы,
Наука там в почете,
И ты не избегай знаний.
Надо знать тамошнюю науку,
Оставь фанатизм и суеверия.
Не познав ее, нельзя стать поэтом²³

Можно сказать, что Зия — писатель и поэт, Зия — интеллигент постоянно боролся с Зией — бюрократом. Многие зигзаги в жизни и творчестве этого человека можно объяснить именно перипетиями этой внутренней борьбы.

Для характера и линии поведения Зии показателен один из эпизодов женеvского периода его жизни в эмиграции. Весной 1870 г. Зия покинул Лондон, где ему грозил арест за публикацию в «Хюрриет» статьи Али Суави, прозвучавшей как подстрекательство к убийству Али-паши. Продолжив в Женеве издание «Хюрриет», Зия в июне 1870 г. опубликовал в ней несколько неожиданную для себя статью «Разница между республиканским строем и единоличным правлением»²⁴. В этой статье убежденный монархист, только что защищавший султана на страницах лондонской «Хюрриет», с явным восхищением описывает республиканский строй, при котором соблюдаются законность и гражданские права, а национальное собрание является блюстителем и хранителем закона. Абсолютистский режим в статье Зии представлен как царство произвола. Симпатии автора к республиканскому строю для читателя несомненны. Чем же вызван столь неожиданный поворот во взглядах Зии? Поскольку симпатии Зии к республиканскому строю нигде и никак им более не были подтверждены, есть одно объяснение. Найдя после нескольких месяцев мытарств пристанище в Швейцарии, оказавшись в атмосфере, обеспечивавшей ему надежную защиту против агентов Али-паши, Зия был

увлечен окружавшей его действительностью. Он не скрывал ликования по поводу неудачной попытки великого везира воспрепятствовать изданию «Хюрриет» в Женеве и подчеркивал, что это произошло благодаря оговорке республиканскому строю Швейцарии. Иными словами, Зия писал статью, явно поддавшись настроению, которое отнюдь не отражало его устоявшиеся взгляды.

В идейных воззрениях Зии можно выделить следующие основные черты: совершенствование институтов государственного управления в рамках крайне умеренного парламентаризма, неизменную веру в «доброту султана», просветительство и «европеизацию». Он ратовал также за сохранение Османской империи и власти турок над покоренными народами²⁵, выступал против антитурецкой экономической и политической экспансии великих держав²⁶.

Оценивая взгляды Зии в контексте идейной борьбы «новых османов», нельзя не признать, что в Османской империи той поры даже умеренные политические статьи и памфлеты Зии будоражили общественное мнение, вызвали интерес к проблемам совершенствования государственных и правовых институтов страны. Не случайно произведениями Зии наряду с книгами Намыка Кемаля и Мидхат-паши зачитывалась четверть века спустя молодежь, подготовившая первую турецкую буржуазную революцию. Статьи Зии были эмоциональны, были написаны простым языком, свободным от арабо-персидской вычурности и усложненности стиля, что сделало Зию активным участником процесса становления новой турецкой литературы.

Зию называют иногда лидером умеренного крыла движения «новых османов». Это определение весьма условно, ибо идейные течения внутри социально неоднородного движения первых турецких конституционалистов сколько-нибудь точно определить невозможно. Скорее можно говорить об умеренности идейных воззрений самого Зии, для которого положение одного из лидеров «новых османов» было в известном смысле испытанием его личности. Такие люди, как Зия, для которых борьба за личную карьеру во многом была определяющей чертой поведения, приходили к «новым османам» не столько по убеждению, сколько для борьбы с конкретными носителями административного произвола. Но уже то обстоятельство, что даже эти люди сочли нужным и возможным вступить в ряды политической оппозиции, означало, что Османская империя шла навстречу важным переменам.

"ОТЕЦ КОНСТИТУЦИИ"

Лидер первых турецких конституционалистов Ахмед Мидхат-паша родился в Стамбуле в 1822 г. в семье чиновника. В 1836 г. Мидхат пришел учеником в правительственную канцелярию, в 1840 г. поступил на службу в канцелярию великого везира, через несколько лет был назначен секретарем генерал-губернатора Конийского, а затем Кастамонийского вилайета. Заметив незаурядные административные способности молодого чиновника, великий везир Решид-паша отозвал его в Стамбул и назначил руководителем бюро информации, которое занималось обобщением и изучением материалов правительственных комиссий, проверявших деятельность местных административных органов. В 1849 г. Мидхат был назначен вторым, а в 1851 г. — главным секретарем канцелярии правительства. В те годы он выполнял ряд ответственных поручений правительства. Его направляли для ликвидации волнений в Болгарии, в вилайете Эдирне (1854 г.) и в Тырновском округе (1857 г.).

В 1858 г. Мидхат совершил заграничное путешествие, посетил Париж, Лондон, Вену и Брюссель. По возвращении в Стамбул Мидхат в 1861 г. был назначен губернатором Нишского вилайета, где происходили волнения болгарского населения.

В тот период ясно определились два основных направления в административной и политической деятельности Мидхата. Он показал себя сторонником реформ и вместе с тем выступил против национально-освободительных движений угнетенных народов империи. Его деятельность сводилась к тому, чтобы путем реформ расчистить дорогу прогрессу, укрепить империю и власть турок над покоренными народами. Особенно ярко проявилось это в период, когда Мидхат был генерал-губернатором в Дунайском (1864–1868 гг.) и Багдадском (1869–1872 гг.) вилайетах.

В Дунайском вилайете по инициативе Мидхата было построено много шоссейных дорог и мостов, создано транспортное общество, имевшее свою фабрику по производству экипажей, открыты три ремесленных училища¹. Мидхат принял меры для развития торговли, промышленности и земледелия и в Багдадском вилайете. Он создал пароходную компанию, осуществлявшую судоходство по Тигру. Для нужд пароходства были построены док и арсенал. В Багдаде Мидхат открыл шерстопрядильную, бумагопрядильную, ткацкую и суконную фабрики, кожевенный завод, большое ремесленное училище. Недалеко от Багдада была построена первая в этих местах паровая мельница.

Важное место в деятельности Мидхата занимала организация касс, предоставлявших кредит земледельцам. Эти кассы, по его мысли, должны были подорвать власть ростовщиков и содействовать развитию сельского хозяйства. Ненало сделал Мидхат также для улучшения образования и санитарного состояния городов. В Багдаде им были созданы больница, несколько гражданских и военных училищ, народный парк, благоустроен ряд улиц, начато строительство водопровода². Мидхат энергично выступал за развитие отечественной промышленности и поддерживал движение против потребления иностранных товаров.

Вместе с тем на посту вали Дунайского вилайета, Мидхат самым жестоким образом расправился с национально-освободительным движением болгарского народа³. Он стал практиковать в Болгарии насильственный сбор у населения благодарственных адресов, согласно которым болгары довольны своей жизнью под властью турок⁴.

Будучи вали Багдадского вилайета, Мидхат силой заставлял арабские племена платить ашар и другие налоги. Он, например, возглавил карательную экспедицию в Диванию и Догару, где посланные для сбора ашара войска были разбиты восставшими арабами. Мидхат жестоко расправился с повстанцами, предав казни всех их руководителей⁵.

Мидхат был связан с руководителями «новых османов» уже на первых порах деятельности общества, хотя и не принимал участия в его практической деятельности. Он солидаризировался с конституционной программой «новых османов». Турецкий историк Лютфи-эфенди писал, что уже в тот период, когда Мидхат возвратился из Болгарии и стал главой Государственного совета (1868 г.), он «сблизился с группой европеизировавшейся молодежи, известной под именем младотурок, и... еще во времена султана Абдул Азиза начал помышлять о конституции»⁶. Практическая деятельность Мидхата отражала программные взгляды «новых османов».

В 1872 г. Мидхат был переведен из Багдада на пост губернатора вилайета Эдирне. Прибыв в Стамбул, Мидхат добился аудиенции у султана. Сразу после этого последний сместил великого везира Махмуда Недима и назначил на его место Мидхата. Однако Мидхат пробыл на этом посту менее трех месяцев и не сумел осуществить сколько-нибудь серьезных государственных реформ, хотя и попытался устранить вмешательство дворцовой клики в государственные дела, уменьшить непомерные дворцовые расходы и т. д.⁷

После ухода с поста великого везира Мидхат стал председателем верховной судебной палаты, но вскоре был смещен и назначен губернатором Салоник. Там он

пробыл почти год. В августе 1875 г. ему вторично поручили пост председателя верховной судебной палаты, однако в октябре того же года он сам ушел с этой должности, решение подать в отставку он мотивировал своим несогласием с политикой, проводившейся великим везиром Махмудом Недимом. С этого момента он возглавил сторонников «новых османов» и начал борьбу за свержение правительства Недима.

Убеждение в необходимости проведения реформ зародилось у Мидхата уже в молодые годы. Оно окрепло после его поездки в Европу. К сожалению, мы очень мало знаем об этом периоде жизни Мидхата. Известно лишь, что он стремился, по его словам, усовершенствовать знание французского языка. В своих воспоминаниях он писал, как «взглядом ученика смотрел на культурные достижения Европы и по возможности изучал причины этих достижений»⁸. Контраст между тем, что обнаружил Мидхат в Европе, и тем, что наблюдал на родине, поразил его и укрепил уверенность в необходимости реформ.

Одну из основных причин слабости и отсталости Османской империи Мидхат-паша видел в том, что она «за неимением людей, способных признать превосходство осуществленного прогресса (в Европе. — Авт.) и заставить страну сделать шаг вперед, осталась неподвижной и ни в чем не изменила своих старых институтов, которые... оказались в состоянии дезорганизации, так что изменение системы стало неизбежным». Османские подданные «пребывали в состоянии невежества и бедности». Фактором, усугублявшим, по мнению Мидхата, это положение, явилась исключительная пестрота населения государства в национальном и религиозном отношении. При наличии разногласий между османскими подданными империя подвергалась опасности раздела. Именно она и вызвала, по мнению Мидхата, появление закона, получившего название «танзимат-и хайрийе» («благотворительная реформа»), автором которого явился Мустафа Решид-паша (Мидхат-паша, по-видимому, имел в виду Гюльханейский хатт-и шериф 1839 г.). Суть этого закона Мидхат-паша определял как обеспечение «равного и справедливого отношения к самым различным подданным государства», что должно было явиться началом проведения в Османской империи различных преобразований «перед лицом Европы».

По мнению Мидхат-паши, все, что связано с областью управления государством, неизбежно должно изменяться под влиянием событий. Он писал в своей докладной записке на имя султана Абдул Азиза: «Естественно, что дела и вопросы, связанные с любым принципом и любой областью государственного управления, изменяются под влиянием событий,

происходящих каждый день и каждый час. В частности, революции и открытия, которые происходят в наш век и удивляют умы, изменили и потребности нашего существования». Далее он писал, что постоянные изменения и появление все новых потребностей служили причиной издания султанских указов, которые определяли дальнейшие пути развития страны. А новые изменения диктуют необходимость изменить существующие законы и постановления¹⁰

Мидхат-паша считал, что Османская империя постепенно приходила в упадок и становилась второстепенной державой потому, что турки, не реформировав своих государственных институтов, не смогли получить тех свобод, «под сенью которых росла и поднималась европейская цивилизация»¹¹. Личную свободу Мидхат считал «основой цивилизации и процветания». Он писал: «Существование и порядок (организованность) цивилизованного общества в любой стране, в любое время связаны со свободой личности. Нации и народы, которые основывают свое управление на этом принципе, добиваются благоденствия»¹²

Свобода, по мнению Мидхата, есть некое «свойство и достоинство, которое дало человеку представление о том, что он человек, выделило человека из среды животных и довело его до степени совершенства». «Творец даровал человечеству умственные способности, — писал он, — и человек управляет своими внутренними и внешними свойствами в соответствии со своей волей, а потому личная свобода состоит в том, что человек в своих поступках и мыслях, не будучи ограниченным никакими препятствиями, пользуется этой природной способностью»¹³. в соответствии с положением, которое он занимает»¹³. Однако свобода эта не может быть беспредельной: «Человек с помощью разума и способности к познанию обладает свойством различать добро и зло, пользу и вред. Несмотря на это, поскольку в отличие от животной природы, которая является первичной, впечатления ума и рассудка более разнообразны, человек в процессе пользования своими правами свободы может превысить их. Чтобы избежать этого, права свободы и степень полномочий в любом веке и в любом человеческом обществе обеспечивались с помощью общего закона и тем самым охранялись»¹⁴

Представления Мидхата о свободе явно навеяны политической доктриной Монтескье, по словам которого суть политической свободы состоит не в том, чтобы делать, что хочешь, а в том, чтобы делать то, что предписывают законы: «Свобода есть право делать то, что дозволено законами».

Развивая свои мысли о значении свободы, Мидхат-паша писал: «Человек, приобретающий свободу, с одной стороны, ощущает размеры и широту своих способностей и сил, а с другой — безопасность

личности и прав свободы в рамках общего закона. В связи с этим его усердие и старание увеличиваются, и он, делая успехи в научном и практическом отношении, старается отличиться путем приобретения и расширения своих знаний, что улучшает его обычаи и нравы, а также делает более полным его счастье. И, видя результаты своего усердия и трудов, он хочет, естественно, добиться еще большего»¹⁶

Однако осуществление всего этого, отмечает Мидхат, возможно лишь при условии «порядка общественной организации», а потому каждый человек, живущий по правилам свободы, «прежде всего желает, естественно, счастья и порядка общественной организации, членом которой он является». При этом «свободный человек видит собственную пользу в пользе общества, он так же радуется благу и пользе своей родины и соотечественников, как своей собственной пользе, а потому такие похвальные моральные качества, как любовь к родине, ревностное отношение к интересам нации, патриотизм, героизм, взаимопонимание, есть результат и следствие свойств и качеств, которые ведут свое начало от личной свободы». В рассуждениях Мидхата о свободе личности, о ее значении для прогрессивного развития общества четко прослеживается влияние идей Монтескье. Мидхат-паша писал о том, что знаком с произведениями французского философа¹⁶

Пытаясь объяснить причины отсталости Османской империи по сравнению с европейскими странами, Мидхат-паша указывал, что сплоченность и ревностное отношение к интересам родины, свойственные европейским народам, безопасность и процветание их стран — результат действия политических законов, основанных на принципах свободы и равенства. По мнению Мидхата, «если бы принцип свободы и равенства был осуществлен, если бы и мусульмане, и немусульмане стали обладателями равных гражданских и личных прав, если бы все, от пастуха и до султана, подчинялись общему закону, каждый знал бы степень своей свободы и полномочий. Свобода каждого и каждой общины обеспечила бы религиозную свободу, не осталось бы места для оппозиции, вражды и соперничества между различными группами населения. У них, естественно, возникло бы желание служить делу укрепления единства, благосостояния родины, увеличивать силу и мощь государства, подданными которого они являются»¹⁷

Таким образом, выдвигая идею политической свободы, Мидхат-паша связывал ее прежде всего с гражданской свободой, с обеспечением прав всем членам общества, независимо от их религиозной или социальной принадлежности. Выполнение этого принципа рассматривалось Мидхат-пашой как важнейшее условие

решения национального вопроса и предотвращения распада и расчленения Османской империи.

Отсталость Османской империи Мидхат-паша связывал также с недостатками системы образования и темнотой и невежеством масс¹⁸. Он отмечал слабое развитие турецких школ по сравнению со школами нетурецких народов империи, а потому считал необходимым увеличение ассигнований на развитие турецкого народного просвещения, ратовал за непосредственное участие самих турок в развитии образования, ставя в пример христиан. Вместе с тем Мидхат считал нужным содействовать росту образованности среди жителей империи всех вероисповеданий. Правда, он скептически относился к женскому образованию, считая вполне достаточным для женщин начальное образование и обучение ремеслам. Впрочем, в то время даже такое скромное пожелание было прогрессивным для Османской империи.

Прогресс в сфере образования Мидхат-паша связывал с развитием печатного дела. Создававшиеся Мидхатом газеты и выпускавшиеся в его типографиях книги были призваны служить источником распространения знаний среди народа. В просвещении Мидхат-паша видел важнейший инструмент прогрессивного социального развития страны, и в этом также нельзя не заметить влияние идей французского Просвещения, связывавшего социальное зло, в частности, с отсутствием просвещения и невежеством.

Несмотря на то что Мидхат-паша признавал отсталость и общий упадок своего государства и высоко оценивал уровень европейской цивилизации, он вовсе не считал ее примером для слепого подражания, отрицательно относясь к некоторым ее аспектам. Он критически отзывался о некоторых нравах, обычаях и законах европейских стран, ратовал за сохранение национального своеобразия Турции, ее традиций. Мидхат-паша в достаточной мере ознакомился с жизнью Европы, чтобы понять, по его собственным словам, что в ней, несмотря на всю ее цивилизованность, царят алчность, обман, грабеж и насилие. Он признавал за Европой высокий уровень знаний, но отмечал при этом, что она разрушает чистоту нравов и религию¹⁹. Выступая в ряде случаев за преобразование государственных институтов по европейскому образцу, Мидхат предупреждал, что новые принципы не могут сразу прижиться на турецкой почве, ибо в европейских странах они развиваются уже достаточно долго²⁰. Отмечая общее превосходство Европы по сравнению с Турцией, Мидхат-паша вместе с тем высоко оценивал вклад восточных народов в развитие мировой культуры.

Мидхат-паша осуждал политику султанского правительства, считая ее причиной кризиса, который

переживала Османская империя. Он отмечал, что реформы, провозглашенные в период танзимата, плохо проводились в жизнь. Критикуя финансовые мероприятия великого везира Махмуда Недим-паши, Мидхат-паша писал, что он не учитывал «расходов и трат государства» и того «вреда, какой могут принести злоупотребления в области государственного достояния»; при нем не думали о том, «с помощью каких средств будет осуществлено повышение доходов»²¹

Называя финансы душой государственного управления, Мидхат-паша выступал за разумную налоговую политику. Он отлично понимал, что тяжелейший налог ашар истощает страну, в особенности если взимается с помощью откупщиков²². Откупную систему Мидхат-паша всегда осуждал, но вместе с тем считал невозможным в своей непосредственной практике в османских провинциях отменить ее сразу. Для того чтобы уничтожить ее и заменить более разумной системой, считал он, надо постепенно подготовить к этому страну и ее население²³

Деятельность самого Мидхата-администратора не привела к облегчению налогового бремени, так как он стремился выжать из налогоплательщиков все возможное, добиваясь высоких поступлений в казну, чтобы в какой-то мере способствовать выводу государства из финансового кризиса. Кроме того, следует учесть, что при выполнении функций губернатора Мидхат не получал почти никакой финансовой поддержки от правительства, в связи с чем в ряде случаев он был вынужден самостоятельно изыскивать средства для финансирования мероприятий, направленных на развитие производительных сил вилайета. Так конкретные обстоятельства создавали явное противоречие между теоретическими выкладками и практическими действиями Мидхата.

Мидхат-паша горячо ратовал за развитие турецкой экономики. Он писал: «В Османской империи производится сырье для выделывания полотна, ситца, сукна, бумаги, а именно: хлопок, шерсть, кожа... Рабочая сила в Османской империи самая дешевая в Европе. В Османской империи очень много людей, которые в состоянии приложить капитал в торговле и которые хотят делать это.. Почему же в Османской империи не появится человек или общество, которые взялись бы производить все, как в Европе? Почему мы должны покупать у Европы такие простые вещи, как спички и фески?» Мидхат-паша отвечал на этот вопрос так: «Все это объясняется отсутствием свободы личности. Нет закона, который гарантировал бы права населения. Правда, у нас есть законы, есть суд, однако нет того, что гарантировало бы их существование. Акты беззакония вполне возможны. Нет той силы, которая была бы способна защитить созданное

человеком и обществом. Все это в любой момент может быть уничтожено»²⁴

Фактором, препятствовавшим развитию в стране промышленности, Мидхат-паша считал также «слишком высокие ссудные проценты», сожалел, что «в стране нет банков, которые облегчали бы торговые операции, как это делается в Европе»²⁵. Созданные Мидхатом сельскохозяйственные кредитные кассы сыграли определенную роль в развитии банковского дела в стране. Мидхат видел и необходимость подготовки квалифицированной рабочей силы для промышленности. Открытые им ремесленные училища обучали различным рабочим профессиям.

Мидхат не был согласен с теми турецкими государственными деятелями, которые считали, что экономика должна развиваться исключительно за счет государства. Он писал, ратуя за развитие в Османской империи частного предпринимательства: «В Европе ни одно общепользное мероприятие не проводится за счет государства, все делается за счет капиталов и усилиями самого населения». Необходимым условием такого положения Мидхат-паша считал «личную и гражданскую свободу для народа» и законы, гарантирующие ее²⁶

Стремлением обеспечить необходимые условия для развития страны объяснялась и критика администрации. Мидхат осуждал злоупотребления и вымогательство турецких чиновников, которые, по его словам, «стремятся, за редким исключением, удовлетворить лишь собственные интересы и не заботятся о благополучии людей, вверенных их управлению». Все это создавало, считал Мидхат, то состояние дезорганизации, которое европейские державы использовали в своих политических интересах. Мидхат-паша писал, что, если подобные беспорядки не будут ликвидированы правительством, «великие державы под предлогом проведения реформ захотят передать в руки иностранных чиновников управление анатолийскими вилайетами»²⁷

Забываясь о благосостоянии Османской империи и пытаясь найти пути выхода из финансового кризиса, Мидхат-паша в ряде случаев приветствовал получение займов у европейских стран, хотя и понимал, что эти займы несут опасность усиления политического влияния государств-кредиторов. Европейские державы, по его мнению, угрожали независимости и целостности османского государства²⁸

Активно способствуя строительству дорог в Османской империи, Мидхат-паша вместе с тем выступал против кабальных условий, навязывавшихся иностранными капиталистами при заключении концессионных соглашений. Понимал Мидхат-паша и губительное воздействие конкуренции иностранных товаров на развитие слабой еще промышленности Турции.

Перед лицом роста национально-освободительного движения Мидхат-паша искал средства для решения этой серьезнейшей проблемы. Он вынужден был признать, что нетурецкое население провинций имело основания жаловаться на свое положение. Однако причину розни между мусульманами и немусульманами Мидхат-паша видел не в религиозных противоречиях, а в плохом управлении. Считая положение мусульман и немусульман одинаково тяжелым в условиях султанского режима, Мидхат-паша писал, что немусульмане опередили мусульман в своем развитии благодаря нескольким факторам: сохранению самостоятельных религиозных общин, что позволяло им защищать свои интересы; помощи и покровительству иностранных держав; неучастию в военной службе, в результате чего они не несли никаких материальных потерь; созданию широкой сети школ в рамках своих религиозных общин. Все это, по его мнению, способствовало росту их «силы, богатства и образования»²⁹

Действительно, в европейских провинциях Османской империи, где большинство населения было христианским, уровень экономического и культурного развития был несколько выше, чем в азиатских провинциях страны. Уже в XVIII в. на Балканах начали складываться элементы капиталистических отношений. В Греции, Сербии и Болгарии значительных успехов достигла торговая и сельская буржуазия. С конца XVIII в. на Балканах в текстильном и металлообрабатывающем производстве появились мануфактуры. Усилившиеся торговые связи с Европой способствовали росту купеческой буржуазии, особенно в портовых городах. Одновременно с развитием на Балканах элементов капиталистических отношений там шел процесс национальной консолидации народов.

Мидхат-паша утверждал, что ислам как религия, покоящаяся на принципах «равенства и демократии», «свободы», присущих ей изначально, предоставил нетурецким народам возможность свободного развития в рамках государства, созданного турками в средние века. Он писал, что «все религии во все времена пользовались в Турции безопасностью, а также полной свободой как в отправлении своих культов, так и в обеспечении интересов своих общин», причем «мусульманская религия предусматривала правосудие». Именно веротерпимость и правосудие, утверждал Мидхат, привлекали на сторону турок покоренные народы и завоевывали расположение еще не покоренных в процессе завоевания³⁰. Он ставил в заслугу туркам, что они якобы вовсе не принуждали христиан принимать ислам. Однако известны и другие его слова: Мидхат не раз заявлял, что турки допустили большую ошибку, не обратив в ислам немусульманских подданных султана³¹. По-видимому, он считал, что это позволило бы империи

избежать впоследствии возникновения острых социальных проблем.

Рост национально-освободительной борьбы нетурецких народов империи Мидхат-паша объяснял, в частности, тем, что реформы 1856 г. не проводились в жизнь «из-за частых смен правительства, разногласий во взглядах, беспорядков и трудностей внутри страны». Он считал также, что недовольство христиан своим положением подогревалось в политических целях Россией. Именно Россия, как считал Мидхат-паша, провоцировала выступления христиан, бывших, по его мнению, слепым орудием в ее руках³². Мидхат не хотел считаться с тем фактом, что национально-освободительная борьба народов Балкан в первую очередь активизировалась в результате роста их национального самосознания, с одной стороны, и произвола турецких властей — с другой. Исходя из целей ликвидации национально-освободительной борьбы, Мидхат-паша призывал правительство дифференцированно подходить к управлению вилайетами, учитывая присущие каждому из них потребности, а также нравы, обычаи и традиции его населения. Он выступал против излишне централизованной системы управления вилайетами и говорил, что власти «совершают большую ошибку, желая применить одни и те же законы и установления к провинциям, которые отличаются друг от друга географическим, экономическим и социальным положением, национальным составом и религией...»³³.

Важное место в системе взглядов Мидхат-паши занимала доктрина османизма. Уже в Болгарии, находясь на посту генерал-губернатора Дунайского вилайета, Мидхат пытался на практике осуществить основные принципы доктрины османизма, предусматривавшей создание в Османской империи единой «османской нации», члены которой независимо от их вероисповедания или национальной принадлежности должны получить равные права и иметь равные обязанности как подданные одного государства. Впоследствии, вероятно под влиянием идей «новых османов», Мидхат-паша обратил свое внимание и на теоретическое обоснование доктрины.

По мнению Мидхата, все жители, «мусульмане и немусульмане, являясь сынами одной и той же страны, имеют нечто общее, а именно: они подчинены одному монарху, они являются созидателями всего, что приносит пользу государству, они обладают общими человеческими правами». Мидхат мечтал о том времени, когда исчезнут «вражда и соперничество между различными группами населения», когда у них «возникнет желание служить делу укрепления единства и благосостояния родины...»³⁴. Он писал: «Все подданные, независимо от их религии, называются «османами». Все

должны охранять и взаимно уважать свободу, безопасность и права каждого»³⁶

Религиозные взгляды Мидхата укрепляли его веру в возможность создания единой «османской нации». Являясь членом ордена мевлеви³⁶, проповедовавшего идею равенства представителей различных вероисповеданий, Мидхат-паша говорил тем, кто, ссылаясь на авторитет Корана, не признавал за христианами равных прав с мусульманами: «Вы читаете Коран, не понимая его. Не поклоняемся ли мы одному и тому же богу? Какое имеет значение, что одни приписывают свойства пророка Мухаммеду, а другие признают их исключительно за Иисусом Христом! Это вопросы формальные, которые нашим образом не затрагивают великого принципа, т.е. общей веры в одного и того же Бога!»³⁷. Идея равенства представителей разных вероисповеданий, проповедовавшаяся орденом, получила новое содержание в условиях борьбы с феодально-клерикальной реакцией, подкрепляя сформулированную в 60-70-е годы XIX в. доктрину османизма.

Убеждение в необходимости изменить саму систему государственного управления заставило Мидхата перейти из лагеря умеренных реформаторов, считавших возможным продолжение танзиматских реформ, в лагерь конституционалистов, считавших невозможным проведение каких бы то ни было реформ в условиях сохранения абсолютизма и добивавшихся введения в стране конституции. Оставаясь убежденным сторонником сохранения власти султана, Мидхат-паша стремился к ограничению ее, так как произвол монарха, его нежелание считаться с мнением министров приводили, по убеждению Мидхата, к полному расстройству государственных дел. Мидхат-паша обвинял султана Абдул Азиза в нежелании связывать себя рамками каких бы то ни было законов, но он не приписывал стремления к абсолютизму и деспотизму любому представителю монархической власти, не критиковал сам институт султанской власти. Он верил в разумного монарха и положительно оценивал деятельность того же Абдул Азиза в первые годы его правления, отмечая, что государственные дела в Османской империи начали приходить в упадок только из-за непонятного изменения характера султана³⁸. Мидхату казалось, что вредные для интересов государства действия монархов вообще происходят из-за того, что правда всегда «последней входит во дворец»³⁹ «Сколько несчастий удалось бы избежать в этом низменном мире, если бы в нем было побольше людей, способных говорить всю правду своему монарху», — писал Мидхат. По его мнению, говорить султану правду означало проявлять истинную лояльность⁴⁰, а скрывать ее — совершать акт прямой измены⁴⁰.

Критика абсолютной власти султана и политики правительства получила со временем в системе взглядов Мидхата завершение в логически естественном выводе о необходимости ограничить власть султана и сделать министров ответственными за свои действия с помощью конституции и палаты депутатов.

До начала восстаний на Балканах Мидхат-паша открыто не выступал с пропагандой конституционных идей, и это послужило поводом для обвинения его в том, что призывы к введению в стране конституции были вызваны исключительно конъюнктурными соображениями. Таково было почти единодушное мнение европейских, особенно русских, обозревателей. Однако это мнение далеко от истины.

В 1874 и 1875 гг. Мидхат-паша не занимал сколько-нибудь важных постов в правительстве, вел жизнь частного лица, и потому деятельность и тогдашние взгляды его были мало известны европейским обозревателям. Между тем именно в эти годы, перед балканскими восстаниями, Мидхат-паша вел активную политическую жизнь. В его доме не раз собирались недовольные султаном Абдул Азизом и его правительством лица из среды правящей верхушки, которые поддерживали Мидхата в его оппозиционных взглядах.

Открыто заговорил Мидхат-паша о конституции лишь в сентябре 1875 г., убедившись в неспособности правительства покончить с восстаниями на Балканах и урегулировать внутривосточный кризис.

Мидхат-паша выдвинул весьма умеренную программу, которая предусматривала установление некоторого контроля национального собрания над султаном и его министрами, в частности в финансовых делах. Учитывая крайнюю слабость группировки конституционалистов в тот период, Мидхат-паша следовал, по его словам, идеям Монтескье, заявляя, что переход к конституционному правлению есть дело трудное и длительное. По мнению Мидхата, монарх, пользуясь абсолютной властью, может лишь постепенно идти на ограничение своей власти. При этом Мидхат-паша считал, что в развитии этого процесса могут быть периоды, когда побеждают антиконституционные течения⁴¹.

Конституция и парламент (палата депутатов), как считал Мидхат-паша, должны были обеспечить такие социально-экономические условия, при которых учитывались бы интересы всех народов, населяющих Османскую империю, и стало бы возможным их процветание и благополучие⁴². Это обеспечение интересов всех османских подданных должно было осуществляться, по мысли Мидхата, через равное представительство мусульман и немусульман в палате депутатов. В результате большинство представителей от

европейской части Османской империи были бы христианами, а от азиатской — мусульманами⁴³.

Конституционный план Мидхата сводился, по существу, к предоставлению членам палаты депутатов, как мусульманам, так и немусульманам, права вносить и обсуждать проекты законов, контролировать финансы страны, определять размеры налогов и способы их взимания. Перечисленные пункты содержались в первом проекте конституции, составленном Мидхатом⁴⁴. Проект этот был в значительной мере изменен в процессе обсуждения, и права палаты депутатов были сведены к обсуждению законопроектов, внесенных правительством. Однако Мидхат-паша предлагал впоследствии такое развитие режима конституционной монархии, при котором законодательная власть перешла бы к парламенту.

Противники реформ обвиняли Мидхат-пашу в том, что он вынашивал республиканские идеи. В своих воспоминаниях он отрицает это⁴⁵. Однако известно, что Мидхат-паша проявлял некоторый интерес к республиканским идеям. В частности, достоинства и недостатки республиканской формы правления он обсуждал в своей переписке с Гамбеттой, известным французским политическим деятелем⁴⁶.

Создание палаты депутатов в рамках конституционной монархии Мидхат-паша считал важнейшим фактором возрождения Османской империи и устранения всех внутренних и внешнеполитических трудностей. Задачи борьбы с самодержавием, по убеждению Мидхата, могли быть решены в ходе деятельности палаты депутатов, поэтому он так торопился с провозглашением конституции и созданием парламента.

Конституционные взгляды Мидхата не следует рассматривать в отрыве от конституционных идей «новых османов». Вместе с тем следует отметить, что он никогда не был политическим лидером «новых османов». Убедившись в невозможности изменить положение в стране с помощью отдельных реформ, Мидхат-паша поддержал конституционные планы «новых османов», так как пришел к тем же политическим выводам, что и они. Провозглашение в стране конституции и создание палаты депутатов, представляющей все национальности Османской империи, должно было, по глубокому убеждению Мидхата, создать все условия для развития «материальных богатств» страны, что позволило бы ей занять достойное место в Европе⁴⁷.

В своей борьбе за устранение иностранного вмешательства во внутренние дела империи Мидхат-паша рассчитывал на противоречия, существовавшие между державами. Он всегда выступал сторонником тесных контактов с Англией, видел в английской политике противовес притязаниям России. Лишь после войны 1877-1878 гг., когда Англия не оказала Османской

империи той военной и политической помощи, на которую он так рассчитывал. Мидхат-паша разочаровался в дружественных заявлениях английских политиков.

Мидхат-паша считал, что механизм нового конституционного строя должен приводиться в движение новыми людьми, которых абсолютистский строй дать не мог. Он предостерегал турецких государственных деятелей от того, чтобы они питались теми же идеями и действовали теми же средствами, которые были присущи абсолютистскому режиму. При этом он с грустью отмечал, что таких «новых людей» нет⁴⁸

Между тем в Османской империи зрели и крепились силы, способные гарантировать существование турецкой конституции. В создании и укреплении конституционного режима была заинтересована инациональная и турецкая буржуазия. Но в ее среде не было единства. Инациональную буржуазию отталкивало от конституционалистов их стремление сохранить в стране господствующее положение турок. Да и сами конституционалисты были еще политически очень слабы, не смогли создать идейно и организационно сплоченной партии, которая бы возглавила борьбу с феодально-абсолютистским режимом.

Мидхат-паша, выступая против абсолютизма, административного произвола, за развитие экономики и культуры, за политическую независимость страны, активно содействовал формированию и росту прогрессивных сил турецкого общества. Вместе с тем нельзя не отметить умеренность общественно-политических взглядов Мидхата, его склонность к компромиссу с абсолютизмом, реакционность его великодержавной идеологии. В этом, как и в ряде других проявлений его политической и государственной деятельности, сказалось влияние мусульманской феодально-бюрократической среды, того социального слоя, с которым теснейшим образом была связана вся жизнь Мидхат-паши.

Г л а в а X I

РЕФОРМАТОРЫ НОВОЙ ВОЛНЫ

В качестве непосредственных продолжателей дела конституционалистов 60–70-х годов выступили младотурки. В идеологии и политике младотурецкого движения нашли отражение основные программные установки «новых османов» — замена феодально-абсолютистского режима конституционной монархией и единение всех народов многонациональной Османской империи.

Лидеры и идеологи младотурок продолжали развивать сформулированное «новыми османями»

положение о неотчуждаемости верховной власти. В их публицистике отразилась, в частности, идея Намыка Кемаля о том, что принадлежащее народу право верховной власти передоверяется правителю, ответственному перед народом. Абдуллах Джевдет утверждал, что власть и права султана законны только в том случае, если он выступает в качестве «полномочного представителя нации», является «олицетворением народовластия»¹. Мысль о том, что верховная власть принадлежит всему обществу и от его лица передается правителям, развивалась и в работе Лютфи «Нация и правительство»². По мнению Мурада, «всеобщее право, право нации никогда не подвластны произволу одной личности»³.

В отличие от идеологов конституционного движения 60–70-х годов, которые выдвигали принципиально новую в условиях Османской империи идею о возможности установления в стране парламентского строя, лидеры младотурок могли опереться на конкретный опыт конституции 1876 г. и первого турецкого парламента. Идеологи младотурецкого движения стремились обосновать преимущества конституционного правления по сравнению с режимом абсолютной власти. Эта проблема рассматривалась ими не только в теоретическом, но и в практическом аспекте – на основе анализа опыта применения системы конституционного управления в ряде стран. В частности, в одной из книг, изданных младотурками, весьма детально исследовались характерные черты абсолютистского правления и конституционного режима. В работе сравнивались некоторые данные о состоянии экономики и культуры Англии, Франции, Германии, Австро-Венгрии, Италии, Греции, России, Турции и Ирана. Автор стремился на конкретных примерах убедить читателя в том, что в экономическом и культурном отношении государства, где господствует абсолютизм, намного отстают от государств, в которых утвердился конституционный режим⁴.

Вместе с тем идеологи младотурок по-разному оценивали смысл и значение конституционных реформ. Ахмед Риза и его единомышленники, составлявшие ядро общества «Единение и прогресс» («Иттихад ве теракки»), рассматривали установление конституционного строя как создание условий, которые реально обеспечивают общественный прогресс. Турецкий историк Фындыкоглу, изучавший вопрос о влиянии позитивистской идеологии Огюста Конта на взгляды Ахмеда Ризы, отмечал, что статьи, публиковавшиеся Ризой в газете «Мешверет», пропагандировали конституцию «как средство прогресса в рамках порядка»⁵. Риза и его сторонники считали, что ликвидация произвола и беззакония, свойственных абсолютизму, и установление системы законодательства,

опирающегося на принципы конституционной монархии и парламентаризма, обеспечат свободу личности и экономический прогресс. Один из видных деятелей общества «Единение и прогресс», известный историк Ахмед Саиб, писал в 1900 г. «Для того чтобы достичь благополучия страны, необходимо разрушить абсолютизм, являющийся источником всех зол. и создать систему конституционного правления»⁶. Установление режима конституционной монархии и созыв палаты депутатов Ахмед Саиб характеризовал как «средство спасения» страны.

Ахмед Риза и его приверженцы, продолжая просветительскую линию «новых османов», постоянно подчеркивали, что важнейшим условием реального обеспечения принципов конституционной монархии является просвещение народа. «Просвещение — основа культурного прогресса, — писал Ахмед Риза. — Просвещение обеспечивает богатство и процветание страны, величие государства и его будущее, права, жизнь и иущество людей»⁸. В одной из своих программных статей в «Мешверет» Ахмед Риза еще более категорически утверждал, что просвещение представляет собой важнейший инструмент общественного прогресса. «Свобода и независимость народа могут быть обеспечены, — писал он, — посредством осознания этой необходимости всеми людьми. Нация, обладающая свободой совести и мнений в результате распространения знаний и просвещения, свободна даже тогда, когда закон не благоприятствует этому, между тем как народ, живущий при самых свободных законах, ведет, если он невежествен, жизнь, ничем не отличающуюся от рабства»⁹. Ахмед Риза считал, что причиной неудачи конституционного движения 60-70-х годов была неподготовленность масс к восприятию конституционных идей¹⁰. Значение просвещения народа в качестве средства пробуждения в людях «сознания политического долга и чувства ответственности по отношению к государственным делам» подчеркивалось и в статьях, публиковавшихся в издававшейся младотурками газете «Шура-и уммет»¹¹.

Поскольку султан Абдул Хамид стал олицетворением самых худших черт феодально-абсолютистского режима, критика абсолютной власти часто принимала у младотурок характер личной критики султана. «Я стыжусь назвать монархом человека, — писал в «Мешверет» Ахмед Риза, — не озабоченного ничем, кроме своей персоны, готового во имя своего спокойствия и благополучия пожертвовать всем — честью и достоинством государства, правами нации»¹². В одной из статей, опубликованных в мае 1902 г. в «Шура-и уммет», говорилось о необходимости «спасти родину от гнета правителя, который поддерживает свою силу и власть, разделяя и противопоставляя друг другу

подданных»¹³. Деспотизм и произвол Абдул Хамида младотурки считали главным злом, с устранения которого должно начаться переустройство Османской империи на конституционных принципах.

В отличие от Ахмеда Ризы и его единомышленников, вслед за «новыми османами» утверждавших, что ликвидация абсолютизма, установление режима конституционной монархии и просвещение народа могут обеспечить экономический, политический и культурный прогресс Османской империи, принц Сабахеддин был убежден, что сами по себе конституция и парламент не смогут обеспечить прогресс страны, если дело ограничится только изменением системы правления и не произойдет перемен в структуре общества. Сабахеддин считал, что ниспровержение системы абсолютной власти только тогда принесет ощутимые результаты, когда оно будет сопровождаться серьезными изменениями в «образе нашей жизни». «Мы никогда не сможем обеспечить свободу и независимость личности, — писал он в одном из писем, посланных своим единомышленникам в Стамбул, — простым свержением Абдул Хамида. Если мы не выявим и не устраним коренные причины нашей нищеты, место сегодняшнего Абдул Хамида никогда не будет пустовать — уйдет он, на его место придут другие!»¹⁴

Сабахеддин утверждал, что само по себе конституционное правление не может излечить пороки общества, вытекающие из особенностей его структуры. Эту мысль он сформулировал, выступая на конференции, устроенной его сторонниками в Стамбуле 3 сентября 1908 г., после победы младотурецкой революции. «Если мы не умножим производительные силы своими личными усилиями, — говорил Сабахеддин, — то мы снова станем рабами, какими бы большим благом ни была конституция... Нас спасут не законы, не государственные деятели... только наша собственная работа»¹⁵

Одним из источников политических и идейных разногласий в среде младотурок был вопрос о принципах, на которых должно базироваться управление империей, превращенной в конституционную монархию. Деятели общества «Единение и прогресс» считали, что административное управление должно строиться на основе строгого централизма. Э.З.Карал отмечает, что, по мнению иттихадистов, централизм в управлении страной должен был наряду с единением «всех османов» и просвещением народа обеспечить укрепление государства¹⁶. В отличие от них Сабахеддин и его сторонники полагали, что применение методов конституционного правления принесет успех только в том случае, если будет обеспечен принцип децентрализации власти. Сабахеддин писал накануне революции 1908 г., что после провозглашения

конституции и созыва парламента должны быть немедленно приняты меры к тому, чтобы вопросы, касающиеся местного управления, в частности право распоряжения доходами того или иного вилайета, полностью перешли в компетенцию провинциальных советов, избираемых населением. Он подчеркивал, что если сбор налогов по-прежнему будет находиться в компетенции монарха и правительства, «страна останется под гнетом деспотии». Сабахеддин считал, что если даже парламент будет распоряжаться налогами в столице страны, «система управления будет централистским конституционализмом и нация из раба одного человека превратится в раба нескольких сотен деспотов»¹⁷. Эта установка вызвала острую критику со стороны иттихадистов, обвинявших Сабахеддина в том, что он предает интересы империи, ведет линию на предоставление автономии нетурецким народам.

Младотурки, в подавляющем большинстве, стремились согласовать свои взгляды с нормами и принципами ислама. Ахмед Риза, в частности, не раз выступал в печати со статьями, в которых полемизировал с европейскими авторами, считавшими мусульманскую религию причиной отсталости и упадка Османской империи. Продолжая в этом вопросе линию «новых османов», Ахмед Риза утверждал, что «ислам с социальной точки зрения может считаться почвой, пригодной для прогресса...»¹⁸. Он отмечал, что принцип выборности халифа был установлен исламом, что халиф был ответствен перед народом за свои действия. Риза утверждал, что ислам не только не выступает против принципов конституционного правления, но и «ни в коем случае не является врагом республиканского строя»¹⁹.

Лидеры младотурецкого движения придавали большое значение тому, чтобы идеи о соответствии конституционных принципов и норм ислама пропагандировались среди мусульманского населения империи. В июле 1908 г., буквально на следующий день после восстановления конституции, в Стамбуле была издана брошюра, обращенная к жителям провинций. В ней разъяснялись сущность конституционного строя и система выборов в палату депутатов. Брошюра содержала специальный раздел «Ислам и конституция», где подробно рассказывалось о том, что конституционное правление полностью соответствует духу и канонам мусульманской религии²⁰.

Как пишет Ю. Х. Баур, общество «Единение и прогресс» с момента его основания и до середины 1906 г. выступало против использования восстаний в борьбе за достижение своих целей²¹. Однако сама идея восстания народа против деспотического режима была высказана в среде младотурок еще в конце XIX в. Ее выдвигали на страницах газеты «Османлы» лидеры

женевской группы младотурок (Исхак Сюкути, Абдуллах Цжевдет и Туналы Хильми). В 1898 г. эта газета опубликовала статью под названием «Восстание», в которой говорилось: «Восстание – единственное средство, которое дает новую жизнь слабой и больной нации. Обратимся к примерам истории, и мы увидим, что нация, забывшая свое человеческое достоинство, ставшая игрушкой деспота, впадшая в невежество и приблизившаяся к животному существованию, может избавиться от этого состояния только при помощи восстания...»²² Такого рода идеи высказывались в «Османлы» не раз, однако точка зрения издателей этой газеты длительное время не разделялась большинством младотурок. К сказанному следует добавить, что для редакции «Османлы» восстание отнюдь не было равнозначно народной революции против деспотизма. Скорее это был призыв к активным действиям революционеров-младотурок, направленным на свержение султана Абдул Хамида.

Заслуживает внимания и тот факт, что в высказываниях некоторых деятелей младотурецкого движения, на страницах газет младотурок стал обсуждаться вопрос о роли и значении политической партии в жизни общества. В одной из статей, опубликованных в «Шура-и уммет», говорилось что центром общественной жизни должна быть «политическая партия, которая будет пробуждать народ и призывать его к единству...» Мысль о политической партии в качестве «лидера народа» высказывал и Ахмед Риза²³.

В системе идейных воззрений младотурок центральное место занимала доктрина османизма, основы которой были заложены «новыми османам». Ей были посвящены многочисленные статьи, публиковавшиеся в эмигрантских газетах и журналах. В газете «Османлы» от 15 июня 1899 г. изложение целей младотурок начиналось со слов о необходимости единения всех народов империи²⁴. В программном номере «Шура-и уммет» от 10 апреля 1902 г. говорилось о необходимости «создать искреннее единение различных османских элементов, порожденное патриотическими переживаниями, прилагать усилия для достижения единства взглядов османских подданных – мусульман и немусульман – по политическим вопросам»²⁵. В этом вопросе взгляды Сабахеддина совпадали с воззрениями идеологов общества «Единение и прогресс». Принц неоднократно писал о том, что единство «соотечественников-османов» обеспечит успех в борьбе с деспотизмом и прогресс всех народов империи, призывал «трудиться во имя того, чтобы объединить силы наших соотечественников – турок, арабов, албанцев, арийцев, македонцев, курдов, евреев и других и таким путем положить конец нынешним злоупотреблениям и заложить первые камни в фундамент завтрашнего справедливого образа правления»²⁶.

И все же во взглядах лидеров младотурок на эту проблему существовали определенные различия. Ахмед Риза рассматривал доктрину османизма как средство достижения единства народов империи в рамках строго централизованного государства с безусловным сохранением господствующего положения турок. Сабахеддин же связывал идеи османизма с децентрализацией управления, что давало нетурецким народам некую надежду на создание национально-культурной автономии.

Младотурки в подавляющем большинстве были сторонниками централистского османизма. Исходной точкой их рассуждений на эту тему была обычно мысль о том, что Османская империя – общая родина для всех населяющих ее народов. Самипашазаде Сезаи-бей утверждал, например, на страницах «Шура-и уммет», что у всех народов империи – одна родина. «Они рождены под одним небом, – писал Сезаи-бей, – выросли в одном климате, дышали одним воздухом... Для них лоно родины – исцелитель страданий и убежище от тревог»²⁷

Среди младотурок были отдельные идеалисты, всерьез верившие в возможность воспитать «чувство общей родины» у различных народов Османской империи. Но большинство их сознательно стремилось насаждать утопическое ощущение «общего патриотизма» с определенной политической целью – сохранить в целостности создававшуюся веками империю, власть турецкого султана над всеми ее народами. Для той же части младотурок, которая шла за Сабахеддином, османизм был средством, с помощью которого она рассчитывала достичь политического союза с весьма сильной инациональной буржуазией Османской империи, который, как это понимали наиболее дальновидные деятели движения, мог существенно облегчить младотуркам борьбу с деспотическим режимом Абдул Хамида.

Особенно активно велась пропаганда идей османизма в связи с подготовкой парижского конгресса младотурок 1907 г. Мысль о единстве в пределах «общей родины» красной нитью проходила через многие письма, направлявшиеся центром иттихадистов в Париже деятелям национальных нетурецких революционных организаций Османской империи. «Эта страна – собственность и состояние каждого лица, называющего себя османом», – говорилось в одном из таких писем. Далее авторы письма заявляли, что цель их деятельности состоит в том, чтобы «обеспечить равенство всех соотечественников – турок, курдов, болгар, арабов, армян и других – и добиться их единодушия, деля между ними радости и беды родины»²⁸

Доктрина османизма препятствовала созданию союза революционных сил всех народов страны выступавших

против феодального абсолютизма. В условиях роста национально-освободительных движений для достижения хотя бы временного соглашения о единстве действий нужны были не громкие фразы об «общем чувстве патриотизма», а четкие и определенные гарантии равных политических прав и развития национальных культур народов империи.

Между тем у централистски настроенных лидеров младотурок в общих рассуждениях о «равенстве прав всех османов» то и дело проскальзывали элементы великодержавных, шовинистических настроений. Подчеркивание особой роли и значения турок в жизни Османской империи было в их пропаганде нередким явлением. В публицистике младотурок отчетливо прослеживалась мысль о том, что условием совместной борьбы всех народов империи против абсолютизма должен стать отказ нетурецких народов от целей национально-освободительной борьбы. Так, Мурад в газете «Мизан» писал, что греки Крита или албанцы Македонии должны искать решение своих проблем только на путях борьбы за прогресс Османской империи²⁹.

Примечательно, как представляли себе младотурки участие нетурок в деятельности комитетов общества «Единение и прогресс». В одном из писем, направленных из парижского центра иттихадистов одному из активистов общества в Казанлык (Болгария), говорилось: «Если придет некий армянин и скажет: «Я — османец, я предан османизму, готов служить османизму в рамках вашей программы», то великодушие и гостеприимство, свойственные мусульманам и туркам, требуют назвать этого армянина соотечественником и сказать ему: «Добро пожаловать...» Если мы допустим в наше общество османа-немусульманина, то только при соблюдении его условия»³⁰.

Стремление в той или иной форме навязать нетурецким подданным султана свое представление о принципах единения и смысле доктрины османизма не смогло способствовать притоку в младотурецкое движение революционных сил нетурецких народов. Предлагаемые условия объединения означали практически отказ от национальных устремлений, унижали национальное достоинство нетурецких народов. Однако, даже если бы в пропаганде младотурок более последовательно отстаивались принципы подлинного равенства всех «соотечественников-османов», идея османизма не смогла бы в условиях Османской империи начала XX в. овладеть нетурецкими нациями. Идеологи младотурок не учитывали тот исторический факт, что социальное и национальное развитие неизбежно вело нетурецкие народы Османской империи к борьбе за национальную независимость. В рассматриваемый период перед ними был пример успешной борьбы сербов, греков

и болгар, добившихся национального освобождения. Стремлению к созданию самостоятельных национальных государств наивно было противопоставлять туманную перспективу «братства и равенства» в рамках реформированного на конституционный лад турецкого государства. Сама по себе пропаганда идей османизма не принесла бы ощутимых результатов, если бы конкретные условия политической ситуации не привели в 1907 г. к временному соглашению младотурок и ионациональных революционных партий и группировок. Доктрина османизма не имела реальной исторической перспективы. Ее использование в практике политической борьбы турецких реформаторов определялось главным образом поисками путей сохранения целостности Османской империи в новых социальных и политических условиях.

Характеризуя идеологию реформаторов-младотурок, необходимо отметить, что в их публицистике отчетливее звучали антиимпериалистические настроения. Иттихадисты активно выступали против экономического и политического засилья европейских держав в Османской империи. В первом же номере «Шура-и уммет» среди важнейших программных установок общества «Единение и прогресс» было сформулировано требование обеспечить политическую независимость Османской империи и защиту ее от всех видов иностранного вмешательства³¹. Во многих статьях и книгах, написанных видными деятелями младотурецкого движения, подчеркивалась мысль о необходимости всеми средствами воспрепятствовать стремлению держав раздробить Османскую империю или отторгнуть от нее часть территории.

В газете «Мизан» публиковались статьи, направленные против капитуляционных привилегий иностранцев, против грабящих страну иностранных купцов, против иностранного вмешательства во внутренние дела страны³². Ахмед Риза писал в «Мешверет» в апреле 1896 г.: «Мы считаен позором для чести и достоинства нации не только хозяйничанье иностранцев внутри нашей страны, но даже их вмешательство в наши дела извне»³³. Осуждение капитуляционного режима и всех форм иностранного вмешательства во внутренние дела страны содержалось во многих статьях, публиковавшихся в «Мешверет». Статьи, направленные против экономической и политической зависимости Османской империи от империалистических держав, писал Халиль Ганем. В них он, в частности, обвинял султана Абдул Хамида в том, что тот сделал честь своих подданных игрушкой в руках иностранцев³⁴.

Младотурки остро реагировали на передачу острова Крит под власть генерал-губернатора, назначенного в результате международного соглашения. В статьях,

опубликованных в «Османлы», говорилось, что вмешательство держав в критский вопрос было вызвано не «миротворчеством», а стремлением обеспечить свои выгоды. Газета обвиняла европейские державы в том, что проводимая ими политика в отношении Османской империи воскрешает времена крестовых походов³⁵

Желание противодействовать экономической экспансии империалистических держав, протест против полуколониального положения Османской империи сочетались в воззрениях младотурок с мыслями о необходимости обеспечить условия для всестороннего независимого развития экономики страны. Деятели младотурецкого движения с горечью отмечали, что деспотический режим Абдул Хамида довел сельское хозяйство, промышленность и торговлю страны до крайне бедственного положения. Абдуллах Джевдет писал, что в стране «нет ни торговли, ни промышленности, ни даже сельского хозяйства...»³⁶ Многие статьи в «Мизан», «Мешверет», «Османлы» и других газетах младотурок были посвящены бедственному положению сельского хозяйства, нищете и страданиям крестьян. В «Мешверет», в частности, говорилось, что деспотический режим довел крестьян, отдающих правительству все плоды своего труда, до рабского состояния. Газета писала, что крестьяне разорены, ведут полуголодное существование³⁷ Однако никто из идеологов младотурок не предлагал конкретных мер, направленных на решение аграрного вопроса. Даже предложения о ликвидации натурального налога — ашара стали звучать в пропаганде иттихадистов только накануне революции 1908 г. До этого младотурки не шли дальше общих призывов к ликвидации деспотизма и распространению знаний.

В конце XIX в. у младотурок зародился интерес к положению и проблемам рабочего класса. Эта тема впервые была затронута в мае 1898 г. на страницах «Османлы». Газета обращала внимание читателей на то, что «близится время решения рабочего вопроса». В числе породивших его причин газета называла безработицу, а с перспективами решения рабочего вопроса связывала будущие перемены в жизни человечества³⁸ Однако подобного рода статьи были случайным явлением.

Иттихадистов волновали и проблемы турецкой культуры. Одним из проявлений этого было их стремление вести борьбу за приближение турецкого литературного языка к народному, за его «тюркизацию». Сезаи-бей, в частности, ратовал на страницах «Шура-и уммет» за язык, доступный народу. Он призывал литераторов отказаться от языка произведений турецкой средневековой литературы, считая, что это поможет ускорить просвещение турецкого народа³⁹.

О росте национального самосознания в среде младотурок свидетельствовал проявлявшийся ими интерес к Анатолии. Одна из иттихадистских групп даже издавала в Каире в 1902 г. газету «Андолу». В этой газете об Анатолии говорилось как о «старой земле турок», «священной родине», изнывающей под игом деспотизма⁴⁰. В анонимной брошюре, изданной младотурками, Анатолия была названа «надеждой будущего государства и нации»⁴¹. В таком повороте от «общеимперского» к анатолийско-турецкому патриотизму намечались политические контуры туркизма, центральной идеей которого стало впоследствии создание турецкого национального государства.

В 1904 г. в Каире сын Намыка Кемалья Али Кемаль издавал газету «Тюрк», в которой публиковались статьи, пробуждавшие национальное самосознание турок. Хотя Али Кемаль стоял в основном на позициях османизма, в газете печатались статьи Юсуфа Акчуры, в которых на первый план выдвигались вопросы, связанные со становлением национальной культуры, ростом национального самосознания турок⁴².

Одновременно на взгляды младотурок стали оказывать воздействие и пантуркистские идеи. Их высказывал, например, один из членов первого младотурецкого кружка, созданного в военно-медицинском училище, — Хюсейнзаде Али. Он был в числе первых проповедников идеи единения всех турок, проявлял интерес к идеям пантуранизма⁴³. Материалы переписки парижского центра общества «Единение и прогресс» свидетельствуют о том, что в 1906 г. некоторые деятели младотурецкого движения думали об объединении всех тюркоязычных народов. Они высказывали мысль о возможности создания империи «от берегов Адриатики до границ Китая», основой которой должно было стать языковое, религиозное и национальное единство населяющих эту обширную территорию народов⁴⁴.

Отдельным представителям движения не чужды были и панисламистские идеи, хотя в целом до революции 1908 г. панисламизм имел среди младотурок мало сторонников. В переписке ряда деятелей младотурецкого движения с зарубежными мусульманами выдвигались идеи о том, что реформированная конституционная Турция может стать оплотом освободительного движения мусульман, направленного против иностранного империализма, и что она сможет возглавить демократизацию и культурный прогресс мусульманских народов⁴⁵.

Говоря о панисламизме в воззрениях младотурок до революции 1908 г., необходимо отметить, что они считали возможным использовать его в качестве оружия в борьбе с экспансией империалистических держав на

Востоке. В письме, направленном парижским центром общества «Единение и прогресс» группе кавказских мусульман, говорилось, в частности: «Европейские христианские государства боятся даже слов «единение сил ислама». Разве не является этот страх наших врагов прекрасным доказательством того, насколько необходимо мусульманам единство?»⁴⁶. Даже Сабахеддин, весьма отрицательно относившийся к идеям панисламизма, счел необходимым отметить в одной из своих статей, что причиной возникшего на Востоке движения за объединение всех мусульман был «не религиозный фанатизм, а недовольство, порожденное постепенной экспансией Европы...»⁴⁷.

Итак, в основе идейно-политических позиций младотурок до 1908 г. лежали взгляды первых турецких конституционалистов. Продолжая деятельность «новых османов», идеологи младотурецкого движения оставались на позициях умеренного реформизма. Только накануне революции 1908 г. в обстановке общего революционного подъема в Османской империи реформизм младотурок начал постепенно уступать место революционным идеям.

Оценивая систему воззрений младотурок, нельзя не отметить, что они были далеки от понимания социальной природы общества, которое стремились реформировать. Идеалистическое восприятие исторического процесса, непонимание социально-экономической подоплеки общественных явлений, естественно, вело к тому, что почти все идеологи младотурок анализировали главным образом явления надстроечного характера, не касаясь коренных вопросов социально-экономического развития. Исключение составлял, пожалуй, лишь принц Сабахеддин, чьи взгляды и деятельность были совсем новым явлением в турецком реформаторском движении.

Глава XII

ПРИНЦ-РАДИКАЛ

Человек, сыгравший немалую роль в руководстве борьбой против тирании султана Абдул Хамида II, принц Мехмед Сабахеддин принадлежал к одному из наиболее знатных турецких феодальных родов. Его мать была дочерью султана Абдул Меджида и сестрой Абдул Хамида II. Отец Сабахеддина Дамад Махмуд Джелаледдин-паша, видный государственный деятель, был человеком для своего круга весьма образованным. Он даже писал стихи, хотя и не оставил следа в литературной жизни Турции.

Дамад Махмуд-паша был сторонником конституционной монархии. В декабре 1899 г. он бежал во Францию, взяв с собой двух сыновей — Мехмеда Сабахеддина и Ахмеда Лютфуллаха. В эмиграции Дамад

Махмуд-паша прикнул к младотурецкому движению, активно содействовал созыву первого конгресса младотурок в 1902 г.¹

Когда Мехмед Сабахеддин окунулся в активную политическую деятельность в среде эмигрантов-младотурок, ему было 22 года. Юноша получил отличное по тем временам образование, свободно владел арабским, персидским и французским языками, интересовался различными областями человеческого знания. В 20 лет он переводил на турецкий язык произведения Ламартина. Крупный турецкий писатель Халид Зия Ушаклыгиль, рассказывая о своих впечатлениях после посещения дома Дамада Махмуд-паши, выражал удивление в связи с образованностью и широтой взглядов Сабахеддина и его брата².

В эмиграции Сабахеддин много занимался самообразованием. Он изучал труды французских социологов и вскоре стал приверженцем и активным проповедником идей Фредерика Ле Пле (1806-1882), основателя социологической школы, известной под названием «Социальная наука». Главным принципом теории Ле Пле было положение о том, что основой прогресса может быть только моральное и социальное совершенствование личности. В своих социологических трудах Ле Пле сформулировал «теорию социального отбора», согласно которой общественный прогресс и счастье человека обеспечиваются не совершенствованием форм общественного управления, а всесторонним развитием индивидуума.

Глубокое впечатление на принца Сабахеддина произвела книга наиболее известного последователя Ле Пле, историка и социолога Эдмонда Демолена (1852-1907), «В чем кроется причина превосходства англосаксов?»; турецкий исследователь М. Дж. Тютенгиль даже утверждает, что этот труд «определил его жизненную цель»³. Сабахеддин находился в дружественных отношениях с Э. Демоленом и с другим представителем той же социологической школы — П. Деканпом. На формирование взглядов Сабахеддина также оказали определенное влияние известный французский географ и социолог Элизе Реклю и видный французский политический деятель Делансон, занимавший посты морского министра и губернатора Индокитая⁴.

В начальный период своей политической деятельности Сабахеддин поддерживал довольно расплывчатую идею борьбы с деспотическим режимом Абдул Хамида и призывал к объединению всех народов Османской империи в этой борьбе. Его первое выступление в печати относится к самому началу XX в. Речь идет о весьма популярной в кругах младотурок до конгресса 1902 г. брошюре «Всеобщая декларация»,⁵ изданной в Каире в конце 1900 либо в начале 1901 г.

и перепечатанной полностью в № 81 газеты «Османлы» в апреле 1901 г. Брошюра была издана от имени Мехмеда Сабахеддина и его брата Ахмеда Лютфуллаха, однако, поскольку последний ничем более не проявил себя в общественно-политической жизни, можно предположить, что содержание «Всеобщей декларации» отражало, в сущности, политические воззрения Сабахеддина.

В первых же строках ее авторы утверждали, что «родина стала ареной решительной схватки между свободой и тиранией». При этом они подчеркивали, что свобода и тирания являются двумя основными движущими силами в истории человечества. Подданные султана буквально «изнемогают в когтях деспотизма», абдул-хамидовский режим — главное препятствие на пути к установлению в Османской империи свободы и справедливости. Брошюра пронизана ненавистью к господствовавшему в стране режиму «зулюма». Авторы с гневом и возмущением писали, что позор, которым покрыл себя за последние 25 лет правитель, представляющий династию османов, может быть смыт только его кровью.

Однако в этом первом политическом выступлении принца еще не было практически никакой политической программы. Что будет представлять собой обновленная, освобожденная от тирании Абдул Хамида Османская империя? На этот вопрос брошюра не давала сколько-нибудь вразумительного ответа. Очевидно, Сабахеддин имел в виду восстановление конституции 1876 г., ибо к тому моменту этот лозунг был всеобщим. Но в самом тексте брошюры будущее страны чаще всего образно характеризовалось лишь как «завтрашний справедливый образ правления».

Такая нарочитая туманность формулировок могла быть вызвана целевой направленностью «Всеобщей декларации». В 1901 г. главной проблемой для лидеров младотурецкого движения была задача объединения антидеспотических сил народов Османской империи. Дамад Махмуд-паша и его сын Мехмед Сабахеддин были активными пропагандистами идеи созыва конгресса младотурок. Этим определялось и основное политическое содержание «Всеобщей декларации». Не случайно она начиналась обращением «ко всем соотечественникам-османам». Ее авторы доказывали, что необходимо объединение свободолюбивых сил всех народов империи, подчеркивали, что разрозненные действия различных партий и групп на руку только деспотическому режиму, от гнета которого страдают все народы страны.

В момент, когда писалась «Всеобщая декларация», большинство идеологов младотурок настойчиво пропагандировали доктрину османизма. Напомним, что идеологи османизма отвергали право нетурецких народов

Османской империи на национальную самобытность и самостоятельность и, как следствие этого, на национально-освободительную борьбу¹¹

В своем первом политическом заявлении принц Сабахеддин выступил в качестве активного приверженца османистской концепции. «Всеобщая декларация» настойчиво доказывала, что со всех точек зрения — экономической, внешнеполитической, военной — нетурецкие народы империи должны стремиться не к независимости, а к жизни в составе Османской империи в атмосфере «справедливого равенства»¹²

«Всеобщая декларация» отражала тот этап в формировании общественно-политических взглядов Сабахеддина, когда он в целом еще не вышел за рамки традиционных для турецких реформаторов второй половины XIX в. представлений о характере общественного прогресса. Для Сабахеддина было тогда характерно стремление выступать в печати со статьями, в которых опровергались обычные для европейской прессы на рубеже столетий утверждения о том, что турки якобы вообще неспособны к прогрессу. В частности, он опубликовал в одной из французских газет статью «Турки и прогресс», в которой доказывал, что его соотечественники обладают всеми исторически необходимыми для прогрессивного развития чертами. Сабахеддин даже утверждал, что «чуждый их обычаям абсолютный деспотизм» был результатом персидского влияния на развитие турецкой государственности¹³.

В 1906 г. Сабахеддин открыто заявил о своей приверженности идеям социологической школы Ле Пле. Его газета «Тераккы» объявила себя «органом сторонников «Социальной науки» и децентрализации». В дальнейшем из этого девиза были убраны слова «сторонники «Социальной науки», которые, вероятно, показались самим издателям газеты слишком уж непонятными для турецкого читателя. Но главный тезис последователей Ле Пле — «развитие личной инициативы»

постоянно присутствовал в газетной шапке: «Тераккы» называла себя органом «Общества сторонников личной инициативы, конституций и децентрализации», а несколько позже — органом «сторонников личной инициативы, конституционной монархии и децентрализации»¹⁴. В первом же номере «Тераккы» изложение целей Общества личной инициативы и децентрализации было начато словами о том, что это общество стремится к «популяризации среди соотечественников идей «Социальной науки», которая служит свободе личности и общественному счастью»¹⁵.

В чем же видел Сабахеддин коренные причины отсталости своей страны? Ответ на этот вопрос дают его работы, опубликованные уже после революции 1908 г., хотя впервые взгляды Сабахеддина на этот счет были сформулированы на страницах «Тераккы»¹⁶.

Интересна сама история появления трех работ Сабахеддина, известных под общим условным названием «Разъяснения Сабахеддина». Принц вернулся в Стамбул 2 сентября 1908 г., вскоре после младотурецкой революции. Иттихадисты начали кампанию против Сабахеддина, обвиняя его в попустительстве центробежным тенденциям (которые для них ассоциировались со стремлением нетурецких народов Османской империи к независимости), пропаганде взглядов, чуждых турецким нравам и традициям, и т. д. В ответ на это в газете «Икдан» от 5 и 6 октября 1908 г. появились статьи Сабахеддина, которые немедленно были перепечатаны в виде отдельной брошюры под названием «Разъяснение относительно личной инициативы и расширения прав»¹⁷. Изложенные в ней принципы Сабахеддин несколько ранее публично отстаивал на конференции, устроенной его сторонниками в Стамбуле 3 сентября¹⁸.

В октябре 1908 г. в атмосфере предвыборной борьбы за места в палате депутатов появилась еще одна брошюра Сабахеддина, «Второе разъяснение относительно личной инициативы и децентрализации»¹⁹. После подавления контрреволюционного мятежа 31 марта 1909 г. иттихадисты арестовали Сабахеддина. Однако, поскольку не было обнаружено никаких доказательств его причастности к мятежу, через несколько дней он был освобожден. Вскоре после этих событий Сабахеддин уехал в Париж²⁰. В 1910–1911 гг. он написал там ряд статей в защиту своей доктрины, которые составили книгу под названием «Открытые письма обществу «Единение и прогресс». Третье и последнее разъяснение относительно нашей доктрины»²¹. Последняя из известных нам работ Сабахеддина, в которых излагались его идейные воззрения, была написана примерно в 1913 г., но издана в самом конце первой мировой войны под названием «Как спасти Турцию? Общественная доктрина и программа»²².

Сабахеддин утверждал в своих работах, что для понимания подлинных причин состояния общественного организма и для определения путей общественного прогресса необходимо прежде всего выяснение общественной структуры страны. Он писал, что, не разобравшись в структуре анализируемого общества, не выяснив разницы между нею и другими социальными структурами, невозможно реформировать общество на научных основах. «Не сделав этого, – писал Сабахеддин в книге «Как спасти Турцию», – решиться определять программу реформ равнозначно тому, чтобы пуститься в плавание на корабле, не имея руля»²³. Подчеркивая, что определяющим фактором общественного прогресса является не форма государственного устройства, а принадлежность общества к тому или иному типу

общественной структуры, Сабахеддин писал: «Конституционная форма правления существует и в Испании, и в Англии. Республиканские законы существуют как на севере Америки, так и в центре и на юге этой страны. Однако огромные различия между этими обществами, конечно же, проистекают не из сходства их государственных форм; они являются результатом того, что их социальные структуры различны»²⁴. Сабахеддин утверждал во всех своих работах, что если социальная структура общества не изменится, то никакие реформы государственного устройства не смогут обеспечить общественный прогресс.

Следуя принципам социологической школы Ле Пле, Сабахеддин утверждал, что существуют два основных типа общественной структуры — «партикуляристская» (*formation particulariste*) и «общинная» (*formation communautaire*). Он считал, что народы, жизнь которых протекает в рамках «общинной» структуры, лишаются потенции общественного прогресса, так как уповают не на свои силы, а на государство во всем, что касается экономического и культурного развития. Такие народы (живущие в Азии, Африке, Южной Америке, в части Европы, особенно население Турции и России) «не могут найти в себе точку опоры. В зависимости от класса, к которому принадлежат, они ищут ее в семье, общине, партии или правительстве»²⁵. Характеризуя же общие черты «партикуляристской» структуры, Сабахеддин писал, что народы, живущие в ее условиях, «в соответствии с достижениями этой структуры ищут в себе точку опоры, создают общества, которые отличают высокие производительные возможности, инициатива и независимость»²⁶. И далее Сабахеддин утверждал, что в условиях «общинной» структуры люди даже при наличии самых свободных законов не используют свободу личности, тогда как в условиях «партикуляристской» структуры они упрочивают эту свободу развитием личной инициативы»²⁷.

В другой своей работе Сабахеддин отмечал, что в условиях «общинной» структуры не развиваются индивидуальные способности людей, личность парализуется, тогда как «партикуляристская» структура дает простор развитию личной инициативы. Он считал, что последняя типична в целом для «западной цивилизации». Наиболее продуктивным примером развития общества в условиях этой структуры Сабахеддин считал Англию²⁸.

Однако Сабахеддин, как типичный социолог-идеалист, не отвечал на вопрос, какова связь рассматриваемых им «общественных структур» с экономической основой общественной жизни. Для него не существовало проблемы изменений в способе производства в качестве основы общественного

прогресса; перспективу последнего он видел лишь в обеспечении простора для развития человеческой личности. Сабахеддин считал, что исторический общественный прогресс обеспечивается только в условиях, способствующих максимальному развитию личной инициативы.

Сабахеддин весьма подробно рассматривал вопрос о роли и месте личной инициативы в жизни общества. Он утверждал, ссылаясь на соответствующий стих Корана, что для того, чтобы жить, человек должен везде – в семье и в обществе – полагаться на себя, искать в самом себе силы для успешного решения любых задач. Сабахеддин подчеркивал, что неспособность к такому подходу объясняется отсутствием соответствующего воспитания личности. В результате складывается ситуация, при которой «мы хотим жить, не зарабатывая, богатеть, не работая, и, естественно, обращаемся к правительственной службе...»²⁹ Резко критикуя бюрократическую систему, в которой любое продвижение определяется не личными качествами человека, а только протекцией, он писал, что «наша нынешняя бедность в полном смысле слова проистекает от скверного состояния нашего нынешнего образования»³⁰.

Сабахеддин постоянно подчеркивал в своих работах, что, если семья и школа – эти, по его словам, два основных фактора воспитания – не будут должным образом выполнять свои функции, невозможно будет рассчитывать на общественный прогресс; что без решительного оздоровления всей системы национального образования невозможен экономический и социальный прогресс. Говоря о воспитании в людях личной инициативы в рамках «партикуляристской» структуры, он призывал брать пример с организации школьного дела во Франции, Англии и США³¹.

В качестве образца Сабахеддин приводит школу, созданную Э. Демоленом. Он дважды посещал эту школу и описывал в своих работах систему обучения в ней, организацию быта учащихся, подчеркивая при этом, что в основе деятельности школы было стремление ее создателей и педагогов воспитывать у учащихся чувство личной ответственности, инициативность и самостоятельность. При школе существовало свое хозяйство, где все работы выполнялись учащимися. Сабахеддин обращал внимание на тот факт, что воспитанники школы «очень хорошо подготовлены к жизни» и многие из них быстро достигли значительных успехов³².

Сабахеддин и его сторонники горячо защищали принцип децентрализации. Они считали, что конституционные идеи могут быть с успехом применены на практике только в том случае, если в основу управления будет положена децентрализация.

Еще на страницах «Тераккы» Сабахеддин выступил со статьей, в которой проявил себя активным противником централизации. В этой статье он привел пример Франции, которая, по его мнению, пришла в упадок из-за излишней централизации управления. Сабахеддин утверждал, что принцип централизации, независимо от того, опирается ли он на абсолютизм, конституционализм или республиканизм, ведет к упадку³³. Он был убежден, что османское политическое единение нужно не только защищать, но и укреплять. Если принять это во внимание, писал Сабахеддин, то «выясняется, что мы не являемся сторонниками автономии под флагом программы децентрализации»³⁴. Рассматривая суть идеи децентрализации, выдвигаемой им и его единомышленниками, Сабахеддин пояснял, что «если парламент означает в центре контроль за соблюдением прав силами депутатов, то децентрализация управления, без сомнения, означает распространение такого контроля на вилайеты силами общественных советов»³⁵.

По мнению Сабахеддина, в Турции «невозможно развитие интеллектуальной инициативы при сохранении принципа централизации»³⁶. Он считал, что для общего развития страны необходимо, чтобы вилайеты получили расширенные права, в частности чтобы был расширен круг полномочий губернатора и других чиновников; кроме того, необходимо создать общественные советы, с тем чтобы народ был причастен к контролю над местными доходами и расходами. При этом Сабахеддин подчеркивал, что его предложения вытекают из статьи 108 конституции 1876 г.

«Некоторые наши соотечественники рассматривают децентрализацию как автономию, — писал Сабахеддин. — Это неправильно»³⁷. Децентрализация, по его мнению, может быть двойкой: децентрализацией политической и децентрализацией управления; пример политической децентрализации — отношения между Англией и Канадой. Сабахеддин заявлял, что он стремится лишь к расширению прав вилайетов, т.е. к децентрализации управления. «Расширение прав, по существу, не что иное, как децентрализация»³⁸.

Все эти разъяснения Сабахеддин давал во время специальной пресс-конференции в помещении стамбульского театра «Варьете» 3 сентября 1908 г. Сказав о необходимости создания общественных советов (меджлисов) в вилайетах, он, в частности, сослался на Мидхат-пашу: «Человек, который дунал о децентрализации гораздо раньше нас, в своих литературных произведениях требовал осуществления этого принципа. Мы хотим продолжить его дело»³⁹. Далее он заявил о себе как о стороннике децентрализации на основе доктрины османизма. «В настоящее время, —

сказал принц, — у нас в стране живут представители самых разных национальностей — турки, арабы, албанцы, курды, греки, армяне. Их общая выгода — не принести вреда нашему политическому единству»⁴⁰. Из всех этих народов может быть создана, утверждал Сабахеддин, «великая общность» под знаменем османов.

Принц Сабахеддин немало размышлял о нуждах экономического развития Османской империи. В упомянутых «Открытых письмах» он подчеркивал необходимость прогресса в сфере сельского хозяйства⁴¹, отмечая, что турецкий крестьянин, несмотря на то что именно его труд кормит страну, угнетается больше всех. Он говорил также о молодой интеллигенции, которой предстояло выполнить ответственную роль по налаживанию связей между беззащитным крестьянством и городской молодежью, также страдающей от своего бедственного экономического положения⁴².

В своих работах Сабахеддин касался и внешней политики страны. Он считал, что залогом успешной внешней политики Османской империи является укрепление дружбы с Францией и Англией, что в Лондоне и Париже могут быть получены займы, необходимые для экономического развития страны⁴³.

В обобщенном виде взгляды Сабахеддина изложены в его посмертной работе под названием «Как спасти Турцию». Он сразу подчеркивает, что, прежде чем реформировать общество, нужно проанализировать его структуру; турецкие же политические деятели совершенно не придают значения такому анализу: «С периода танзимата все увеличивающееся число реформаторов лелеяло искреннюю надежду на возрождение, но каким образом осуществится это возрождение, они, безусловно, предугадать не могут. Они лишь выдвигают в качестве условия прогресса необходимость свободы, конституции, просвещения, морали и, наконец, вестернизации. Они придерживаются того же и ныне. Однако все эти заявления ни на пядь не смогут сдвинуть ни общество, ни образ мыслей, направляющий его на путь реформ, так как эти вещи не создают социальной структуры — напротив, социальные структуры создают их...»⁴⁴. Далее Сабахеддин излагает описанные выше «общинную» и «партикуляристскую» структуры.

Стремлением доказать преимущества второй структуры над первой пронизана и эта, последняя его работа. В очередной раз он доказывал своим читателям, что свойственная западной цивилизации «партикуляристская» структура дает простор для всестороннего развития личности. Что же касается восточных обществ, то в них наблюдается, как считает Сабахеддин, противоположная структура — «общинная». «Поэтому, — писал он, — еще за многие годы,

предшествовавшие конституции (Восстановлению конституции 1876 г. - Авт.), мы говорили о том, что невозможно добиться действительной независимости лишь путем смены правительства или законов. Эти выводы, бывшие результатом исследования нашей социальной структуры, были целиком подтверждены событиями. Как это было и при абсолютизме, мы не смогли освободиться от гнета, деспотизма и анархии и в период конституции»⁴⁵

Сабахеддин утверждал, что возрождение общества зависит лишь от количества людей, у которых развита личная инициатива. «Для осуществления этой цели необходимо, - подчеркивал он, - чтобы были мобилизованы все социальные возможности, семья, школа, т.е. все области индивидуального воспитания. Приобретение каждой личностью инициативы - качества, на которое можно положиться в жизни, - даст возможность изменить все институты общества»⁴⁶

В общественной мысли Турции периода подготовки и проведения младотурецкой революции 1908 г. идеи Сабахеддина занимают особое место. В отличие от главных идеологов младотурок, по существу пользовавшихся в политической борьбе идейным арсеналом своих предшественников - «новых османов», Мехмед Сабахеддин предложил новые для турецкой общественной мысли методы социально-экономической трансформации современного ему полуфеодального общества. Сабахеддин был едва ли не первым турецким деятелем, который вышел в пропаганде западных идей за рамки просветительства. Вместе с тем необходимо помнить, что идейной базой Сабахеддину служила доктрина османизма, явно несовместимая с его собственными «партикуляристскими» рассуждениями. В целом Сабахеддина следует квалифицировать как социолога-эклектика. Собственной теории он и не пытался создать.

Охарактеризованные выше взгляды Сабахеддина свидетельствуют о том, что он был одним из первых в своей стране идеологов свободного предпринимательства. Достоин внимания и его интерес к социально-экономическим проблемам, которые были связаны с положением крестьянства и буржуазии его страны. Касаясь в своей газете «Тераккы» революционных событий 1906-1907 гг. в различных районах империи, Сабахеддин открыто приветствовал народные выступления в Кастамону и Эрзуруме, писал о пробуждении турецкой деревни. «Эти явно народнические нотки. свидетельствуют о демократическом характере его программы»⁴⁷ И если такую оценку нельзя считать окончательной, то следует все же признать, что подход Сабахеддина ко многим проблемам страны был значительно прогрессивнее и демократичнее, чем у лидеров младотурок.

Взгляды и программа Сабахеддина были весьма популярны в среде младотурок в эмиграции. Один из турецких исследователей даже считает, что более половины организаций и групп младотурок поддерживало принципы Сабахеддина. В дальнейшем, однако, особенно после революции 1908 г., стал очевидным перевес иттихадистов, что во многом определялось пребыванием их у власти. Их программа и идеологическая доктрина больше импонировали молодой турецкой буржуазии и буржуазной интеллигенции, стремившимся непременно сохранить империю и власть над нетурецкими народами.

Тем не менее взгляды и деятельность Сабахеддина стали заметной страницей в истории общественно-политической и философской мысли Турции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К концу XVIII в. османское государство утратило былое могущество, его традиционный наступательный порыв был остановлен возросшей силой Европы, быстро развивавшейся по капиталистическому пути. Империя оказалась в состоянии стагнации, которой предшествовал социально-экономический и политический кризис. Симптомы кризиса обнаружились уже в конце XVI – начале XVII в. Он в первую очередь отразился на военной мощи империи. Отставание в промышленной технологии и невозможность (в связи с протекционизмом европейских государств) заимствовать ее у Запада для военных целей, отсутствие светского образования и зачатков научного знания, представление о том, что империя имеет самоценную и самодостаточную идеологию (в данном случае – ислам) для функционирования и регулирования общественной жизни, – вот с чем столкнулся в конце XVIII в. первый турецкий султан-реформатор Селим III.

Положение страны стало предметом анализа для феодально-бюрократической элиты. Именно в этой среде зародились в первой половине XIX в. проекты реформ, целью которых было восстановление могущества империи на основе использования европейского опыта. В дальнейшем социальная направленность реформ и цели реформаторов менялись. Перемены в одном звене государственно-административной структуры порождали необходимость перемен в других звеньях, ибо успешно функционировать могла лишь внутренне непротиворечивая система. Процесс, порожденный и контролируемый сверху, приобретал известную самостоятельность и побуждал реформаторов к дальнейшим действиям.

Ему сопутствовали три фактора первостепенного значения. Первый из них – особая устойчивость средневековых форм экономической жизни. Ремесло, торговля и сельское хозяйство если и подвергались внешнему воздействию, то лишь в зонах контактов с европейским торговым капиталом. На большей части территории страны контакты не вызвали сколько-нибудь существенных перемен. Конечно, это следует объяснять не только причинами внутреннего характера, но и особенностями торгового интереса европейских стран в Османской империи, а также политической ситуацией.

Именно малая «чувствительность» традиционных экономических структур к внешнему вызову во многом предопределила мучительно медленное вызревание капиталистического уклада в экономике страны и соответствующих ему норм жизни буржуазного общества в административно-правовой сфере, крайне медленное формирование социальных сил, заинтересованных в обеспечении условий для социально-экономического прогресса на путях капиталистического способа производства. Медленные темпы экономического развития страны были осознаны и признаны неудовлетворительными наиболее дальновидными представителями османских правящих кругов, побуждая их к проведению реформ.

С этим первым фактором во многом связан и второй. Хотя ко второй половине XIX в. Османская империя стала приобретать черты полукolonии крупнейшей европейской держав, в полукolonию в полном смысле этого слова она так и не превратилась. Устойчивость ее традиционных институтов, органичность внутренних стимулов к развитию оказались настолько значительными, что правящим кругам удавалось, используя и стратегическое положение своей страны, и противоречия в борьбе великих держав за «османское наследство», на протяжении всего Нового времени сохранять для нее – и не только формально – статус пусть экономически слабого, но самостоятельного и имеющего немалое международное значение государства. Это позволяло Османской империи быть не только объектом политики европейских государств, но и ее субъектом, сохранять свой голос в международных делах и поневоле «подтягиваться» до уровня своих внешнеполитических контрагентов. Сделать это можно было лишь с помощью реформ.

Третьим фактором был многонациональный состав государства. Стремление сохранить власть над многими народами, опережавшими «метрополию» по темпам экономического и культурного развития, к середине XIX в. стало мощным стимулом к реформам. Неуклонное развитие национально-освободительного движения нетурецких народов империи расшатывало государственное здание в целом. Именно эта борьба породила знаменитый Восточный вопрос, который, в свою очередь, привел ко многим острейшим международным конфликтам, усиливая внешний фактор реформ и расширяя круг их сторонников.

В начальный период реформ (конец XVIII – начало XIX в.) основной побудительный толчок им был задан извне. Явно уменьшилась мощь империи, военная машина которой все более и более проигрывала в сравнении с европейскими армиями. Османская империя столкнулась с ситуацией, требовавшей серьезного осмысления. Единственной социальной силой, имевшей всю полноту

информации и обладавшей достаточной (конечно, традиционной) образованностью, был слой высшей бюрократии, не только светской, но и духовной. По-своему понимаемый патриотизм, ядро которого составляла идея имманентно присущего исламу превосходства, соприкоснулся с действительностью, подрывавшей эту идею и потому нетерпимой. Подвергнуть критике идею было немыслимо. Поэтому начали с очевидного — с реорганизации армии. Превосходство европейской военной машины представлялось неоспоримым даже для религиозных авторитетов. Создание современной (на тот момент) армии требовало иных средств комплектования и подготовки. Это заставляло сделать следующий шаг — создать систему светского образования, образцом для которой могла служить лишь более передовая Европа.

Новая школа, а вместе с ней новое светское знание, в первую очередь естественнонаучное, неизбежное расширение в познавательных целях контактов с Европой как на официальном, так и на частном уровне порождали в Османской империи слой «новых людей», послуживший основой для появления новой социальной страты — интеллигенции. Слой этот численно был крайне мал и не составлял значительной доли в бюрократическом аппарате, где интеллигенция чаще всего искала свое место. Тем не менее круг европейски образованных людей рос. Появились они и в высших эшелонах власти.

Мысль о необходимости реформ первоначально возникла на самом верху государственной пирамиды. Реформаторами были султаны Селим III и Махмуд II, их ближайшее окружение. Последующие султаны также контролировали ход реформ, проводившихся в основном верхушкой бюрократии. Естественно, социальная база реформ в таких условиях была крайне узкой.

В XIX в. все более обнаруживалось социально-экономическое отставание османского государства. Рост национальных движений, увеличивавшиеся финансовые трудности вынуждали высшую бюрократию менять в первую очередь государственно-административную систему и правовое законодательство, что должно было цивилизовать управление империей, сделать его приемлемым для немусульманских подданных.

Османская бюрократия всей силой традиции была связана с феодальной стихией. Она обладала чрезвычайно узким социальным кругозором. Трудно было ожидать от этих людей преобразований, которые могли бы посягнуть на экономические и социальные основы существования породившей их среды. К тому же бюрократия представляла собой нечто вроде «многослойного пирога». Даже ее просвещенная,

порочнейшая часть была вынуждена считаться с интересами средних и низших слоев, которые, естественно, и должны были проводить реформы в жизнь. Однако исполнители, как правило, совершенно не были заинтересованы в реформах. Условие своего существования эта часть чиновничества видела в неприкосновенности системы, характерной чертой которой было взяточничество, приносившее куда больший доход, чем жалование, выплачивавшееся к тому же нерегулярно. Кроме того, в массе своей низшее и среднее чиновничество, слабо затронутое просвещением, было связано с традиционными социальными группами, глубоко проникнутыми идеей величия ислама. Они верили, что уже один только ислам способен без всяких реформ поддерживать силу и могущество государства османов.

Исследователи танзимата отмечали, что преобразования в области экономики были самой слабой стороной деятельности реформаторов. И дело, конечно, не в числе законодательных актов, а в отсутствии готовности идти на решительные шаги. Реформаторы часто неосознанно двигались по наиболее легкому пути — пути поверхностного изменения надстроечных структур, субъективно понимаемых как самые значимые. Большинство реформаторов не обладало серьезными познаниями в экономике и искренне полагало возможным обеспечить прогресс страны лишь с помощью перемен в сфере административно-правового устройства и культуры. Объективную ситуацию, порождавшуюся действием экономических законов, было довольно трудно истолковать, тем более выработать обоснованную программу реформ. Но, даже проводя некоторые преобразования, реформаторы действовали крайне осторожно, стараясь не задеть интересы верхних слоев, в которые входили и сами.

Несмотря на целый букет реформ, проведенных начиная с 30-х годов XIX в., мало что менялось в жизни Османской империи. Социальная и культурная жизнь несла на себе печать традиционности. Государство продолжало сохранять феодальный или полуфеодальный характер, осложненный конфессиональными и национальными противоречиями. Сельское хозяйство находилось на низком уровне, в средневековом состоянии пребывало промышленное производство, ограничивавшееся, за исключением нескольких государственных мануфактур, ремесленными мастерскими, правда удовлетворявшими низкие потребности основной массы населения. Рынок был полон и европейскими товарами, которые, проникая в Турцию, вызвали разорение местных производителей.

Реформаторы оказались не в состоянии защитить местное производство перед лицом экспансии

иностранный капитал. Впрочем, остановить ее было не в их силах. Торговые договоры 1861-1862 гг. подтвердили все капитуляционные права иностранных подданных (экстерриториальность, консульские суды, право содержания своих почтовых учреждений). Иностранные товары были освобождены от внутренних таможенных пошлин; ввозные пошлины для них были установлены весьма невысокие - 8% от объявленной стоимости товара, тогда как экспортные пошлины составляли 12%.

Могли ли реформаторы создать такие условия для развития сельского хозяйства и промышленности, при которых оказался бы реальностью сдвиг в социально-экономическом развитии Османской империи? Положительный ответ на этот вопрос, на наш взгляд, не исключен. Но если принять во внимание чрезвычайную сложность экономических задач и слабость социальной базы реформ, то успех могли обеспечить лишь такие факторы, как высокий уровень компетентности реформаторов, их смелость и последовательность, политический реализм, умение искать и находить союзников.

Реформаторы стремились создать военные, административно-правовые и культурные институты по европейскому образцу - при условии неизбежности экономических основ и сохранении власти султана над всеми народами империи. Среди них был и Мидхат-паша. Находясь под сильным впечатлением культурных достижений Европы, он пришел к убеждению, что упадок Османской империи и превращение ее во второстепенную державу объясняются отсутствием людей, способных осознать превосходство европейского прогресса и заставить страну сделать шаг вперед. Мидхат-паша искренне полагал, что конституция является единственным средством спасения страны. Отличал Мидхат-пашу и веротерпимость. Он осуждал мусульманский фанатизм, загораживавший, по его мнению, дорогу к реформам, выступал за широкое развитие системы образования.

Таковы были унастроения левого крыла реформаторов в слое высшей бюрократии. Большинство, разумеется, принадлежало к умеренному или крайне умеренному крылу, никогда не ставившему перед собой вопроса о политических свободах или об осуждении религиозного фанатизма. Формирование новой по унастроениям прослойки бюрократии стало возможным благодаря существованию светских школ, опиравшихся на европейский культурный опыт, созданию многочисленных ведомств, в которых сотни чиновников осваивали новые, в значительной степени заимствованные в Европе принципы и методы государственного управления.

Значительная часть бюрократии и в период реформ оставалась носителем старых традиций, ко именно новая

по умонастроениям прослойка в силу объективно стоявших перед страной задач выдвигалась на верхние ступени власти и становилась инициатором преобразований. В этом случае мы имеем дело с явлением, характерным для «вторичных» буржуазных социальных революций в ряде стран Востока, когда политические силы, практически не связанные с очень еще слабо развитой буржуазией, могут отражать в своей практической деятельности объективные потребности буржуазного развития. Социальное положение и политические задачи такой прослойки естественным образом весьма размыты. Не привязанная впрямую ни к какому социальному слою с особыми экономическими интересами, она действует, согласуясь с «общими государственными интересами», понимаемыми весьма часто в охранительном, а не в инновационном плане. Лишь прямая угроза политическому существованию государства может побудить такую бюрократию к более или менее радикальным действиям.

Возможность победы левого крыла была связана с подключением к делу реформ молодой турецкой интеллигенции. Возник совершенно новый социальный слой, на тот момент самый просвещенный и компетентный, который быстро занял существенные позиции в общественно-политической жизни. И хотя реальное руководство реформами в период борьбы за конституцию сохраняла за собой высшая бюрократия, социальной опорой радикальных идей стала интеллигенция. Она была уже достаточно многочисленной, чтобы через прессу вербовать себе сторонников из разных страт. Количественный и качественный рост интеллигенции определялся развитием светской школы, дальнейшим расширением знакомства с европейской цивилизацией (многие представители этой прослойки бывали за границей, некоторые вынужденно жили там в эмиграции), созданием научных и просветительских обществ, развитием печати, в особенности частной.

В критический момент реформистски настроенная бюрократия и молодая интеллигенция, идейно объединившись, создали необходимую базу для провозглашения конституции. Интеллигенции казалось недостаточным внедрить в ткань государственной структуры отдельные элементы административного права и юридического законодательства, характерные для европейских государств. Между тем основной массе реформистски настроенной бюрократии представлялось, что для создания новых условий общественной, экономической и политической жизни в стране можно ограничиться этим.

Нараставшее стремление нетурецких народов к освобождению было, бесспорно, в числе первостепенных факторов, подталкивавших правящие круги к реформам

административной системы и права. Реформаторов привлекал путь укрепления империи с помощью главным образом административно-правовых реформ. Именно этим объясняется ограниченность реформаторской политики, которая была направлена прежде всего на укрепление власти султана и его правительства над покоренными нетурецкими народами, а не на экономический рост.

Все реформаторы — от Селима III до сторонников конституции 1876 г. — стремились сохранить политическое единство империи. Но к решению этой задачи они подходили по-разному. Султаны и большинство высших сановников продолжали выдвигать на первый план меры репрессивные, что могло быть обеспечено только путем реорганизации армии и центрального аппарата власти. Что касается новой бюрократии, то в ее среде преобладало стремление сочетать репрессии с проведением таких реформ, которые бы создавали гарантированное законами равноправие всех подданных. Наконец, конституционалисты 60-70-х годов, ядро которых составила молодая турецкая интеллигенция, и их немногочисленные единомышленники в среде высшей бюрократии выдвинули на первый план принцип единства всех подданных султана в качестве «османов» — «детей общей родины».

Угроза распада империи временно сплотила самые разнородные социальные силы — как реформаторов и их сторонников, так и ортодоксальные мусульманские круги, по-своему понимавшие идею парламента и конституции. Движение за конституцию в столице в 1876 г. оказалось неожиданно сильным и испугало султана. Абдул Хамид счел выгодным уступить.

Вынужденность и неорганичность этого политического акта выявились очень скоро. За короткий срок деятельности первого турецкого парламента в стране ничего не изменилось. В парламенте по большей части заседали люди, занимавшие охранительные позиции в сфере отношений собственности. В этом сказывалось не только нежелание нарушить права землевладельцев, но и слабое понимание сути экономических процессов, протекавших в стране. Всем сторонникам реформ, включая интеллигенцию, остро не хватало компетентности в вопросах экономических и научно-технических. Часть инациональной буржуазии, оказавшаяся в парламенте, могла бы быть заинтересована в успехе реформ, если бы реформаторы сумели подняться до осознания правомерности некоторых требований национальных движений. И хотя ряд крупных деятелей конституционного движения 60-70-х годов имел связи со стамбульской инациональной торгово-ростовщической буржуазией, союз с ней реформаторы не заключили, да и не добивались его. Некоторым объяснением может служить кризисность

ситуации: в условиях вооруженных выступлений болгар для турецких реформаторов, даже наиболее радикальных, было психологически трудно искать союзников в стане открытых противников османского государства. Но, безусловно, такое неприятие серьезно ослабляло позиции реформаторов в их борьбе с абсолютизмом.

Провозглашение конституции и создание парламента, хотя и стали логическим завершением борьбы за реформы, политически явно были «забеганием вперед», социально и экономически не обеспеченным. Это «забегание» обернулось откатом назад. Правление конституционного (первоначально) монарха Абдул Хамида II (1876-1909) вошло в историю Турции как период «зулума» (гнета, деспотии), как пора беспредельного произвола султана и дворцовой камарильи. Был ли это один из многочисленных парадоксов истории? Внешне все выглядело именно так. Но, в сущности, произошло вполне объяснимое событие. Ведь конституция 1876 г. оказалась результатом благоприятно сложившихся исторических обстоятельств, позволивших реформаторам одержать временную победу над абсолютизмом. Кратковременность существования конституции и парламента (до начала 1878 г.) свидетельствовала о преждевременности их появления в Османской империи. Провозглашенный курс политического развития страны явно опередил развитие социально-экономическое. Более того, появление конституции и парламента выявило всю силу старой системы и всевластие султана, который, не сумев с помощью конституционной реформы предотвратить начавшийся распад империи, установил в стране жестокий деспотический режим. Борьба за реформы закончилась поражением.

Опыт политической борьбы, накопленный реформаторами, обеспечил подготовку младотурецкого движения, которое развернуло борьбу с неограниченной султанской властью на рубеже XIX-XX вв. Нерешительные реформаторы и решительные консерваторы в конце концов получили революцию 1908 г., которая завершила затянувшийся реформистский этап преобразований в османском государстве.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава I

¹ Giritli Ahmed Resmi Efendi. *Hılasat-ı itibar*. Излагается по русскому переводу О.И.Сенковского. — О.И.Сенковский. Собрание сочинений. Т. VI. СПб. 1859, с. 237-239, 247-253, 262, 297.

² *Usul al-hikam fi nizam al-umam*. İstanbul, 1144, с. 56-76, 166, 34а-34б.

³ См.: Миллер А.Ф. Мустафа-паша Байрактар. М.-Л., 1947, с. 87-89.

⁴ См.: Новичев А.Д. История Турции. 2. Новое время. Ч. 1. Л., 1968, с. 22-23.

⁵ Mahmud Reif Effendi. *Darstellung der neusten Verordnungen im türkischen Reiche, aus dem Französischen überetzt*. В., 1802, с. 1-4, 9-21, 84-90.

⁶ *Diatribes de l'ingenieur Seid Mustafa sur l'etat actuel de l'art militaire...* /İstanbul/, 1803, с. 2-10, 12-21, 33.

⁷ См. о них: Миллер А.Ф. Мустафа-паша Байрактар, с. 73-97; Новичев А.Д. История Турции. 2. Новое время. Ч. 1, с. 23-31, 52-54; Karal E.Z. *Osmanlı tarihi*. Cilt 5. Ankara, 1961, 60-66.

⁸ О Байрактаре и его деятельности см. Миллер А.Ф. Мустафа-паша Байрактар, с. 292-320; Karal E.Z. *Osmanlı tarihi*. Cilt 5, 87-94.

⁹ О реформах Махмуда II см.: Новичев А.Д. История Турции. 2. Новое время. Ч. 1, с. 216-274; Karal E.Z. *Osmanlı tarihi*. Cilt 5, 142-164.

¹⁰ Подробнее об этом см. Новичев А. Д. История Турции. 3. Новое время. 2. Л. 1973, с. 92-108.

¹¹ О жизни и деятельности Решид-паши см.: Дулина Н. А. Танзинат и Мустафа Решид-паша. М. 1984, с. 15-32; Kaynar R. Mustafa Reşit Paşa ve Tanzimat. Ankara, 1954.

¹² Цит. по: Убичини А., де Куртейль П. Современное состояние Османской империи. СПб. 1877, с. 206.

¹³ Geschichte der islamischen Länder. Dritter Abschnitt. Neue Zeit. Leiden-Köln, 1959, 57.

¹⁴ Kuran A. B. Osmanlı imparatorluğunda inkılâp hareketleri ve millî mücadele. İstanbul, 1956, с. 40.

¹⁵ См. об этом: Новичев А. Д. История Турции. 3. Новое время. Ч. 2, с. 188-189.

¹⁶ Желтяков А. Д. Петросян Ю. А. История просвещения в Турции (конец XVIII - начало XX века). М. 1965, с. 13-33.

¹⁷ См. об этом: Новичев А. Д. История Турции. 4. Новое время. Ч. 3. Л., 1978, с. 78-81.

¹⁸ См. об их содержании и реализации: там же, с. 82-203; Желтяков А. Д. Петросян Ю. А. История просвещения в Турции, с. 34-63; Karal E. Z. Osmanlı tarihi. Cilt VII. Ankara, 1956, с. 141-273.

Глава II

¹ О «Кулелийском инциденте» см.: Шпилькова В. И. Антимонархический заговор 1859 г. в Турции. - Проблемы востоковедения. 1959, № 1, с. 100-104; Петросян Ю. А. К вопросу о характере «Кулелийского инцидента» 1859 г. и его месте в истории Турции. - Народы Азии и Африки. 1961, № 6, с. 105-108.

² Рагозина Е. А. Из дневника русской в Турции перед войной 1877-1878 гг. СПб., 1910, с. 134.

³ Millingen F. (Osman Seify-Bey). La Turquie sous le regne l'Abdul Aziz (1862-1867). P., 1868, с. 364.

⁴ См. ЦГВИА, ф. 450, д. 64, л. 71.

⁵ См.: Константинопольские письма. - Русский вестник. Т. 69, 1867, с. 41.

⁶ ЦГВИА, ф. 450, д. 64, л. 71.

⁷ İğdemir U. Kuleli vak'ası hakkında bir araştırma. Ankara, 1847, с. 30-31; Tunaya T.Z. Türkiye'de siyasi partiler (1859-1952). İstanbul, 1952, с. 90.

⁸ В западноевропейской исторической литературе эта организация известна под именем «Молодой Турции». Ее сторонников западноевропейская пресса того времени, а затем и историки называли «младотурками», хотя сами члены этой организации именовали себя «новыми османами», а не «новыми» или «молодыми» турками. Члены общества на первых порах называли его также «Союзом патриотов», но это название почти не употреблялось ими в политических статьях и брошюрах.

⁹ Kuntay M.C. Namık Kemal. Devrinin insanları ve olayları arasında. Cilt I. İstanbul, 1949, 293.

¹⁰ Tunaya T.Z. Türkiye'de siyasi partiler, с.93.

¹¹ Омер-паша был венгр по происхождению, юношей он участвовал в революции 1848 г. в Венгрии. В Турцию попал в числе других венгерских эмигрантов, принял ислам, затем поступил в военное училище и после его окончания служил в армии. Отличился во время Крымской войны (1853-1856).

¹² Kuntay M.C. Namık Kemal. Cilt I, с. 359.

¹³ Там же, с. 291.

¹⁴ См. об этом: Tunaya T.Z. Türkiye'de siyasi partiler 92-93.

¹⁵ Kuntay M.C. Namık Kemal. Cilt I, с. 277-281.

¹⁶ Paristen bir mektup. İstanbul, 1326, с. 25-26.

¹⁷ Kuntay M.C. Namık Kemal. Cilt I, с. 358.

¹⁸ Халиль Шериф-паша - египетский аристократ,

зять Мустафа Фазыл-паша, занимал ряд крупных постов на турецкой дипломатической службе.

19 Цит. по: Stern B. Jungtürken und Verschwörer. Lpz., 1901, с. 120-121.

20 Жан Пьетри - издатель стамбульской газеты «Courrier d'Orient» - был близок к «новым османам».

21 Цит. по: Kuntay M.C. Namık Kemal. Cilt I, с. 360.

22 Schweiger-Lerchenfeld A. Serail und Hohe Pforte. Wien-Pest-Leipzig, 1879, с. 202.

23 Вера в «доброго султана» красной нитью проходила на первых порах деятельности общества во многих публицистических произведениях «новых османов». Общество было тайно связано с Мурадом, а также с другим принцем - Абдул Ханидом. Контакт с Мурадом поддерживался через Намыка Кемаля, назначенного воспитателем сына наследника.

24 Young G. Corps de droit ottoman. Vol. II. Oxf., 1905, с. 326.

25 Kuntay M.C. Namık Kemal. Cilt I, 481-482.

26 См. об этом подробнее: Желтяков А. Д. Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции (1729-1908). М. 1972, с. 98-99, 119.

27 Ali Ekrem. Namık Kemal. İstanbul, 1930, с. 48.

28 См.: Ahmed Saib. Vaka-i sultan abdülâziz. Mısır, 1320, с. 115.

29 Tunaуа T.Z. Türkiyede siyasi partiler, с. 95.

30 Бригадный генерал Хюсейн Васфи-паша в 1867 г. был арестован по обвинению в причастности к заговору «новых османов», но освобожден за недостатком улик. Однако его разжаловали, и Хюсейн Васфи эмигрировал в Европу, где открыто примкнул к «новым османам».

31 Kuntay M.C. Namık Kemal. Cilt I, с. 446.

32 Гордлевский В. А. Избранные сочинения. Т. II, М., 1961, с. 360.

³³ См.: Теплов В. Смутное время и дворцовый переворот в Константинополе (Записки очевидца). СПб., 1897, с. 7.

³⁴ См.: Namık Kemal. Vatan-yahut-Silistre. İstanbul, 1943, с. 13-14, 16-17, 21-22.

³⁵ Kuntay M.C. Namık Kemal. Cilt II, kısım I, 147-148.

Глава III

¹ См. об этом: Devereux R. The First Ottoman Constitutional Period. Baltimore, 1963, с. 87-91.

² См. об этом: Петросян Ю.А. «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции. М. 1958, с. 84-105; Davison R.H. Reform in the Ottoman Empire, 1856-1876. Princeton, 196, с. 330-351.

³ Его жизни и взглядам посвящены специальные работы советских и зарубежных исследователей. См.: Фадеева И.Е. (Петросян). Мидхат-паша. Жизнь и деятельность. М. 1977; Baykal B.S. Midhat Paşa. Siyasî ve idarî şahsiyeti. Ankara, 1964.

⁴ См.: Stambul und das moderne Türkentum. Bd II. Lpz., 1878, с. 94-106; Санкт-Петербургские ведомости. 02.07.1876.

⁵ Подробно см.: Желтяков А.Д. Печать, с. 162-164.

⁶ См.: Петросян Ю.А. Младотурецкое движение. М., 1971, с. 81-92; Davison R.H. Reform, с. 368-380; Devereux R. The First Ottoman Constitutional Period, с. 46-59.

⁷ См.: Davison R.H. Reform, с. 366.

⁸ M.K. Türkiye'de meclis-i mebusan. Mısır, 1907, с. 99-110.

⁹ См.: Davison R.H. Reform, с. 367.

¹⁰ См.: Devereux R. The First Ottoman Constitutional Period, с. 259-260.

Ahmed Midhat. Üss-ü inkilâb. İstanbul, 1877, 322-329.

12 Текст этого документа см. там же, с. 329-335.

13 См.: Devereux R. The First Ottoman Constitutional Period, с. 49.

14 См.: История дипломатии. Т. II. М. 1963, с. 107.

15 Mahmud Celaleddin. Mirat-i hakikat. Cilt I. Derisaaadet, 1908, с. 223.

16 См. Фадеева Н.Т. Официальные доктрины, с. 17-18.

17 См.: Ahmed Midhat. Üss-ü inkilâb. Т. II, с. 355-383; Gözbüyük A.S. Türk anayasa metinleri. Ankara, 1957, с. 25-38; Убичини А., де Куртейль П. Современное состояние Османской империи, с. 216-235.

18 Подробно см.: Петросян Ю.А. «Новые османы», с. 124-128.

19 См.: Ahmed Midhat. Üss-ü inkilâb, с. 197.

20 АВПР, ф. Главный архив VA², д. 940, л. 72.

21 ЦГВИА, ф. 401, д. 26^б, л. 38.

22 См.: ЦГВИА, ф. ВУА, т V, д. 2, л. 658, 661, 676.

23 См. Devereux R. The First Ottoman Constitutional Period; см. также: Петросян Ю.А. «Новые османы», с. 128-145.

24 Иаркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 34, с. 216.

Глава IV

1 См. Pixley M. The Development and Role of the Seyhulislam in Early Ottoman History. - Journal of the American Oriental Society. Baltimore, 1976, vol. 96, N 1, с. 89-96.

2 Мейер М.С. О соотношении светской и духовной власти в османской политической системе в XVI-XVIII

ва. - Ислам в истории народов Востока. М. 1981, с. 59

³ Uzunçarşılı İ.H.Osmanlı devletinin ilmiye teşkilatı. Ankara, 1965, с. 187.

⁴ Шабазов Ф.Ш. Государственный строй и правовая система Турции в период Танзимата. Баку. 1967, с. 100-101.

⁵ Mardin Ş. The Genesis of Young Ottoman Thought. Princeton, 1962, с. 217-218.

⁶ См.: Новичев А.Д. Борьба между реформаторами и консерваторами в период Танзимата (1839-1853). - Тюркологический сборник. 1973. М. 1975, с. 91-92.

⁷ Желтяков А.Д. Петросян Ю.А. История просвещения в Турции, с. 23-24.

⁸ Например, в Адапазари улемы подстрекали народ к бунту против налоговой реформы, а в Анасье по их призыву фанатики-мусульмане уничтожили карантинный пункт и убили врача. Cinalcık H. Tanzimatın uygulanması ve sosyal tepkileri. - Belleten. Cilt XXVIII, 1964, sayı 112 (636).

⁹ Chambers R.L. The Ottoman Ulema, and the Tanzimat. Scholars, Saints and Sufis. Berkeley, Los Angeles, London, 1972, с. 39-43.

¹⁰ Так, эмиссар правительства Сани-паша, прибыв в 1851 г. в Румелию, обратился к чиновникам и кадиям с прокламацией, в которой утверждалось, что танзиматские реформы полностью соответствуют нормам Корана. (Новичев А.Д. Борьба между реформаторами и консерваторами, с. 99).

¹¹ См. о нем: Mardin Ş. The Genesis, с. 360-384.

¹² Желтяков А.Д. Печать, с. 99.

¹³ Газета писала: «Наш шариат несовместим с произволом, поскольку в управлении общественными делами он основывается на конституционных принципах» (цит. по: там же, с. 130).

- 14 Там же, с. 125-131.
- 15 Mardin Ş. The Genesis, с. 221-224.
- 16 См.: Петросян Ю.А. «Новые османы», с. 71-111;
Фадеева И.Е. Мидхат-паша, с. 73-87.
- 17 Mehmed Ziya. Yenikapu mevlevihanesi.
İstanbul, 1329 с. 180, 188.
- 18 Mahmud Celaleddin. Mirat-ı hakikat. Cilt I.
Derisaadet, 1326, с. 104.
- 19 См.: Петросян Ю.А. «Новые османы», с. 91-93,
96, 117; Цветков П. Турция и ислам при Абдул-Ганиде.
/Б.н./, 1910, с. 28-30.
- 20 Фадеева И.Е. Мидхат-паша, с. 73.
- 21 См.: АВПР, ф. Канцелярия, д. 30, 1876, л.
288; Теплов В. Смутное время, с. 105-107;
Санкт-Петербургские ведомости. 17.07.1876.
- 22 Davison R.H. Reform, с. 367.
- 23 Там же, с. 369-373; Devereux R. The First
Ottoman Constitutional Period, с. 48-51.
- 24 См., например: Chambers R.L. The Ottoman
Ulema and the Tanzimat, Scholars, Saints and Sufis,
Berkeley-Los Angeles-London, 1972, с. 45.

Глава V

- 1 Duru K.N. "İttihat ve Terakki" hatıralarım.
İstanbul, 1957, с. 6; Kuran A.B. Harbiye mektebinde
hürriyet mücadeleleri. İstanbul, 1958, с. 48.
- 2 Temo İ. İttihad ve Terakki cemiyetinin
teşekkülü ve hidemati vataniye ve inkılâb milliye
dair hatıratım. Romanya, Mecidiye, 1939, с. 11-12.
- 3 Там же. Возможно, что Темо имеет в виду газету
«Канун» («Закон»), которую издавал в тот период в
Лондоне видный представитель буржуазно-либеральной
персидской эмиграции Мальком-хан. В этой газете
пропагандировались идеи конституционной монархии.
- 4 Ramsaur E.F. The Young Turks. Prelude to the
Revolution of 1908. Princeton, 1957, с. 16.

⁵ Fesch P. Constantinople aux derniers jours d'Abdul-Hamid. P., 1907, с. 330-331.

⁶ Mandelstam A. Le sort de l'Empire Ottoman. Lausanne-Paris, 1917, с. 10.

⁷ Ramsaur E.E. The Young Turks, с. 19-20.

⁸ Там же, с. 20.

⁹ См. об этом: Berkes N. The Development of Secularism in Turkey, с. 306-307; Mardin S. Jön türklerin siyasi fikirleri, 1895-1908, Ankara, 1964, с. 124-125.

¹⁰ Цит. по: Ramsaur E.E. The Young Turks, с. 24.

¹¹ Там же, с. 25.

¹² См. об этом: Kuran A.B. İnkılâp tarihimiz ve "ittihad ve Terakki". İstanbul, 1948, с. 65-66; Tunaya T.Z. Türkiyede siyasi partiler, с. 109-110; Ramsaur E.E. The Young Turks, с. 21.

¹³ Tunaya T.Z. Türkiyede siyasi partiler, с. 117-122.

¹⁴ Там же, с. 118.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, с. 118-120; 122.

¹⁷ Mardin Ş. Jön türklerin siyasi fikirleri, с. 50-51.

¹⁸ АВПР, ф. Политархив, 1896, д. 834, л. 2.

¹⁹ Mehmed Murad. Taharri-i istikbal. İstanbul, 1329, с. 287-288.

²⁰ Ее изложение см.: Bayur Y.H. Türk inkilâbi tarihi. Cilt I, kısım 1. Ankara, 1963, с. 258-260.

²¹ Там же, с. 260.

²² Murad-Bey. La Force et la faiblesse de la Turquie. Le coupables et les innocents. Geneve, 1897, с. 27.

²³ Там же, с. 58.

²⁴ Там же, с. 59.

- 25 Bayur Y.H. Türk inkilâbı tarihi. Cilt I, kısım 1, c. 325.
- 26 Usûl-ü idare ve ıslahat, muharrir-i bir diplomat. /B. 1319, c. 3-4, 30-38, 46-47, 51.
- 27 АВПР, ф. Политархив, 1896, д. 834, л. 23.
- 28 Kuran A.B. Harbiye mektebinde hürriyet mücadeleleri, c. 48, 50.
- 29 См. об этом: Fesch P. Constantinople, c. 331-334; Ramsaur E.E. The Young Turks, c. 30-34.
- 30 Ramsaur E.E. The Young Turks, c. 40.
- 31 О ниссии Джелаледдин-паши см.: Kuran A.B. inkilâp tarihimiz ve "İttihad ve Terakki", c. 72-76, 96-103; Temo İ. "İttihad ve Terakki", c. 146-149; Ramsaur E.E. The Young Turks, c. 47-51.
- 32 Цит. по: Fesch P. Constantinople, c. 344.
- 33 Mardin Ş. Jön türklerin siyasi fikirleri, c. 95.
- 34 Fesch P. Constantinople, c. 346.
- 35 См. об этом: Kuran A.B. inkilâp tarihimiz ve ittihad ve Terakki, c. 131.
- 36 Там же, c. 130-131.
- 37 Там же, c. 132.
- 38 Ali Fahri. Congres de la Jeune Turquie. Geneve, 1900, c. 1.
- 39 Там же, c. 5.
- 40 Там же, c. 3-4.
- 41 Полный текст письма см.: Fesch P. Constantinople, c. 355-358; Kutay C. Prens Sabahattin Bey; Sultan II Abdülhamit, ittihad ve Terakki. İstanbul, 1964, c. 86-90.
- 42 Beyanname-i umumi, /Б.м., б.г./, c. 5, 14.
- 43 О конгрессе 1902 г. см.: Kuran A.B. inkilâp tarihimiz ve Jön türkler. İstanbul, 1945, c. 151-154; Tunaya T.Z. Türkiyede siyasi partiler, c. 106-107; Fesch P. Constantinople, c. 365-373; Ramsaur E.E. The Young Turks, c. 66-72.

44 Mardin Ş. Jön türklerin siyasi fikirleri, c. 186-187.

45 Tunaya T.Z. Türkiyede siyasi partiler, c. 142.

46 См. об этом: Kuran A.B. İnkılâp tarihimiz ve Jön türkler, c. 155-164; Kutay C. Prens Sabahattin Bey, c. 157-160.

47 См. об этом обществе: Tunaya T.Z. Türkiyede siyasi partiler, c. 149-150.

48 См. об этом: Цовикян Х.М. Влияние русской революции 1905 г. на революционное движение в Турции. «Советское востоковедение», т. III, 1945, с. 23-24.

49 Цит. по: Миллер А.Ф. Буржуазная революция 1908 г. в Турции.—«Советское востоковедение», 1955, №6, с. 37.

50 Bayur Y.H. Türk inkilâbi tarihi. Cilt I, kısım 1, c. 339.

51 Kuran A.B. İnkılâp tarihimiz ve ittihad ve Terakki, c. 196, 204.

52 Duru K.N. "İttihat ve Terakki" hatıralarım, c. 13-15; Tunaya T.Z. Türkiyede siyasi partiler, c. 113-114.

53 О деятельности «Общества родины и свободы» и Мустафы Кемаля см.: Миллер А.Ф. Формирование политических взглядов Кемаля Ататюрка. — Народы Азии и Африки. 1963, N 5, с. 71; Tunaya T.Z. Türkiyede siyasi partiler, c. 150-152; Kızıldoğan H.S. Vatan ve Hürriyet-İttihat ve Terakki. — Belleten. Cilt I, 1937, sayı 3-4, с. 619-625; Unat F.R. Atatürk'ün II Meşrutiyet inkılâbinin hazırlanmasındaki rolüne ait bir belge. — Belleten. Cilt XXVI, 1962, sayı 102, с. 339-349; Ramsaur E.E. The Young Turks, с. 95-110.

54 См. об этом: Kuran A.B. Harbiye mektebinde hürriyet mücadeleri, c. 48-76; Kutay C. Prens Sabahattin Bey, c. 197-211.

55 См. об этом: Кочар М. Армяно-турецкие общественно-политические отношения и армянский вопрос. Ер., 1988, с. 115-120.

56 См. его текст: АВПР, ф. Канцелярия, 1908, д. 104, л. 295.

57 Kuran A.B. İskilâp tarihimiz ve Jön türkler, с. 236-237.

58 См. ее текст: АВПР, ф. Канцелярия, 1908, д. 104, л. 296-297 (французский текст из «Мешверет»); см. также: Kuran A.B. İnkilâp tarihimiz ve Jön türkler, с. 238-242; Tunaya T.Z. Türkiyede siyasî partiler, с. 153-158.

59 АВПР, ф. Канцелярия, 1908, д. 104, л. 296.

60 Там же, л. 297.

61 Там же.

62 Bayur Y.H. Türk inkilâbî tarihi. Cilt I, kısım 1, с. 405.

63 Там же, с. 403-404.

Глава VI

¹ См. об этом: Петросян Ю.А. Русско-турецкие отношения и первые турецкие конституционалисты (1875-1877). - Историко-филологический журнал. 1984, N 4, с. 45-58.

² См. об этом: Восточный вопрос во внешней политике России. М. 1979.

³ Новичев А.Д. История Турции. 2. Новое время. Ч. 1, с. 248-250.

⁴ Цит. по: Убичини А., де Куртейль П. Современное состояние Оттоманской империи, с. 204.

⁵ Новичев А.Д. История Турции. 3. Новое время. Ч. 2, с. 139.

⁶ Там же, с. 186.

⁷ Цит. по: Убичини А., де Куртейль П. Современное состояние Оттоманской империи, с. 208.

8 Millingen F. La Turquie sous le regne d'Abdul-Aziz, с. 257.

9 Du Velay A. Essai sur l'histoire financiere de la Turquie. P., 1903, с. 216-220. Излагается по: Новичев А.Д. История Турции. 4. Новое время. Ч. 3, с. 163.

10 См.: Фадеева И.Е. Мидхат-паша, с. 22.

11 См.: Новичев А.Д. История Турции. 4. Новое время. Ч. 3, с. 173.

12 Дулина Н.А. Танзимат и Мустафа Решид-паша, с. 141.

13 Новичев А.Д. История Турции. 3. Новое время, с. 195.

14 Подробно о них см.: Убичини А. де Куртейль П. Современное состояние Оттоманской империи, с. 168-186.

15 Stambul und das moderne Türkentum. Bd I, с. 84.

16 См. об этом: Сафрастьян Р.А. Доктрина османизма в политической жизни Османской империи. Ер. 1985, с. 39-40.

17 Цит. по: Инджикян О.Г Буржуазия Османской империи. Ер. 1977, с. 43.

18 Сафрастьян Р.А. Доктрина османизма, с. 84.

19 Kuntay M.C. Namık Kemal, с. 470.

20 Ali Suavi. À propos de l'Herzegovine. P., 1875, с. 92-94.

21 См. об этом: Сафрастьян Р.А. Доктрина османизма, с. 63-79; Фадеева И.Е. Мидхат-паша, с. 20-39.

22 Midhat-paşa. Memalik-i osmaniyyenin mazi ve hal ve istikbahi. Derisaadet, 1324, с. 31-32.

23 Там же, с. 14-15.

24 Kuntay M.C. Namık Kemal, с. 186.

25 Цит. по тексту конституции 1876 г..

опубликованному в приложении к книге А.Убичини и П. де Куртейля (с. 216-218, 227).

²⁶ См.: Убичини А., де Куртейль П. Современное состояние Османской империи, с. 218, 227.

²⁷ Маркс К. Греческое восстание. - Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 10, с. 130.

Глава VII

¹ Karal E.Z. Tanzimattan evvel garplılasmı hareketi (1718-1839). - Tanzimat. İstanbul, 1940, с. 8.

² Relation de l'ambassade de Mehmet-Effendi à la cour de France en 1721. Écrite par lui-même et traduit du Turc. 1757.

³ Подробнее о нем см.: Желтяков А.Д. Печать, с. 27-29.

⁴ Tunaya T.Z. Türkiyenin siyasî hayatında batılılasmı hareketleri. İstanbul, 1960, с. 19.

⁵ Там же.

⁶ См.: Миллер А.Ф. Мустафа-паша Байрактар, с. 75-76, 89-93.

⁷ Antel S.A. Tanzimat maarifi. - Tanzimat. İstanbul, 1940, с. 4.

⁸ Подробнее см.: Желтяков А.Д., Петросян Ю.А. История просвещения в Турции, с. 15-17; Новичев А.Д. История Турции. 2. Новое время. Ч. 1, с. 134-150.

⁹ Berkes N. The Development, с. 128-132; Lewis B. The Emergence, с. 129-130.

¹⁰ Новичев А.Д. История Турции. 3. Новое время. Ч. 2, с. 110.

¹¹ Текст записки см.: Kaynar R. Mustafa Reşid paşa ve Tanzimat, с. 84-93. Текст этой записки, которую Р.Кайнар называет «одним из важнейших документов нашей истории эпохи Танзимата», был обнаружен им среди материалов личного архива Мустафы Решид-паши; в момент издания работы Р.Кайнара этот

документ хранился в его личной библиотеке (там же, с. 84).

12 Там же, с. 91-92.

13 Цит. по: Фадеева И.Л. Официальные доктрины, с. 93.

14 Mardin Ş. The Genesis, с. 256.

15 Цит. по: Х.Кяmileв. У истоков современной турецкой литературы. М., 1967, с. 24.

16 Mardin Ş. The Genesis, с. 369.

17 Karal F.Z. Osmanlı tarihi. Cilt VII, с. 246.

18 Желтяков А.Д. Печать, с. 126.

19 Там же, с. 153.

20 См. об этом: Tanyol C. Prens Sabahattin. — Sosyoloji dergisi. İstanbul, 1949, N 4-5; Tütengil C. Prens Sabahaddin (1877-1948). — Там же.

Глава VIII

1 О взглядах Али Суави см. Желтяков А.Д. Печать, с. 96-118; Mardin Ş. The Genesis, с. 360-384.

2 Le General Khéreddine. Réformes nécessaires aux états musulmans. P., 1868, с. 20.

3 Речь идет, вероятно, о Тьере.

4 Le General Khéreddine. Réformes, с. 27.

5 Там же, с. 34.

6 Ali Ekrem. Namık Kemal. İstanbul, 1930, с. 34.

7 Namık Kemal. -Rüya. İstanbul, 1930, с. 5.

8 Там же, с. 7.

9 Hürriyet. 20.07.1868, с. 1.

10 Hürriyet. 24.08.1868, с. 2.

11 Mardin Ş. Genesis, с. 293.

12 Там же, с. 314, 318.

13 Hürriyet. 24.08.1868, с. 2-3.

14 Hürriyet. 20.07.1868, с. 1.

15 Namık Kemal. "Usul-ü meşveret hakkında mektuplar". Makalat-i siyasiye ve edebiye. İstanbul,

1911, 176-231 Сизлагается по: Berkes N. The Development, с. 210-211).

16 Berkes N. The Development, с. 211.

17 Там же, с. 212.

18 Там же.

19 Ebüzziya Tefvik. Cümel-i müntehabe-i Kemal. İstanbul, 1299, с. 5.

20 Hürriyet. 09.11.1868, с. 3.

21 Hürriyet. 07.09.1868, с. 8.

22 Цит. по: Davison R.H. Reform, с. 226.

23 Hürriyet. 14.09.1868, с. 7.

24 См. об этом: Mardin Ş. Genesis, с. 332-333.

25 Цит. по: там же, с. 306.

26 Ebüzziya Tefvik. Cümel-i müntehabe-i Kemal, с. 17.

27 Там же, с. 44-45.

28 Uzunçarşılı İ.H. Namık Kemal'in Abdülhamide takdim ettiği arızalarla Ebüzziya Tefvik Bey'e yollandığı bazı mektuplar. - Belleten. Cilt XI, 1947, N 42, с. 246-249.

29 Hürriyet. 10.08.1868, с. 1-3.

30 Hürriyet. 31.08.1868, с. 1.

31 Karal E.Z. Osmanlı tarihi. Cilt VII, с. 246-247.

32 Там же, с. 246.

33 Hürriyet. 31.08.1868, с. 1.

34 Hürriyet. 16.11.1868, с. 2.

35 Hürriyet. 17.08.1868, с. 3.

36 Hürriyet. 20.07.1868, с. 3-4.

37 Hürriyet. 29.06.1868, с. 3-4.

38 Hürriyet. 14.09.1868, с. 7.

39 Mardin Ş. Genesis, с. 311.

40 См. об этом: Hürriyet. 21.09.1868, с. 6. См. также: Berkes N. The Development, с. 213; Davison R.H. Reform, с. 244-225; Mardin Ş. Genesis, с. 311.

- 41 Kuntay M.C. Namık Kemal. Cilt I, c. 362.
- 42 Там же, с. 470.
- 43 Hürriyet. 07.09.1868, с. 8.
- 44 Цит. Karal E.Z. Osmanlı tarihi. Cilt VII, с. 296.
- 45 Mardin Ş. Genesis, 331-332.
- 46 Ebüzziya Tefvik. Cümel-i mütehabe-i Kemal, с. 30.
- 47 См., например: Kuntay M.C. Namık Kemal. Cilt I, с. 186.
- 48 Kuntay M.C. Namık Kemal. Cilt II, kısım 1, с. 106.
- 49 Kuntay M.C. Namık Kemal. Cilt I, с. 68.
- 50 Цит. по: Sungu İ. Tanzimat ve yeni osmanlılar, 781.
- 51 Hürriyet. 20.07.1868, с. 2.
- 52 Hürriyet. 23.11.1868, 6.
- 53 См. Ebüzziya Tefvik. Cümel-i mütehabe-i Kemal, 32.
- 54 Цит. по: Mardin Ş. Genesis, 327.
- 55 Цит. по: Ali Canip. Türk edebiyatı antolojisi. İstanbul, 1934, 19.
- 56 Там же, с. 21.
- 57 Там же, с. 24.

Глава IX

- 1 Bilgegil M.K. Ziya paşa üzerinde bir araştırma. Erzurum, 1970, с. 6-9.
- 2 Там же, с. 7-11.
- 3 Там же, с. 22-29.
- 4 Там же, с. 29-33.
- 5 Там же, с. 26-27.
- 6 Mardin Ş. The Genesis, с. 338.
- 7 Там же, с. 25-26; Bilgegil M.K. Ziya paşa, с. 68-70.

⁸ Edib-i muhterem merhum Ziya paşanın rûyası. Derîsaadet, 1326, с. 14-16.

⁹ Mardin Ş. The Genesis, с. 77-78.

¹⁰ Bilgegil M.K., Ziya paşa, с. 87-88.

¹¹ Там же, с. 87-88, 100.

¹² Ziya paşanın arzuhalı, с. 23.

¹³ Там же, с. 6-22.

¹⁴ Там же, с. 24-26, 47-49, 53-64.

¹⁵ Там же, с. 26-27, 44-45, 67.

¹⁶ Их изложение см.: Mardin Ş. The Genesis, с. 341-349.

¹⁷ О них см.: Желтяков А.Д. Печать, с. 136-137.

¹⁸ Цит. по: Mardin Ş. The Genesis, с. 352.

¹⁹ Там же, с. 344, 346-347

²⁰ Желтяков А.Д. Печать, с. 121-131.

²¹ Edib-i muhterem, с. 8, 12-13.

²² Там же, с. 15-18, 25-39.

²³ Цит. по: Кямилев Х. У истоков современной турецкой литературы, с. 24-25.

²⁴ Полный текст см. Bilgegil M.K. Ziya paşa, 165-169. См. также: Петросян И.Е. Петросян Ю.А. Из истории турецкой «вольной прессы». - Народы Азии и Африки. 1982, N 2, с. 95-97.

²⁵ Ziya paşanın arzuhalı, с. 30-38, 45-46.

²⁶ Там же, с. 47-48, 53-54.

Глава X

¹ См. об этом: Ali Haydar Midhat. Midhat-Pacha - sa vie, son oeuvre. P., 1908, с. 6-7; Leouzon L. Midhat-pacha. P., 1877, с. 41.

² Адамов А. Ирак Арабский. СПб., 1912, с. 456.

³ Об этом см.: Попова А.А. Политика Турции и национально-освободительная борьба болгарского народа в 60-х годах XIX века. - Вопросы истории. 1953, N 10, с. 58-64.

4 Документи за българската история. Т. I. - Архив на Найденъ Геровъ. София, 1931, с. 471.

5 Адамов А. Ирак Арабский, с. 459.

6 Цит. по: Uzunçarşılı İ.H. Sultan Abdülaziz vakasına dair vakânüvis Lütfi efendinin bir resalesi. - Belleten. Cilt VII, 1943, N 28, с. 371.

7 İnal M.K. Osmanlı devrinde son sadrazamlar. Cüz III. İstanbul, 1942, с. 328-329.

8 Midhat Paşa. Feryat ve figanlar. İstanbul, 1326, с. 13.

9 Там же, с. 2-3.

10 Midhat paşa hayatı siyasiesi hedimaî mænfa hayatı. Birinci kitap. İstanbul, 1325, с. 364.

11 Midhat Pacha. La Turquie. Son passé, son avenir. P., 1878:

12 Midhat Paşa. Feryat ve figanlar, с. 2, 14.

13 Там же, с. 9-10.

14 Там же, с. 10.

15 Там же.

16 Там же, с. 10-11.

17 Там же, с. 13-14.

18 Mudhat paşa hayatı siyasiesi, с. 144-145.

19 Рагозина Е.А. Из дневника, с. 59-61.

20 Midhat paşa hayatı siyasiesi, 367.

21 Там же, с. 138.

22 Ali Haydar Midhat. Midhat Pacha, с. 165.

23 АВПР, Ф. Посольство в Константинополе, д. 1328, л. 154.

24 Midhat Paşa. Feryat ve figanlar, с. 17-18.

25 Там же, с. 18.

26 Там же.

27 Ali Haydar Midhat. Midhat Pacha, с. 164-165.

28 Midhat paşa hayatı siyasiyesi, с. 146-148.

29 Рагозина Е.А. Из дневника, с. 7-9.

30 Midhat Pacha. La Turquie, с. 7-8.

- 31 Benoit-Brunswik La vérité sur Midhat Pacha. P., 1877, с.4.
- 32 Midhat Pacha. La Turquie, с. 15-19.
- 33 АВПР, Ф. Посольство в Константинополе, д. 1328, л. 153.
- 34 Midhat Paşa. Feryat ve figanlar, с. 13-14.
- 35 Lecouzon L. Midhat-pacha, с. 152.
- 36 См. об этом: Uzunçarşılı İ.H. Midhat ve Rüştü Pasaların tevkiflerine ait vesikalar. Ankara, 1946, с. 53; Петросян Ю.А. «Новые османы», с. 85-86.
- 37 Lecouzon L. Midhat-pacha, с. 152-153.
- 38 Midhat paşa hayatı siyasiyesi, с. 137, 150.
- 39 Ali Haydar Midhat. Midhat Pacha, с. 152.
- 40 Там же, с. 139, 149.
- 41 Там же, с. 45, 139.
- 42 Midhat Pacha. La Turquie, с. 28-29.
- 43 АВПР, Ф. Канцелярия МИД, д. 29, л. 38.
- 44 Ahmed Midhat. Oss-ü inkilâb, I kısım. İstanbul, 1294, с. 328.
- 45 Midhat paşa hayatı siyasiyesi, с. 196.
- 46 Midhat paşa. Feryat ve figanlar, с. 97.
- 47 Benoit-Brunswik. La vérité, с. 27.
- 48 Ali Haydar Midhat. Midhat Pacha, с. 139.

Глава XI

- 1 Abdullah Cevdet. Uyanız Mısır, 1908, с. 8.
- 2 Lüt fi. Millet ve hükümet. /İstanbul/, 1324, с. 10-11.
- 3 Mehmed Murad. Taharrir-i istikbal. /Б.м./, 1319, с. 53.
- 4 Uşûl-ü idare ve ıslahat, muharriri bir diplomat, с. 46-47.
- 5 Fındıkoğlu Z.F. Auguste Comte ve Ahmed Riza. - Fakülteler matbaası. İstanbul, 1961, с. 12.
- 6 Ahmed Saib. Rehnüma-i inkilâp. Mısır, 1318, с. 61.

- 7 Там же, с. 65-66.
- 8 Цит. по: Karal E.Z. Osmanlı tarihi. Cilt VIII, с. 533.
- 9 Цит. по: Mardin Ş. Jön türklerin siyasi fikirleri, с. 136.
- 10 Там же, с. 137.
- 11 Там же, с. 194.
- 12 Цит. по: Karal E.Z. Osmanlı tarihi. Cilt VIII, с. 524.
- 13 Цит. по: Bayur Y.H. Türk inkilâbi tarihi. Cilt I, kısım 1, с. 263.
- 14 Sabaheddin. Meslekimiz hakkında üçüncü ve son bir izah. /İstanbul/, 1328, с. 3. Подробнее о взглядах Сабахеддина см. в следующей главе.
- 15 Цит. по: Tütengil M.C. Prens Sabaheddin, с. 198.
- 16 Karal E.Z. Osmanlı tarihi. Cilt VIII, с. 532.
- 17 Цит. по: Bayur Y.H. Türk inkilâbi tarihi. Cilt I, kısım 1, с. 278.
- 18 Цит. по: Mardin Ş. Jön türklerin siyasi fikirleri, с. 133.
- 19 Там же, с. 132-133.
- 20 Taşra vatandaşlarımıza hediye-i hürriyet. İstanbul, 1324, с. 33-37.
- 21 См.: Bayur Y.H. Türk inkilâbi tarihi. Cilt I, kısım 1, с. 266.
- 22 Цит. по: Mardin Ş. Jön türklerin siyasi fikirleri, с. 166.
- 23 Там же, с. 198.
- 24 Там же, с. 105.
- 25 Цит. по: там же, с. 186.
- 26 Beyanname-i umumi. /Б.м., б.г./, с. 14.
- 27 Цит. по: Mardin Ş. Jön türklerin siyasi fikirleri, с. 195.
- 28 Цит. по: Bayur Y.H. Türk inkilâbi tarihi. Cilt I, kısım 1, с. 373.

- 29 Mardin Ş. Jön türklerin siyasi fikirleri, c. 92.
- 30 Цит. по: Bayur Y.H. Türk inkilâbi tarihi. Cilt I, kısım 1, c. 372.
- 31 Там же, c. 262.
- 32 Mardin Ş. Jön türklerin siyasi fikirleri, c. 73.
- 33 Цит. по: там же, c. 140.
- 34 Там же, c. 142.
- 35 Там же, c. 108.
- 36 Abdullah Cevdet. Uyanız!, c. 6.
- 37 Karal E.Z. Osmanlı tarihi. Cilt VIII, c. 525.
- 38 Mardin Ş. Jön türklerin siyasi fikirleri, c. 108.
- 39 Там же, c. 201.
- 40 Там же.
- 41 Karal E.Z. Osmanlı tarihi. Cilt VIII, c. 531, 561.
- 42 См. об этом: Гасанова Э.Ю. Идеология буржуазного национализма в Турции в период младотурок. Баку, 1966, с. 35; Mardin Ş. Jön türklerin siyasi fikirleri, c. 203-207.
- 43 Mardin Ş. Jön türklerin siyasi fikirleri, c. 204.
- 44 Kuran A.B. İnkilâp tarihimiz ve "İttihad ve Terakki", c. 209-210.
- 45 См. об этом: там же, c. 195-216; Bayur Y.H. Türk inkilâbi tarihi. Cilt I, kısım 1, c. 345-349.
- 46 Цит. по: Kuran A.B. İnkilâp tarihimiz ve "İttihat ve Terakki", c. 209.
- 47 Цит. по: Tütengil M.C. Prens Sabaheddin, c. 193.

Глава XII

- ¹ Подробнее о деятельности Данада Махнуд-паши в

эмиграции см.: Петросян Ю. А. Младотурецкое движение, с. 202 и сл.

² Tütengil M.C. Prens Sabaheddin, с. 187.

³ Там же.

⁴ Там же, с. 188.

⁵ Beyanname-i umumi.

⁶ Там же, с. 3.

⁷ Там же, с. 4-5.

⁸ Там же, с. 14.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, с. 5, 14.

¹¹ См. об этом: Петросян Ю. А. К изучению идеологии младотурецкого движения. - Туркологический сборник. К шестидесятилетию А. Н. Кононова. М., 1966, с. 211-227.

¹² Beyanname-i imumi, с. 11.

¹³ Tütengil M.C. Prens Sabaheddin, с. 192.

¹⁴ Там же, с. 192-193.

¹⁵ Цит. по: Bayur Y.H. Türk inkilâbi tarihi. Cilt I, kısım 1, с. 273.

¹⁶ См.: Sabaheddin M. Meslekimiz hakkında Uçuncu ve son bir izah.

¹⁷ Sabaheddin M. Teşebbüsü şahsi ve tevsî-i mezuniyet... Derisaadet, 1324/1908.

¹⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1908, д. 39, л. 260-261; Tütengil M.C. Prens Sabaheddin, с. 197-198.

¹⁹ Sabaheddin M. Teşebbüsü şahsi ve adem-i merkeziyet... İstanbul, 1324/1908.

²⁰ Tütengil M.C. Prens Sabaheddin, с. 204.

²¹ Sabaheddin M. Meslekimiz hakkında Uçuncu ve son bir izah.

²² Это - единственная теоретическая работа Сабахеддина, оказавшаяся для нас недоступной. Весьма подробный разбор ее содержится в статье Дж. Танёла, опубликованной в «Социологическом журнале»

- Стамбульского университета (Tanyol C. Prens Sabahattin. İctimai monografi. - Sosyoloji dergisi. 1949, N 4-5, с. 145-175).
- 23 Цит. по: там же, с. 155.
  - 24 Там же.
  - 25 Sabaheddin M. Meslekimiz hakkında Üçüncü ve son bir izah, с. 70-71.
  - 26 Там же, с. 71.
  - 27 Там же.
  - 28 Tanyol C. Prens Sabahattin, с. 156.
  - 29 Sabaheddin M. Teşebbüsü şahsi ve tevsii mezuniyet..., с. 15.
  - 30 Там же, с. 17.
  - 31 Sabaheddin M. Meslekimiz hakkında Üçüncü ve son bir izah, с. 83, 99.
  - 32 Там же, с. 83-88.
  - 33 Tütengil M.C. Prens Sabaheddin, с. 193.
  - 34 Цит. по: там же, с. 200.
  - 35 Там же.
  - 36 Там же, с. 201.
  - 37 Там же, с. 197.
  - 38 Там же, с. 198.
  - 39 Там же.
  - 40 Там же.
  - 41 Sabaheddin M. Meslekimiz hakkında Üçüncü ve son bir izah, с. 81.
  - 42 Там же.
  - 43 Там же, с. 120-121.
  - 44 Türkiye nasıl kurtarılabilir, с. 28. Цит. по: Tanyol C. Prens Sabahattin, с. 155-156.
  - 45 Там же, с. 156.
  - 46 Там же, с. 157.
  - 47 Инджикян О.Г. Буржуазия Османской империи, с. 234-235.
  - 48 Там же, с. 232.

SUMMARY

In the Ottoman Empire the process of reforms was greatly influenced by three important factors. The first one is the stability and conservatism of economic life which permitted the state to exist for a long time without any serious economic reforms. The traditional handicrafts, trade and agriculture were affected by a new type of economy only in the country's frontier regions where the contacts with European trade took place, as well as in the narrow sphere of state (military) manufacturing.

Another factor is connected with the above mentioned. Though by the second half of the 19th century the Ottoman Empire had got some features of a semi-colony it had not really become either a colony or a semi-colony in the true sense of the word. The capacity for self-balancing with the traditional institutions and the developed forms of diplomatic activities were of such efficiency that the Ottoman rulers, using the strategic position of the state as well as the rivalry between the European powers in their struggle for the "Ottoman heritage" during the whole period of modern history could maintain political and economic independence.

The third factor of great importance for the history and fate of the reform movement was the multinational nature of the Ottoman Empire. The problem of maintaining the political power over the conquered nations in the 19th century became a powerful impetus to the reforms in the Ottoman Empire.

All these factors actively interacted and influenced the aims and tactics of the Ottoman state machine in the sphere of reforms. For better understanding the process of reforms it is important to comprehend the mentality and subjective aims of social groups taking part in the reform movement. It should be noted that during the initial period of reforms the main impetus was coming from the outside. Wars at the end of the 17th century and especially in the 18th century revealed the weakness of the Ottoman military machine as compared to the European one. The Ottoman rulers have always regarded themselves as strong military sovereigns capable of influencing the

major political processes in the neighbouring Europe and Asia. The war defeats asked for serious revision of the state policy. First of all the only social group having access to the whole volume of information and power as well as possessing necessary level of education was high secular and church bureaucracy with the sultan at the head. Their feeling of patriotism based on the idea of immanent superiority of Islam and Islam state patterns obviously inspired their first attempts in the area of military reform.

The second step was the improvement of state education system which has extended a group of individuals with the European view of life and mentality. They formulated further goals in reforming a governmental system upon the European pattern. The reformers dreamed of forming a modern civilized society more attractive especially for the non-Muslim subjects of the Ottoman Empire.

But little has been done in the economics. Economic reforms were the weakest point of the reformers' activities. That seems to be because of the organic inability of the reformers to make decisive steps in this field. But one must also admit their insufficient knowledge of the economic science. Besides, they were convinced that the country's progress can be easily achieved by means of changing the administrative system. It may also be so that the reformers' competence and the character of their political strategy didn't fit the complexity of the task.

A great part of the Turkish functionaries, even in the period of active reform movement, was formed under the influence of a powerful traditional culture. The reform-minded bureaucracy was not numerous. Social and political orientation of the major part of the governmental class was rather vague. Not being directly linked with any social stratum and having very specific economic interests, this bureaucracy often acted for the sake of the "general state interests" which were often understood in a protective and not innovative way. Only a direct threat to the very existence of state could make this bureaucracy en masse act more or less radically.

The victory of the radical trend of the reform movement has become possible due to resolute intervening into the process of young Turkish intellectuals. If the emergence of reform-minded bureaucracy marked the political and cultural shift in one of the traditional social stratum, the coming of the reform protagonists from the "middle" (newly-educated) class was a phenomenon of great significance in social and political life of the

Ottoman state. One can say that quite a new social stratum has appeared. It consisted of the state's most enlightened and competent individuals. With the help of literature and press they obtained an influential position in the political life of the country. And though the leading role in conducting the reforms was still possessed by the representatives of traditional bureaucracy, the activities of young intellectuals could give strong social support to the radical trend of the reform movement. The numerical growth of this stratum and its high competence were the results of the development of education system in the Ottoman state as well as the emergence of the press and the scientific public societies.

In the decisive moment of the country's political life the reformist bureaucracy and the young intellectuals began to closely cooperate thus creating necessary social basis for the emergence in 1876 of the first Turkish constitution. At the top of the acute struggle for political integrity of the country they could support the basic political reform aimed at partial restriction of the Sultan's absolute power in order to prepare necessary conditions for further reforms.

But though the promulgation of the constitution and the convention of the Parliament in 1876 may be considered as the logical result of the struggle for reforms, the event had no solid cultural basis at that time. Besides, the promulgation of the constitution signified at least externally some restriction of the Sultan's power. It undermined the very foundations of the empire unity. The increase of national movement in the Empire frustrated the strategic plans of the Ottoman ruling class making impossible maintaining the political integrity of the state. That is why serious political moving back could occur, with the prohibition of the Ottoman constitution and dissolution of Parliament. The promulgation of the Constitution in 1876 came as a result of many favourable factors and was in many senses premature. Moreover, the first constitutional attempt and its consequent defeat paradoxically strengthened for a time the old system of the Ottoman state.

Analyzing the reformation processes in the Ottoman Empire one should admit that struggle for the reforms was partially successful. But the rich experience of political struggle accumulated by the society gave solid basis to the ensuing Young Turks movement which completed the work. Following the political line of the Ottoman intellectuals the Young Turks have solved the main problems of the reformation movement except one, that is the Empire national question.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.	3
Введение.	4

Ч А С Т Ь I ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА РЕФОРМАТОРОВ

Глава I.	
Султаны-реформаторы и новая бюрократия империи.	9
Глава II.	
От тайного общества к реформаторскому движению.	32
Глава III.	
"Неожиданная" конституция.	42
Глава IV.	
Улемы и реформы.	51
Глава V.	
На рубеже столетий.	56
Глава VI.	
Реформаторы и национальные движения.	78

Ч А С Т Ь II ИДЕОЛОГИЯ И ИДЕОЛОГИ ДВИЖЕНИЯ ЗА РЕФОРМЫ

Глава VII.	
Идеи "европеизации" и реформаторы.	89
Глава VIII.	
"Реформатор-централист".	95
Глава IX.	
Консервативный реформатор.	..107
Глава X.	
"Отец конституции".	..116
Глава XI.	
Реформаторы новой волны.	..129
Глава XII.	
Принц-радикал.	..140
Заключение.	..151
Примечания.	..159
Суммагу.	..183

Научное издание

**Петросян Ирина Евгеньевна,
Петросян Юрий Ашотович**

**ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ:
Реформы и реформаторы
(конец XVIII— начало XX вв.)**

*Утверждено к печати
институтом востоковедения
российской академии наук*

Заведующая редакцией С.В.Полтавская

Редактор И.М.Дижур

Младший редактор Г.О.Ковтунович

Художник Б.Г.Дударев

Художественный редактор Э.Л.Эрман

Технический редактор В.П.Стуковнина

Корректор Г.П.Каткова

ИБ № 17265

**Сдано в набор 26.02.92. Подписано к печати 16.12.92
Формат 60х90 ¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная
Усл.п.л. 11,75. Усл. кр.-отт. 12,0. Уч.-изд.л. 11,86
Тираж 810 экз. Изд. № 7438. Зак. № 11. Цена "С"—1**

ВО "Наука"

**Издательская фирма "Восточная литература"
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21**

3-я типография ВО "Наука"

107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ФИРМОЙ
"ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА"
ВО "НАУКА"

Г О Т О В И Т С Я   К   И   З   Д   А   Н И   Ю

Арутюнова-Фиданян В.А. Армяно-византийская контактная зона: результаты взаимодействия культур (X—XI вв.). 20 л.

Монография представляет собой первое исследование не разработавшейся доньше в мировой историографии темы, а именно — формирования армяно-византийской контактной зоны, взаимодействия армянского и византийского миров в X—XI вв. — в период наиболее длительных и тесных контактов этих государств. Именно в средние века, когда страны были менее замкнуты в национальных и государственных границах, процессы в зонах встреч цивилизаций оказывали значительное влияние на ход мировой истории. Византия была окружена бахромой лимитрофов, через которые осуществлялось ее влияние на соседей и впитывалась культура сопредельных стран.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книжоторгов и "Академкниги", а также по адресу: 117192, Москва В—192, Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 ("Книга-почтой") "Академкниги".

1802
И. Е. Петросян, Ю. А. Петросян

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

реформы
и реформаторы